

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

Российский междисциплинарный журнал социально-гуманитарных наук

Зарегистрирован в Федеральной службе
по надзору за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия
(Свидетельство о регистрации *ПИ № ФС 77-21093*)

2010 **Ежеквартальное издание. Включено в перечень ВАК** **№ 1**

Основан в 2001 г.

Проблемным Советом РФ «Интеллигенция. Культура. Власть»

Министерство образования и науки Российской Федерации

ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет»

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **В. С. Меметов** (*главный редактор*),
доктор исторических наук, профессор **С. М. Усманов**
(*заместитель главного редактора*),
кандидат исторических наук **А. К. Калинин**,
кандидат исторических наук, доцент **В. В. Комиссаров**,
кандидат исторических наук, доцент **С. С. Садина**,
кандидат исторических наук, доцент **Н. Г. Юркин**
(*ответственный секретарь*)

*Издается НИИ интеллигентоведения
при Ивановском государственном университете*

Адрес редакции:

153025 Иваново, ул. Ермака, 39

Факс: (4932) 32-66-00

E-mail:

vs_memetov@mail.ru

Над номером работали:

Директор издательства *Л. В. Михеева*

Редактор *М. Б. Балябина*

Технический редактор *И. С. Сибирева*

Компьютерная верстка *Н. Г. Юркин*,

Т. Б. Земскова

Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

Перепечатка без разрешения редакции журнала «Интеллигенция и мир» не допускается.

ISSN 1993-3959

© НИИ интеллигентоведения при ИвГУ, 2010

© ГОУ ВПО «Ивановский государственный университет», 2010

Подписные индексы

Почта России 60320

Пресса России 41533

Электронная копия журнала размещена на сайтах www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

INTELLIGENTSIA AND THE WORLD

Russian Interdisciplinary Journal of Humanities

Registered by Federal Service for Control of Observation
of the Law on Mass Communication
and for the Preservation of Cultural Heritage
(Registration License *III № ФС 77-21093*)

2010 **Accredited by the Higher Attestation Commission** **№ 1**
of the Russian Federation. Quarterly

**Founded in 2001 by the Council of the Russian Federation
on the Problem of Intelligentsia, Culture and Power**

**Ministry of Education and Science of the Russian Federation
State Educational Establishment of Higher Professional Education –
Ivanovo State University**

Editor-in-Chief Prof. **Valery S. Memetov**, Dr. Sc. History

Editorial Board:

Prof. **Sergey Usmanov**, Dr. Sc. History (*Deputy Editor-in-Chief*),
Alexander Kalinin, Cand. Sc. History,
Assoc. Prof. **Vladimir Komissarov**, Cand. Sc. History,
Assoc. Prof. **Svetlana Sadina**, Cand. Sc. History,
Assoc. Prof. **Nikolay Yurkin**, Cand. Sc. History (*Secretary of the Board*)

*Edited by the Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University*

Address of the Redaction:

153025 Ivanovo ul. Ermaka 39
Tel./ Fax: 8-4932-32-66-00
vs_memetov@mail.ru

Working team:

Director of the Publishing House
Lyudmila Mikheeva
Redactor *Marina Balyabina*
Technical Redactor *Irina Sibiryova*
Computer Design *Nikolay Yurkin,*
Tatyana Zemskova

The authors' views may differ from the viewpoint of the Editorial Board.
No reprints without the Editorial Board permission allowed.

ISSN 1993-3959

© Research Institute on Intelligentsia Studies
at the Ivanovo State University, 2010
© Ivanovo State University, 2010

Subscription indexes

The Post of RF 60320

Press of RF 41533

The e-copy of the issue can be accessed at www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Редакционный совет:

В. С. Меметов, Ивановский государственный университет (председатель Редакционного совета); **А. И. Аврус**, Саратовский государственный университет; **Амвросий** (Щуров), Архиепископ; **В. Р. Веселов**, Костромской государственный университет; **В. С. Волков**, Санкт-Петербургский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена; **Ю. М. Воронов**, Ивановский государственный архитектурно-строительный университет; **М. Е. Главацкий**, Уральский государственный университет (Екатеринбург); **А. А. Данилов**, Московский педагогический государственный университет; **В. Н. Егоров**, Ивановский государственный университет; **Э. Б. Ершова**, Государственный университет управления (Москва); **С. С. Загребин**, Челябинский государственный педагогический университет; **О. В. Золотарев**, Коми государственный педагогический институт (Сыктывкар); **А. В. Квакин**, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; **Г. Н. Кныш**, Днепрпетровский национальный университет (Украина); **М. И. Кондрашова**, Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург); **Г. В. Корзенко**, Институт истории Национальной Академии наук Беларуси (Минск); **В. А. Мансуров**, Институт социологии РАН; **И. И. Осинский**, Бурятский государственный университет (Улан-Удэ); **В. А. Порозов**, Пермский государственный педагогический университет; **В. Г. Рыженко**, Омский государственный университет; **И. В. Сибиряков**, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск); **Ф. Х. Соколова**, Поморский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Архангельск); **В. Л. Соскин**, Сибирское отделение ИРИ РАН; **Талгат Таджуддин**, Центральное Духовное Управление мусульман России и Европейских стран СНГ; **С. А. Филатов**, Конгресс интеллигенции РФ; **Р. Г. Яновский**, Институт социально-политических исследований РАН.

Editorial board:

V. S. Memetov, Ivanovo State University (Chairman of the Editorial Board); **A. I. Avrus**, Saratov State University; **Amvrosiy (Tshurov)**, archbishop; **V. R. Veselov**, Kostroma State University; **V. S. Volkov**, Herzen University (St. Petersburg); **Y. M. Voronov**, Ivanovo State Architectural University; **M. E. Glavatskiy**, Ural State University (Ekaterinburg); **A. A. Danilov**, Moscow State Pedagogical University; **V. N. Egorov**, Ivanovo State University; **E. B. Ershova**, State University of Management (Moscow); **S. S. Zagrebin**, Chelyabinsk State Pedagogical University; **O. V. Zolotaryov**, Komi State Pedagogical Institute (Syktyvkar); **A. V. Kvakín**, Moscow State University named after M.V. Lomonosov; **G. N. Knysh**, Dnepropetrovsky State University (Ukraine); **M. I. Kondrashova**, Ural State Academy of Law (Ekaterinburg); **G. V. Korzenko**, Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus (Minsk); **V. A. Mansurov**, Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; **I. I. Osinsky**, Buryat State University (Ulan-Ude); **V. A. Porozov**, Perm State Pedagogical University; **V. G. Ryzjenko**, Omsk State University; **I. V. Sibiryakov**, South Ural State University (Chelyabinsk); **F. H. Sokolova**, Pomorsky State University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk); **V. L. Soskin**, Siberian Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences; **Talgat Tadguddin**, Central Religious Department of Muslims of Russian and the European Part of CIS; **S. A. Filatov**, Kongress of Intelligentsia of Russian Federation; **R. G. Yanovsky**, Institute of socio-political research of the Russian Academy of Sciences.

СОДЕРЖАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

- Соловьёв А. А.* Путь веры и знания: антиномии «Вех» 7
Колпакова С. П. Креативный труд в условиях социально-
экономической модернизации России 15

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Яновский О. А.* Тернистая дорога к марксизму, или российская
интеллигенция в белорусских реалиях 1920-х годов 27
Игумен Феодосий (Иванников). Евразийцы как представители
русской интеллигенции первой половины XX века 43
Золотарев О. В. Советское учительство в 1930-е годы 56
Чередникова А. Ю. Особенности взаимоотношений властей
и лужицких общественных организаций (1918—1949 гг.) 68

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

- Попов А. В.* Генезис древнерусской военной интеллигенции 77

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

- Ревин И. А.* Формирование сельской интеллигенции Области
войска Донского выходцами из крестьянского сословия 88

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

- Брагина Н. Н.* Бюрократическое скерцо глазами музыканта
(О перипетиях духовной жизни индивидуума
на фоне картины мирового порядка в городе Градове,
придуманном Андреем Платоновым: смешное и несмешное) 99

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Порозов В. А.* Двадцатая, юбилейная Международная интеллигент-
товедческая научно-теоретическая конференция в Иванове,
24—26 сентября 2009 г. 120
Аннотации 132
Информация для авторов 140

CONTENTS

ACTUAL PROBLEMS OF CONTEMPORARY INTELLIGENTSIA STUDIES

- Solovyov A. A.* The way of faith and knowledge: antinomies
of «Landmarks» 7
- Kolpakova S. P.* Creative labor in the conditions
of social-economic modernization of Russia 15

FROM THE HISTORY OF INTELLIGENTSIA

- Yanovsky O. A.* The thorny way to Marxism or Russian intelligentsia
in Belorussian reality of 1920-s. 27
- Hegoumenos Feodosy (Ivannikov).* Eurasians as representatives
of Russian intelligentsia in the first half of the 20th century 43
- Zolotaryov O. V.* Soviet teachers in 1930-s. 56
- Cherednikova A. Yu.* Peculiarities of interrelationship between
authorities and social organizations of Luzhitsa in 1918—1949 68

FROM THE HISTORY OF MILITARY INTELLIGENTSIA

- Popov A. V.* Genesis of the Old Russian military intelligentsia 77

ROLE OF INTELLIGENTSIA IN THE DEVELOPMENT OF REGIONS

- Revin I. A.* Formation of rural intelligentsia of a region
of Donskoye Host held by peasants 88

PERSONALITY IN THE DISCOURSE OF INTELLIGENTSIA STUDIES

- Bragina N. N.* Bureaucratic scherzo by the eyes of a musician
(About the peripeteias of spiritual life of an individual
in the background of a world's order picture in the town
of Gradov, composed by Andrei Platonov: funny and not funny) 99

SCIENTIFIC LIFE

- Porozov V. A.* The 20th anniversary international scientific-theoretical
conference on intelligentsia studies in Ivanovo,
September 24—26, 2009 120
- Annotations* 132
- Information for authors* 140

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЯ

ББК 63.3 (2) 533—283.2

А. А. Соловьёв

ПУТЬ ВЕРЫ И ЗНАНИЯ: АНТИНОМИИ «ВЕХ»

В интеллектуальной истории время зачастую обращается вспять, востребует идеи, которые в силу объективных причин в определённый историко-культурный период были утрачены. XX век преимущественно апеллировал к этике язычества, рождая иерархию символов, превращённых в симулякр, лишённых смыслового содержания, но от этого не теряющих своей привлекательности. Возможно, единственный путь в «сумерках» современной цивилизации, воплощение которого в исторической перспективе во многом обусловлено антиномическим единством интеллигенции и Церкви, — это *путь веры и знания*, озаряемых *любовью*, понимаемой как онтологическая реальность, то есть истина бытия. Именно в этом заключается сущность основных проблем, выраженных авторами сборника «Вехи» (1909), актуальность которого и спустя столетие представляется более чем очевидной.

Содержание сборника обозначило, прежде всего, необходимость переоценки ценностей образованного общества, их иерар-

© Соловьёв А. А., 2010

Соловьёв Андрей Авенирович — доктор исторических наук, профессор кафедры культурологии и филологии, декан гуманитарного факультета Костромского государственного технологического университета. anh@kostroma.ru.

личности; показало, что, оставаясь в границах чисто политических задач, русская интеллигенция не способна решить и самих политических вопросов, и гораздо более важных человеческих проблем.

«Вехи» стали генетическим продолжением сборника «Проблемы идеализма» (1902). Объединяющим их фактором послужила как общая идейная позиция, так и состав участников (С. Булгаков, Н. Бердяев, С. Франк, Б. Кистяковский, П. Струве). Но «Вехи» отражали совершенно иной в отличие от «Проблем идеализма» интеллектуальный и нравственный климат эпохи. В значительной мере это было связано с практическим воплощением и деформациями теоретических построений метафизического утопического идеализма, проявившихся в русском освободительном движении 1905—1907 гг., несостоятельностью многих выдвигавшихся ранее идей. Другой характерной чертой сборника являлась духовная эволюция его авторов к утверждению положительной религиозности и отходу от любых форм радикализма.

Исследуя в разных плоскостях проблему интеллигенции, участники «Вех» были едины в основополагающем принципе признания «теоретического и практического первенства духовной жизни над внешними формами общежития». Утверждая, что возможный переход интеллигенции к «новому сознанию» предполагает «синтез знания и веры» (Н. А. Бердяев)¹, авторы доказывали существование абсолютных нравственных ценностей, приоритетность ценностного поиска в национальной философской и культурной традиции перед западными заимствованиями. Безрелигиозный максимализм в соединении с политическим радикализмом интеллигентского общества должен быть преодолен, по мнению участников сборника, в «творческой борьбе идей и отрицании своей безрелигиозной сущности» (П. Б. Струве)². Тем самым основной характеристикой интеллигенции признавалось её отношение к религии, ибо от самоопределения в этом вопросе во многом могло зависеть «историческое будущее всей России» (С. Н. Булгаков)³.

С этим связана и другая характерная черта светского культурного общества (хотя П. Струве в своей статье в «Вехах» и разграничивает собственно интеллигенцию и представителей образованного класса в России) — морализм русской интеллигенции, своеобразное отражение её нигилизма, когда отрицание абсолют-

ных (объективных) ценностей ведёт к «революционизму», то есть к метафизической абсолютизации ценности разрушения (С. Л. Франк)⁴. Переоценка своего мессианского значения для внутренних судеб Отечества («героизм»), так называемая канонизация мартиролога своих представителей («жертвенность») и, как следствие, максимализм целей (спасение человечества, нации и т. д.), произвольность средств их достижения сочетаются в мировоззрении русской интеллигенции, по мнению авторов «Вех», с признанием ею единственно достойным объектом своего интереса чего-то лежащего вне личности отдельного человека.

Последствием данного положения, по мнению участников сборника, является, во-первых, непрофессионализм интеллигенции и, во-вторых, преобладающее значение крайних элементов в любой области человеческой жизни (А. С. Изгоев)⁵. Ярким примером этого может служить приниженное значение права как одной из культурных ценностей и отрицание идеи компромисса в области права, а без этой идеи невозможно существование конституционного государства (Б. А. Кистяковский)⁶.

Авторы «Вех» призывали интеллигенцию к своеобразному покаянию, осознанию своей роли в настоящем и прошлом российской истории, к углублению во внутренний мир и движению к религиозному гуманизму. «Не вокруг творцов нового шума — вокруг творцов новых ценностей вращается мир!» — так словами Ницше характеризовал особенность переживаемого момента в развитии интеллигенции, её дальнейшего существования С. Франк⁷.

В отличие от сборника «Проблемы идеализма» и дискуссий, происходивших в среде интеллигенции в период 1901—1904 гг., «Вехи» особо подчёркивали общую несостоятельность утилитарно-общественного критерия в отношении к философии и предпочтения внешних факторов преодоления, посредством политических и иного рода реформ, общественного неустройства. Неизменным же оставалось обращение авторов к самоценности индивидуального «я» личности, чёткое разграничение сфер проявления категорий науки и религиозной веры. Была усилена мотивировка религиозной природы русской интеллигенции. Нравственные критерии православия выступают в сборнике противоречивым мировоззренческим ориентациям значительной части интеллигентского общества.

Многие идеи, высказанные в сборнике, не являлись «откровением» русской религиозно-философской мысли⁸. Его авторы отстаивали своё убеждение в том, что публичной критикой взглядов интеллигенции в кризисный момент русской истории они отвечают на общее требование пересмотра тех принципов, которые раньше были приняты лишь на веру.

Резонанс «Вех» был велик. Причина этого лежит в значении несоизмеримо большем, чем смысл тех исторических событий, которыми был вдохновлён сборник. Основа его проблематики касалась вечных вопросов соотношения «духовности» — в истории и в личности, эту духовность выражающей. Отклики на сборник приняли форму общенациональной полемики о характере и идеалах русской интеллигенции, которая велась с неослабевающим интересом.

Символично, что сочувственно к идеям, высказанным авторами «Вех», отнёсся архиепископ Антоний (Храповицкий), который в открытом письме, опубликованном в мае 1909 г. в газете «Слово», назвал выход сборника «подвигом великим и прекрасным»⁹. Вместе с тем, многие представители светского образованного общества, предпочитая толковать «веховскую» платформу как призыв к интеллигенции выйти из политической борьбы и сосредоточиться на задаче религиозного совершенствования, несправедливо, как нам кажется, отождествляли «Вехи» с правым спектром в общественно-политической жизни, стремились дискредитировать сборник, превратив полемику в пропаганду. Это положение превалирует в дискуссиях политических партий по поводу выхода сборника, в частности, в отзыве кадетов — «Интеллигенция в России» (среди авторов, в числе прочих, были лидеры конституционных демократов историк П. Н. Милюков и Д. Н. Овсянко-Куликовский — автор многотомного исследования об интеллигенции)¹⁰. Вызванный в значительной мере тактическими соображениями — желанием конституционных демократов идентифицировать себя в общественном мнении с героическими традициями радикальной интеллигенции, верой в необходимость объединения в борьбе против правительства, авторы сборника, признавая относительную ценность «веховской» критики интеллигенции, в то же время доказывали, что её наиболее непривлекательные черты должны исчезнуть в результате обще-

ственного и экономического прогресса, по мере развития которого интеллигенция будет всё более соответствовать западным классическим образцам интеллектуальной мысли.

Другим полюсом в отрицательной характеристике «Вех» являлись партии левого спектра. Вырывая из контекста всей статьи М. Гершензона фразу, подчёркивающую степень отчуждения интеллигенции от масс¹¹, лидеры левой интеллигенции в значительной мере использовали критику сборника также в явно пропагандистских целях. Г. В. Плеханов дал краткие ссылки на «Вехи» в серии статей в журнале «Современный мир» за 1909 г. Как «непреодолимую склонность к религиозному догматизму» характеризовал он состояние авторов сборника, а также ряда противоположных им по мировосприятию представителей интеллигенции — А. Луначарского, Д. Мережковского, Н. Минского и др. Г. Плеханов подчёркивал, что «религия не создаёт нравственности», а только освящает её правила, вырастающие на почве конкретно-исторического общественного строя¹². Во введении к коллективному сборнику социалистов-революционеров их лидер В. Чернов рассматривал «Вехи» как «наиболее реакционную книгу десятилетия», как работу контрреволюционеров, чьей основной мишенью было русское народничество и партия его прямых наследников¹³.

В полемике вокруг «Вех» приняли участие и представители художественной интеллигенции — Д. Мережковский, В. Розанов, А. Белый, Д. Философов, Л. Толстой, К. Чуковский и др. Единодушия в оценках сборника у деятелей литературы так же, как и у представителей общественно-политических движений не было. С отрицательных позиций выступил Д. Мережковский, который в статье «Семь смиренных», вышедшей в газете «Речь» 26 апреля 1909 г., назвал сборник отлучением русской интеллигенции, а его авторов «семью смиренными, семью цветами радуги, слитыми в один белый цвет во имя общего дела — ненависти»¹⁴. Идее внутреннего самосовершенствования он противопоставлял собранность, общественность, Церковь, вне которой нет спасения. Напротив, А. Белый и В. Розанов приняли веховскую критику интеллигенции, положительно оценив выход сборника. А. Белый в журнале «Весы» назвал сборник «замечательной книгой», цель которой — «не суд, а призыв к самоуглублению»¹⁵. В. Розанов

считал, что авторы «Вех» способствовали духовному подъёму русской интеллигенции через самоотречение и самоуглубление в сущность внутреннего мира: «Это — самая грустная и самая благородная книга, какая появилась за последние годы»¹⁶.

Резонанс «Вех» в общественной мысли России позволяет сделать некоторые выводы. «Вехи» достаточно продуктивно выражали своё критическое проникновение в сущность пороков утопического сознания интеллигенции. Однако творческие идеи отдельных авторов, как заметил П. Н. Милюков, несут «в себе наследие того прошлого, которое они отвергают»¹⁷. Вопреки мнению многих критиков, сборник не предлагал в целом решения проблем, стоящих перед Россией. Напротив, наиболее провиденциальные страницы «Вех» — те, на которых исследуется стремление русских радикалов к окончательным ответам на все вопросы. Проблема достижения религиозного идеала, отличного, впрочем, от церковного понимания христианской этики, не получила окончательного завершения в данном сборнике. Между тем она достаточно чётко очерчена в статьях, в первую очередь, С. Булгакова и Н. Бердяева, которые доказывали, что враждебность интеллигенции ко всем ценностям, не способствующим достижению её целей, являет собой «неосознанное» религиозное стремление к Царству Божию на земле. Философы выражали надежду на принятие интеллигенцией данного идеала.

Среди споров вокруг «Вех» история совершенно очевидно в очередной раз подтвердила: вера в то, что можно «перепрыгнуть» из царства необходимости в царство свободы, игнорируя все препятствия на этом пути, — есть одно из самых трагических заблуждений XX столетия.

Проблемы, поднятые «Вехами», и другие вопросы внутреннего жизнеустройства страны продолжали активно обсуждаться в религиозно-философских обществах, на страницах периодических изданий. Всплески дискуссий и споров в интеллигентской среде были связаны с различными событиями, последствия которых имели значение для всего российского общества. После смерти Л. Н. Толстого Петербургское Религиозно-философское общество 16 ноября 1910 г. устроило вечер его памяти под общим названием «Мысли Льва Толстого», где были прочитаны статьи З. Гиппиус, Д. Философова, П. Струве и др.

С. Франк, подводя итог выступлений, писал: «О Толстом скорбят все, перед его прахом с любовью преклоняются и те, чью жизнь он считал заблудшей и порочной. Память его чтят и судебные деятели, и правители власти, и члены парламента, и революционеры, его любят и убеждённые православные, и убеждённые атеисты, люди чистой науки и поборники технического прогресса, хотя всё, чем полна их жизнь — суд и власть, парламентская деятельность и революция, православие и атеизм, чистая наука и техника — отрицалось и отвергалось Толстым. И ведь в этом положении находимся все мы: все мы, при всём разнообразии наших вер и убеждений, как будто чужды всему, чем жил Толстой...»¹⁸ Симптоматично, что в письме обер-прокурора Св. Синода П. П. Извольского митрополиту Антонию (Вадковскому) от 1908 г. также прослеживается понимание масштабов личности писателя и выражается тревога по поводу его возможного ухода вне церковного общения: «Ввиду преклонных лет графа Льва Николаевича Толстого невольно возникает страх, что известный писатель, в своё время давший России и всему миру великие и в художественном и в нравственном отношении творения, но в конце своей литературной деятельности ушедший с высоты чистого искусства в бесплодную борьбу с Церковью, может окончить дни свои без покаяния, не возвратившись в лоно воспитавшей его Православной Церкви... не сочтёте ли Вы возможным сделать ещё одну попытку к вразумлению»¹⁹. В понимании роли Л. Н. Толстого в развитии религиозно-философских идей в истории России, в частности начала XX века, отступает на второй план особенность его выражения этики Евангелия, идея «непротивления», отказ от ценностей цивилизации. Напротив, доказывается: именно в сфере человеческих взаимоотношений всегда есть пространство для диалога и взаимодействия, что, несомненно, ведёт к обогащению духовной общественной жизни.

Личность есть «бытие в общении». *Со-бытие* общения реализуется в Церкви, природа которой в диалоге интеллигенции и православного духовенства осмысливается как на ноуменальном уровне, связанном со Священным Писанием и, следовательно, догматикой, так и на феноменальном, основанием своим уходящем в конкретный историко-культурный контекст эпохи. Различные направления в развитии интеллектуальной православной

мысли в диалоге интеллигенции и православного клира творчески восполняются и обретают определённое историософское содержание, которое влияет на социокультурную динамику российского общества и своеобразие русской культуры, характеризующееся преимущественно её религиозной основой.

Примечания

- ¹ *Бердяев Н. А.* Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины : сб. М., 1991. С. 29.
- ² *Струве П. Б.* Интеллигенция и революция // Там же. С. 165.
- ³ *Булгаков С. Н.* Героизм и подвижничество (из размышлений о религиозной природе русской интеллигенции) // Там же. С. 35.
- ⁴ *Франк С. Л.* Этика нигилизма // Там же. С. 185.
- ⁵ *Изгоев А. С.* Об интеллигентской молодежи // Там же. С. 119—120
- ⁶ *Кистяковский Б. А.* В защиту права // Там же. С. 128.
- ⁷ *Франк С. Л.* Указ. соч. С. 198.
- ⁸ О проблеме максимализма — своеобразного идеала русской интеллигенции, достаточно ярко, например, свидетельствовал кн. Е. Н. Трубецкой. См.: *Трубецкой Е. Н.* Максимализм // Моск. еженедельник. 1907. № 32.
- ⁹ *Антоний, архиепископ.* Открытое письмо авторам сборника «Вехи» // Вехи: pro et contra. СПб., 1998. С. 178.
- ¹⁰ Интеллигенция в России : сб. ст. СПб., 1910.
- ¹¹ «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом, — бояться его мы должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной» (см.: *Гершензон М. О.* Творческое самопознание // Вехи. С. 90).
- ¹² *Плеханов Г.* О так называемых религиозных исканиях в России // Современ. мир. 1909. № 9. С. 183, 214.
- ¹³ См.: «Вехи» как знамение времени : сб. ст. М., 1910. С. 1.
- ¹⁴ *Мережковский Д.* Семь смиренных // Речь. 1909. 26 апр.
- ¹⁵ *Белый А.* Правда о русской интеллигенции // Весы. 1909. № 5. С. 65, 66.
- ¹⁶ *Розанов В.* Мережковский против «Вех» // Новое время. 1909. 27 апр.
- ¹⁷ См.: Интеллигенция в России. С. 191.
- ¹⁸ *Франк С. Л.* Памяти Льва Толстого // Русская мысль. 1910. № 12. С. 140.
- ¹⁹ Российский государственный исторический архив. Ф. 1569. Оп. 1. Д. 35. Л. 3—3об.

С. П. Колпакова

КРЕАТИВНЫЙ ТРУД В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ

Экономика России начала XXI века характеризуется преимущественным развитием ресурсодобывающей промышленности, хотя опыт развитых стран доказывает приоритет инновационной модели экономического развития, которая позволяет странам Запада укреплять свои позиции на мировых рынках наукоемкой продукции и успешно решать социально-экономические задачи. В России доля наукоемких технологий в объеме продаж на мировом рынке, по оценкам Всемирной организации интеллектуальной собственности (ВОИС), в 2008 году составляла всего 0,3 % (США — 36 %, Япония — 30 %, развитые страны Европы и Азии — 33,7 %, Китай — 6 %), несмотря на то что научно-технический потенциал в России высок¹. По данным Всемирного банка, число инженеров и ученых на единицу населения в России все еще остается одним из самых высоких в мире, и проблема трудоустройства кадров актуальна. Одним из показателей, отражающих научную производительность страны, является количество поданных заявок на патенты. Однако, несмотря на увеличение в разы государственного финансирования науки и НИОКР за последние годы, заявок в Роспатент на изобретения российских ученых больше не становится². Очевидно, что для формирования и запуска инновационного потенциала России требуется не только мощный организационно-управленческий и правовой импульс, но и оздоровление среды, в которой могут быть реализованы частные инициативы и активизированы экономические агенты. Сегодня же усилия со стороны правительства ориентированы, глав-

© Колпакова С. П., 2010

Колпакова Светлана Петровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, государства и права Московского государственного института электронной техники. Kolpakova_sp@mail.ru

ным образом, на создание и развитие инновационной инфраструктуры. Частный бизнес не мотивирован на вложения в инновации и инновационную инфраструктуру, поэтому то немногое, что все-таки делается, неоднородно, некомплексно и не дает отдачи. Создание инновационно восприимчивой среды с соответствующим климатом, потенциалом, инновационной культурой — гораздо более сложный и тонкий процесс, чем преодоление нашего отставания в инновационной инфраструктуре. Самое печальное, что сегодня отечественному бизнесу не нужно быть инновационным, чтобы быть успешным. Главное — иметь короткий доступ к людям власти, принимающим решения о распределении и разрешении хозяйственных споров. Получается, что проще создать проблему конкуренту, чем что-то изобретать самому. К факторам, препятствующим динамичному инновационному развитию российской экономики, можно отнести интеллектуальную, сырьевую, технологическую зависимость ряда российских компаний от Запада. Принятый еще в 2006 году план мер по развитию отечественного машиностроения на 2006—2008 годы, включающий повышение конкурентоспособности нашей техники, стимулирование инвестиционной и инновационной деятельности, развитие рынков сбыта, практически не реализуется³. Российское сельское хозяйство превратилось в придаток иностранного интеллекта: гербициды, пестициды, да и сами семена покупаются за границей, животноводство все больше зависит от генетических и селекционных разработок иноземных компаний. Тракторы, комбайны, сельскохозяйственное оборудование — все приходит в Россию из-за рубежа. Те же тенденции затронули металлургию, автомобильную промышленность, производство медицинского оборудования и пр.

Сегодня мало кто сомневается, что назрела очередная научно-техническая революция, которая в корне изменит характер промышленного производства, но в отличие от изобретений первой промышленной революции, определивших лицо индустриальной цивилизации, в наши дни складываются новые процессы, обеспечивающие формирование инноваций.

Экономика, основанная на знании, требует от человека не просто умения обращаться с информацией, т. е. иметь определенный уровень культуры, но владения конкретными техноло-

гиями поиска и переработки необходимых данных. Это ведет к качественным изменениям в содержании образования. Если раньше требовалась профессиональная подготовка человека за счет накопления впрок большого объема систематизированных знаний, то теперь стоит задача развития личности, владеющей способами усвоения существующих знаний и умеющей порождать новые. На смену старой парадигме «образование на всю жизнь» пришла новая, которая декларирует «образование в течение всей жизни». Современная модель образования нацелена на овладение способами непрерывного приобретения знаний и умениями создавать инновации в условиях возрастающей конкуренции. В России уже началась модернизация системы образования всех уровней. Первым важным конкретным шагом на этом пути явилась президентская программа компьютеризации школ, в соответствии с которой в школах России были установлены современные персональные компьютеры. К настоящему времени практически каждая средняя общеобразовательная школа имеет как минимум один компьютерный класс, оснащенный в среднем 10 ПК. Появилась возможность подключения школ к Интернету по скоростным каналам, что расширит возможности использования информационных технологий в учебном процессе. Таким образом, на наших глазах создается экономика массового сотрудничества. Вчерашние подростки, выросшие на Интернете, видеоиграх и сотовых телефонах, изобретают новые формы ведения бизнеса, основанные на кратковременной кооперации. Новые способы организационной работы, как показывает практика, намного эффективней традиционного менеджмента. Можно добиться потрясающих результатов, подключив сообщество, например, к разработке проблемной шахты. Поэтому сегодня важно воспитывать подрастающее поколение так, чтобы оно было эффективно в бизнесе будущего. И дело даже не в технологиях культуры общения, а в том, что они формируют у молодого поколения особый тип ума, активную рабочую память мозга и развитие способностей по переключению внимания с одного объекта на другой.

Если говорить о воспроизводстве интеллектуального капитала нашей страны, то работа по поддержке молодых талантливых граждан начинается со старших классов. Прежде всего, через специально организованные всероссийские олимпиады школьников,

которые охватывают большинство общеобразовательных школ. В 2008 году олимпиады проводились по 21 предмету. Победители и призеры в количестве 1230 человек имели возможность поступать в российские вузы в соответствии с профилем олимпиады без вступительных испытаний⁴. По существу, они — это и есть та база, на которой формируются молодые талантливые ученые.

Серьезным шагом на пути развития образования, науки и высоких технологий как ключевых инструментов построения инновационной экономики стало принятие Правительством РФ постановления от 14 февраля 2006 года № 89 «О мерах государственной поддержки образовательных учреждений, внедряющих инновационные образовательные программы». В рамках национального проекта «Образование» талантливая молодежь нашей страны, оказавшаяся победителем на федеральном уровне, имеет возможность получить грант президента в размере 60 тыс. рублей и 30 тыс. рублей, если это были региональные мероприятия. В 2008 году в число победителей конкурса на получение гранта попали 193 призера всероссийской олимпиады студентов вузов⁵. Приоритетный национальный проект «Образование» также направлен на повышение роли молодых ученых в инновационном развитии высших учебных заведений, на мотивацию молодых ученых России к участию в научных процессах, прежде всего реализуемых в высших учебных заведениях. На цели всероссийского конкурса лучших инновационных работ в 2007—2008 годах было выделено 20 млрд рублей в виде государственной поддержки вузов, активно внедряющих инновационные образовательные программы⁶. Это позволило учебным заведениям реализовывать программы по повышению качества образования выпускников российских вузов и привести их в соответствие с реальными потребностями работодателей, в том числе и в научной сфере. По результатам конкурсного отбора были определены 17 победителей — ведущих вузов России. Одним из победителей конкурса стал (МИЭТ) — Московский государственный институт электронной техники (технический университет).

МИЭТ — один из ведущих университетов России в области электроники и информационных технологий, который был образован в 1965 году в качестве базового высшего учебного заведения для электронной промышленности страны. В официальном

рейтинге Минобрнауки РФ последние три года он входит в десятку лучших среди 164 технических и технологических вузов страны. В МИЭТ обучается более 6000 студентов, ежегодно выпускается свыше 1000 высокопрофессиональных специалистов в области информатики и вычислительной техники, микроэлектроники и наноэлектроники, биоэлектроники и медицинской техники, телекоммуникаций. Ежегодно в институте выполняется свыше 400 научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по договорам с заказчиками и по различным российским и международным научно-техническим программам и грантам. Эти работы проводятся в рамках основных научных направлений МИЭТ, важнейшими из которых являются: нанотехнологии в электронике, микросистемная техника, интегральная и волоконная оптика, информационно-управляющие системы и комплексы. Главным приоритетом деятельности вуза стало формирование развитой отраслевой инновационной структуры, функционирующей в составе университета и способствующей трансформации научных знаний в высокотехнологический конкурентоспособный продукт. В состав инновационной структуры МИЭТ входят:

- Государственный научный центр «Научно-производственный комплекс Технологический Центр» МИЭТ (НПК ТЦ МИЭТ), который ведет исследования и технико-внедренческую деятельность по разработке элементной базы аналоговых и аналого-цифровых БИС и вентиляльных матриц;

- НИИ нанотехнологии и НИИ вычислительных средств и систем управления, где осуществляются разработки в области базовых элементов изделий оптоэлектронных устройств, технологий получения интегральных схем и др. НИИ вычислительных средств и систем управления ведет исследования в области создания высокоинтеллектуальных систем управления для автономных роботизированных комплексов, портативных вычислителей различного назначения. Большинство разработок переданы в серийное производство и используются в современных отечественных системах вооружений и специальной аппаратуре для силовых ведомств;

- Зеленоградский научно-технологический парк (ЗНТП) создан в 1991 году с целью развития инновационной деятельности в университете и поддержки начинающих наукоемких компа-

ний Зеленограда. Результатом работы технопарка стало появление более 40 новых научно-технических фирм, организованных сотрудниками научных лабораторий МИЭТ. 25 фирм смогли перейти из начинающих в разряд устойчивых компаний, динамично расширяющих объемы производства своей продукции;

➤ Инновационный центр новых технологий (ИЦНТ) создан в 1992 году для внедрения в производство научно-технических разработок НПК ТЦ МИЭТ. В 2001 году ИЦНТ стал лауреатом национальной премии «Бизнес-Олимп» в номинации «Малый бизнес». В настоящее время ИЦНТ, опираясь на взаимодействие с НПК ТЦ МИЭТ, развивает новые проекты, направленные на освоение производства конкурентоспособной электронной продукции;

➤ Зеленоградский инновационно-технологический центр (ЗИТЦ) организован в 1998 году на базе МИЭТ в рамках федеральной межведомственной программы активизации инновационной деятельности в научно-технической сфере России. Возведено современное здание центра общей площадью 4200 кв. м., на открытии которого в 2000 году присутствовал Президент РФ В. В. Путин. В 2004 году Зеленоградский ИТЦ стал победителем Всероссийского конкурса «100 лучших предприятий России — 2004» и награжден памятной медалью «За заслуги в укреплении конкурентоспособности России»;

➤ Центр коммерциализации и трансфера технологий МИЭТ (ЦКТТ) создан в 2004 году в виде структурного подразделения университета, ориентированного на активизацию инновационных процессов. Более 15 научных коллективов стали победителями конкурса программы «Старт» и получили финансирование для реализации инновационных проектов;

➤ Технологическая деревня МИЭТ. Создана с целью разработки, освоения, мелкосерийного выпуска и апробации на рынке новой электронной и микроэлектронной продукции, соответствующей мировым стандартам, а также ориентации на расширение эффективных связей с региональной промышленностью и наукоемким бизнесом.

Для дальнейшего комплексного развития университета разработана инновационная образовательная программа «Современное профессиональное образование для российской инновацион-

ной системы в области электроники», которая получила поддержку в рамках национального проекта «Образование». Разработанный комплекс мероприятий ориентирован на развитие университетского комплекса МИЭТ в направлении интеграции университета в мировую систему образования, формирования устойчивой системы кооперации с компаниями — мировыми лидерами электронной индустрии. Развитие и совершенствование интегрированной многоуровневой системы подготовки кадров осуществляется по следующим направлениям:

- совершенствование структуры и образовательных технологий интегрированной многоуровневой системы инженерной подготовки в сфере высоких технологий с учетом основных положений Болонского процесса;

- развитие системы довузовской подготовки с целью интеграции профильного образования МИЭТ в школьную программу, развитие сотрудничества университета с организациями среднего и среднего специального образования, расширение участия МИЭТ в процессе профориентации молодежи, популяризация научно-инновационной деятельности в молодежной среде по направлениям образовательной и деловой активности университета;

- развитие системы дополнительного образования как реализации концепции непрерывного образования для потребностей инновационной экономики в сфере высоких технологий и для развития потенциала ТВЗ «Зеленоград»;

- совершенствование организационно-методического и информационного обеспечения дистанционной технологии обучения по основным и дополнительным образовательным программам инженерной подготовки, реализуемым в учебном процессе университета;

- расширенное использование новых информационно-коммуникационных технологий в процессе обучения в университете как необходимое условие повышения учебно-методической, научной и инновационной мобильности молодых ученых, аспирантов и студентов;

- развитие новых форм и механизмов оценки и контроля качества учебного процесса;

- диверсификация функциональных возможностей базовых кафедр университета как инструмента формирования про-

фессиональных компетенций обучающихся, включая создание системы практической подготовки молодых специалистов с целью интеграции образовательной, научно-исследовательской и инновационной деятельности.

Вся вузовская система развития творчества студентов предполагает проявление с их стороны необходимой активности и инициативы. В МИЭТ сложилась практика развивать творческие способности студентов путем вовлечения их в разные формы внеаудиторной работы. Особый интерес представляет студенческое общество «Инициатива», которое объединило все технические факультеты с целью организовать коллективную работу студентов как дополнительную форму обучения. Развитие нового способа работы внутри студенческой группы позволило студентам обмениваться новой информацией, идеями, мыслями, относиться к науке с интересом, а не из чувства долга. План работы студенческого общества «Инициатива»:

- следы древних цивилизаций, мировая система пирамид;
- возможные варианты строительства древних монументов, технологии древних цивилизаций;
- физика волн, концепции строения и происхождения Вселенной, теории волнового строения Вселенной и многомерности пространства;
- особенности биологии человека, существование и роль Души и Духа и др.

Участие в работе объединения «Инициатива» дает возможность студенчеству реализовывать творческий потенциал и расширять мировоззренческие основы. Формированию кадрового потенциала для исследовательской деятельности служит российская научно-социальная программа студенческой молодежи «Шаг в Будущее». Она проводится по 26 направлениям, прежде всего — инженерным и биологическим наукам, проблемам биосферы, экологии и науки о Земле. Программа стартовала в 1991 году. Базовым вузом и активным пропагандистом этой программы является МГТУ им. Баумана⁷.

Крайне интересны конкурсы выпускных квалификационных работ. Большим вниманием у студенчества пользуется смотр-конкурс научно-технического творчества, который проводится за счет средств федеральной целевой программы развития

образования, утвержденной правительством на 2006—2010 годы. Наконец, открытый конкурс на лучшую научную работу студентов вузов по естественным, техническим и гуманитарным наукам. Головным вузом в этом конкурсе является Московский инженерно-физический институт. В 2007 году 446 студентов победителей из разных вузов были награждены медалями Министерства образования и науки РФ за лучшую научную работу. О творческом потенциале российского студенчества свидетельствуют 12 призовых мест на международном студенческом чемпионате мира по программированию. Было получено 6 золотых, 3 серебряных и 6 бронзовых медалей. Первое место среди всех победителей нашей страны заняла команда Саратовского государственного университета, студенты которой принесли три золотые медали. Высшую награду получила команда Алтайского государственного технического университета, серебряные медали были вручены студентам Санкт-Петербургского государственного университета, бронзовые получили команды МГУ и Уфимского государственного авиационного технического университета⁸.

Новая идеология обучения пришла и в бизнес-школы. Вместо «обучение на рабочем месте» внедряется «обучение через работу». Достойные места в мировых рейтингах занимают бизнес-школы Москвы и Санкт-Петербурга, действующие самостоятельно, обособленно от университетов. Понимая, что ключевым ресурсом сегодня является человек, в бизнес-школах менеджеров стали учить не бухучету, а двум важнейшим вещам: во-первых — креативу, во вторых — видению. Поэтому особая роль отводится такому преподавателю, который способен своей одержимостью и энергией изменить человека, дать слушателям не знания и навыки — все это люди развивают на рабочем месте, а самое главное — вдохновение, потребность поиска новых форм ведения бизнеса.

Российская система образования, представленная ведущими вузами, обладает многими необходимыми «факторами производства» — квалифицированными кадрами, информационными ресурсами и технологиями, новыми стандартами образования, растущими объемами учебной литературы. Однако высококлассных преподавателей мало, особенно по наиболее актуальным направлениям. Внедрение информационных технологий в учебный процесс еще недостаточно, отсутствует или ограничен доступ к

электронным базам данных, прежде всего к современной научной периодике на английском языке, значительно ослаблен контроль качества знаний и умений выпускников. Решение этих проблем потребует дополнительных финансов и времени. Между тем существует проект программы «Двойной диплом» с предполагаемым участием одного из подразделений SUNY — Empire State College. Цель программы «Двойной диплом» — переход в сжатые сроки к подготовке специалистов мирового уровня за счет использования образовательных технологий, материалов, преподавателей и системы контроля качества ведущего зарубежного вуза. Предполагается с помощью зарубежных вузов-партнеров создавать в российских вузах реально действующие внутривузовские подразделения (факультеты, отделения, кафедры), где будут преподавать профессора ведущего зарубежного вуза, а студенты смогут изучать профильные дисциплины на английском языке и будут иметь возможность пользоваться современными средствами телекоммуникаций для учебного и научного обмена, получают доступ к информационным ресурсам зарубежного партнера. Находясь в учебных группах с иностранными студентами, российские студенты смогут развивать навыки межкультурных коммуникаций и работы в командах для подготовки совместных проектов. Далее, сотрудники вузов-партнеров будут контактировать между собой, что создаст постоянно действующий обмен идеями и технологиями обучения и будет содействовать научным контактам, совместным публикациям и заявкам на гранты. Наконец, внешний контроль качества повысит уровень подготовки, репутации и привлекательности вуза.

Конкурентная среда требует внимания к современным коммуникационным технологиям продвижения вуза на рынке образовательных услуг. Одним из основных направлений коммуникационной деятельности для любого вуза является организация и проведение приемной кампании. Пик активности данных мероприятий приходится на летний период, но их успешность определяется комплексом информационных, рекламных и организационных действий в течение всего года. Эффективность проведения приемных кампаний возрастает, если закладывать креативную идею в их концепцию, апеллируя не только к информационной, но и к эмоциональной составляющей ком-

муникационной деятельности. В современных условиях набор студентов напрямую зависит от имиджа вуза и лояльного отношения к нему разных аудиторий. Наиболее результативно вузы решают эту задачу, создавая пространство живого открытого диалога с абитуриентом, родителями и общественностью. Поэтому наполнение пространства вуза яркими, запоминающимися событиями — основная идея приемной кампании. Креативный труд стал творчеством стратегического назначения. Его основная миссия в сфере образования — содействие созданию «человеческого ресурса». Развивающаяся Россия нуждается в специалистах с высоким лидерским потенциалом, в творческих, инициативных, компетентных профессионалах, умеющих взять на себя ответственность, повести за собой и добиться высоких результатов труда. Лидерство — это ключ конкурентоспособности, основной элемент инновационного процесса. Специалисты, обладающие лидерским ресурсом, станут мощным человеческим фактором, позволяющим нашей стране подняться на более высокую ступень социально-экономического развития. Создание на базе вузов такого подразделения, как институт психологии лидерства, диктуется потребностью повышения качества образования. Это подразделение должно способствовать организации в вузе работы, направленной на выявление, поддержку и развитие наиболее творческой, перспективной студенческой молодежи, на ее подготовку к выполнению лидерских функций в различных сферах профессиональной деятельности. Такое подразделение в вузе вовлечет в свою работу тех современных и образованных молодых людей, которые в своей жизни ставят перспективные цели и желают преуспеть. Психология лидерства поможет каждому, усвоившему ее, найти свое место в условиях конкуренции, сориентироваться в установлении деловых взаимодействий, поддерживать личные жизненно важные аспекты — здоровье, семейное счастье, благополучие и психологический комфорт. Студент, овладевший знаниями в области психологии лидерства и получивший необходимые навыки, сможет не только развивать свои способности к эффективному руководству другими людьми, но и освоить идеи и стратегии постановки и достижения целей.

Примечания

- ¹ Ратнер С. В. Управление интеллектуальной собственностью в информационном обществе // Качество. Инновации. Образование. 2008. № 11. С. 49.
- ² Путин В. В. Мы должны сформировать систему стимулов для закрепления молодежи в сфере науки, образования, высоких технологий // Высшее образование сегодня. 2008. № 7. С. 3.
- ³ См.: Российская газета — Экономика: инновации. 2008. Ноябрь. № 233.
- ⁴ Интеллектуальный капитал России : интервью с зам. рук. Федерального агентства по образованию РФ Е. Бутко // Образование сегодня. 2008. № 12. С. 98.
- ⁵ Национальный проект «Образование» в действии // Там же. № 1. С. 86.
- ⁶ Там же. С. 89.
- ⁷ Инновационные проекты вуза — шесть шагов в экономику знаний (МГТУ) // Образование без границ : темат. прил. еженедельника «Экономика и жизнь». 2009. № 8.
- ⁸ Инвестиции в человеческий капитал остаются приоритетом государства // Рос. газ. 2008. Январь. № 109.

ИЗ ИСТОРИИ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(4Бел)6-283.2

О. А. Яновский

ТЕРНИСТАЯ ДОРОГА К МАРКСИЗМУ, ИЛИ РОССИЙСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В БЕЛОРУССКИХ РЕАЛИЯХ 1920-х ГОДОВ

Выстраивая систему советского высшего образования, большевики осмысленно приоритетное внимание уделяли дисциплинам общественно-гуманитарного профиля. История занимала среди них ведущее место. Однако лишь определение сущностных (читай — идеологически нацеленных) параметров самого образовательного процесса было недостаточным для формирования, воспитания и, конечно, образования плеяды «новых» — уже советских специалистов. Нужны были кадры, которые могли бы и профессионально, на уровне тогдашних современных знаний, и лояльно (хотя бы) к советской власти, а где-то и интуитивно предвосхищая намерения и идеологические посылы этой власти, которые постоянно изменялись, доносить «пролетарским студентам» то, что могло способствовать подготовке творцов будущего и активных, вооруженных соответствующими знаниями «бойцов за правое дело».

Уже с первых подготовительных шагов на пути создания Белорусского государственного университета, с первых месяцев его деятельности поиск соответствующих специалистов был постоянной «головной болью» и Правления (ректората) университета во главе с историком В. И. Пичетой, и правительства БССР.

© Яновский О. А., 2010

Яновский Олег Антонович — кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Белорусского государственного университета. helgoleg@mail.ru.

Изучая штатные списки БГУ, убеждаешься в том, что доминировали именно гуманитарии. Только благодаря их подготовке становилось возможным поставить учебный вопрос на факультете общественных наук — одной из двух (наряду с медицинским) университетских организационно-учебных структур. А вскоре созданный педагогический факультет потребовал нового притока знатоков и интерпретаторов «учительницы жизни». Одновременно гуманитарии и обществоведы были востребованы и в естественнонаучных аудиториях, так как советский математик, физик, медик и т. д. должен был овладеть и доктриной марксизма, и «правильно» представленным ходом исторического процесса, конечно, в разрезе общероссийской и отчасти национальной белорусской истории.

Правда, подобный идеал качества работы историка достигался достаточно долго. Кадры подбирались в 20-е гг. методом проб и ошибок. На первых порах доминировали именно те преподаватели-историки, которых ректор и Правление университета приглашали из собственно российских городов, так как обеспечить преподавание силами белорусской интеллигенции в принципе было невозможно по причине отсутствия надлежащей профессиональной подготовки историков-белорусов и их необходимого количества. Быстро решить эту задачу никакая белорусизация не могла. Более того, как ни покажется парадоксальным, можно даже считать, что она в некоторой степени способствовала депрофессионализации преподавательского потенциала БГУ, в особенности к концу 20-х гг. В условиях доминирования политики и идеологических постулатов над всем спектром вопросов очередного белорусского возрождения становились востребованными риторика, густо замешанная на демагогии, погоня за цифрами и процентами, но не искренние национальные убеждения и глубокие знания, обеспеченные опытом и возможностью постоянного повышения научной квалификации и общения с зарубежными коллегами.

Со второй половины 20-х гг. вместо «старой» интеллигенции, которая в значительной части так и не смогла приспособиться к изгибам политической и идеологической линии власти, в аудитории университета входили наспех обученные «красные профессора». «Вычищение» преподавательского состава БГУ от «старого балласта» (эта лексика тех лет, теперь уже взятая в ка-

вычки, точно передает суть тогдашних трагических обстоятельств труда и жизни) было скорым и жестоким. Можно привести не один десяток примеров подобного рода: для интеллигенции Беларуси чересчур длинен ряд изломанных судеб. Архивные и иные документальные источники позволяют теперь со многими деталями восстановить картину тех лет.

Сегодня большинство студентов БГУ знает, что первая лекция в университете (то есть в советской Беларуси) была прочитана оригинальным специалистом по античной и средневековой истории, профессором, сформировавшимся в Москве, Дмитрием Петровичем Кончаловским. В анналах университетской истории зафиксирован даже образ этого неординарного человека, который выделялся среди своих коллег не только смелостью и бескомпромиссностью взглядов, но даже «ассирийским клинком черной бороды»¹. И он же стал чуть ли не первым из профессоров «набора 1921 г.», с которыми ректору Пичете пришлось расстаться.

В должности «профессора по кафедре всеобщей истории», как свидетельствуют строчки университетского «Дела», Кончаловский состоял с 9 сентября 1921 г. по 1 сентября 1923 г.² Дальнейшая судьба историка удивительна и по-своему трагична: он умер во Франции, оказавшись там после окончания Второй мировой войны. А до этого, по сути дела, прозябал: не имея возможности реализовывать свои колоссальные знания, Дмитрий Петрович перебивался в Москве и Подмосковье подработками. В 1934 г. была попытка возобновить академическую работу, на сей раз в Историко-философском институте, только что выделившемся из МГУ. Однако уже со второго семестра он, как тактично поясняют составители цитируемой книги, «не сумевший или не пожелавший адаптироваться к изменившемуся общественному строю, к изменившимся требованиям науки», вновь оставил эту стезю³. В поисках пропитания историк занялся переводами, давал уроки иностранных языков (благодаря свободному владению латынью, французским, итальянским, английским и немецким языками). Свои взгляды и оценки советской действительности он излагал в рукописях, которые позже будут опубликованы на русском языке во Франции⁴. Вспоминая свои белорусские годы деятельности, Дмитрий Петрович как бы пояснил причины быстрого отъезда из Минска: «...я читал лекции по Римской

истории в 1921/22 академическом году, читал их совершенно свободно, без всякого марксизма; это был мой последний курс старого академического типа»⁵.

Рафинированный интеллигент, даже рискуя обречь свою семью на голодное существование, не стал пресмыкаться в угоду расплывчатым и отвергаемым его разумом идеологемам. Он уже тогда предчувствовал, что за высокопарным революционным пафосом неминуемо наступит мрак жесточайшего большевистского режима. Его оценки новой политической системы, которая тогда складывалась на руинах имперской России, сегодня цитируются СМИ уже суверенной РФ. Например, «Известия», газета, как и в пору «хрущевской оттепели» пытающаяся ориентироваться на запросы интеллигенции, в публикации о дефиците нравственности в системе образования в качестве важнейшего аргумента сослалась на давнее высказывание несмирившегося историка: «В государстве, где утеряны понятия греха и стыда, порядок может поддерживаться только полицейским режимом и насилием»⁶.

И если Кончаловский мог рассчитывать на то, что его достаточно уникальные знания возможно приложить и вне системы высшей советской школы, то историкам-россиеведам необходимо было «совершенствоваться» в направлении постижения и последующей интерпретации уже определенной «свыше» истории СССР. А здесь без овладения методологией марксизма, которая долгое время сама по себе из уст властных ее знатоков и теоретиков звучала достаточно по-разному, никак нельзя было обойтись. Требовалось не только ее постичь, но и быстро реагировать на все идеологические новации и установки, избегать «искажений», уметь «наложить» на конкретику исторического прошлого и т. п. Для историков старой закалки и выучки подобные усилия были чуть ли не за пределами возможностей: интеллектуальных, профессиональных, просто физических и душевных. Некоторые с трудом, но смогли переломать себя, приспособиться к тому, что каждое слово, а тем более утверждение, рассчитанные на аудиторию, должны в обязательном порядке пропускаться через матрицу «марксистской оценки». А чем на самом деле они были обуреваемы, как сами в тиши своих рабочих кабинетов, за письменными столами воспринимали в сравнении и прошлое, и настоя-

щее — об этом можно только догадываться или исходить из отрывочных документальных свидетельств и оценок.

В данном русле размышлений любопытна судьба еще одного историка БГУ, с именем которого мы связываем начало регулярного высшего исторического образования в Беларуси. Это уже в дореволюционный период состоявшийся специалист в области российской истории — Дмитрий Алексеевич Жаринов. Он был приглашен на работу в БГУ все тем же В. И. Пичетой, который знал о высоком профессионализме своего коллеги. Вот что Владимир Иванович отметил в пространной рекомендательной справке по поводу его кандидатуры: «Ни один исследователь крепостного хозяйства кануна реформы не обойдется без исследования Жаринова. <...> я считаю Д. А. Жаринова достойным кандидатом на кафедру русской истории в Минский Университет»⁷. Тогда, еще в апреле 1919 г., ректор-историк ни словом не обмолвился об идейных «кондициях» рекомендуемого, о степени овладения им марксизмом. Да и вряд ли у московского профессора, ученика В. И. Герье, П. Г. Виноградова и В. О. Ключевского и соавтора Пичеты по императорским юбилейным многотомникам «Три века» и «Отечественная война 1812 г.», постижение данного учения могло быть основательным. Эти «достоинства», ценимые новой властью, еще не довели над профессионализмом ученого и педагога. Интересно, что Пичета одновременно столь же лестно с профессиональной точки зрения рекомендовал для работы в создававшемся БГУ и А. Ф. Изюмова. Свою рекомендацию он подтвердил в 1921 г., когда университет готовился к приему первых студентов⁸. Подтвердил, когда уже составлялись списки пассажиров небезызвестного «философского парохода», и в них стояло имя Изюмова. Так что Александру Филаретовичу было не суждено поднимать белорусское университетское образование, а тем более на марксистской основе.

Располагая лишь сухими строками «Личного дела», сложно сколь-нибудь точно определить глубинные обстоятельства как успешной и востребованной работы Дмитрия Алексеевича Жаринова в БГУ в течение первой половины 20-х гг., так и, в особенности, причины его внезапного ухода на пенсию в 1928 г. Странной и необычной была просьба 53-летнего профессора (он родился в 1875 г. в Ташкенте) об уходе на «заслуженный отдых»:

«...как раз, когда университетское преподавание становится особенно ответственным и сложным, чувствую свое здоровье в значительной мере расстроеным и полагаю посвятить остаток дней на возможное восстановление утраченных сил путем длительного отдыха»⁹. Без сомнения, все годы своей работы в Минске историк пользовался поддержкой и даже опекой со стороны своего протезе — Пичеты. Об этом говорят многие факты, но прежде всего то, что они непосредственно пересекались в своей преподавательской деятельности, ведя в БГУ курсы российской истории. Явно не без поддержки Владимира Ивановича Дмитрий Алексеевич стал чуть ли не ведущим специалистом по методике преподавания и, главное, по такому, тогда еще находившемуся в начале становления, но архиважному для формирования пролетарских специалистов предмету, как обществоведение. Вместе с тем, еще в рекомендательном письме Пичета счел необходимым тонко, но по-научному принципиально указать на то, что «не со всеми выводами Д. А. Жаринова можно согласиться, но нельзя не признать за ними большого теоретического и педагогического оправдания»¹⁰.

После октябрьских событий 1917 г. историк демонстрировал способность быстро адаптироваться к новым обстоятельствам и даже прослыл одним из знатоков истории революционного движения, в основном продолжая заниматься историей России XIX в. Вот только его интерпретация революционного движения, марксизма и в целом обществоведения, видимо, была в большей степени личностной, а не официозной, и тем более без усердного отслеживания колебаний установок «сверху». Изучая документы, создается впечатление, что Дмитрий Алексеевич путал, а скорее всего, умышленно совмещал обществоведение с краеведением. Для БССР середины 20-х гг. в разгар белорусизации такой подход только приветствовался. Но уже вскоре обществоведение и, особенно, марксизм должны были быть очищены от всяких «местечковых» и «националистических» наслоений. Как можно судить по имеющимся в нашем распоряжении материалам, профессор просто не смог вовремя перестроиться. Или не пожелал, устав прогибаться, слепо исполнять установки, придумывать «ученые объяснения» противоречивым идеологическим построениям власти.

Истинные причины ухода Жаринова не только из БГУ, но и из всей системы белорусской советской высшей школы, внешне воспринимаемые как «по болезни», стало возможным уточнить в силу найденных недавно двух взаимосвязанных между собой материалов. Один из них — анонимная публикация статьи в журнале «Бальшавік Беларусі» за 1928 г., другой — текст, испещренный авторскими исправлениями, под характерным названием «К идеологической борьбе на академическом фронте», извлеченный из фондов Национального архива Беларуси. Журнальная публикация, автор которой демонстративно подписался — «Не профессор», имела цель показать отсутствие марксизма в научной и преподавательской работе университетских историков. Главным объектом по-тогдашнему изощренной наукообразной критики «Не профессора» стали курсы по российской истории, которые читал в БГУ профессор Жаринов. На более чем 10 журнальных страницах проведен детальный и уничижительный разбор и его устных лекций, и изданного литографированного курса «История России XX века» для студентов педагогического факультета. В центре «ученых разборок» — характеристика и роль российской интеллигенции в подготовке и проведении революций. Уже с самого начала ученым анонимом были определены два постулата, которые с разных сторон и с необычайным рвением он пытается доказать: 1) Жаринов — «стопроцентный идеалист», «идеалист беспримесный», так как «рычагом исторического процесса у него является личность, интеллигент»; 2) а коль так, то университетский историк, хотя и «бессознательно», но по факту такого «антимарксистского подхода» фактически вел борьбу с марксизмом и «внедрял в умы и пропитывал чувство студента ядом буржуазной идеологии»¹¹. Разумеется, подобная псевдокомпромиссность в оценках взглядов оппонента совсем исчезла, когда в конце разбора стало необходимым сделать однозначную и воспитывающую других историков оценку: «...мы квалифицируем такой курс, как вышеразобранный нами курс истории России эпохи войн и пролетарской революции — *идеологическим вредительством*». Заодно прозвучало и поучение о том, что «нужно научить *наше* студенчество необходимости критически относиться к материалу, преподносимому буржуазной профессурой...» (курсив в тексте мой. — О. Я.)¹².

На еще более «доказательный» уровень вышеприведенные обвинения в адрес уже не только Жаринова, но и Пичеты, в целом «старой» профессуры БГУ, а вместе с ними многих белорусских и даже и украинских историков были выведены «Не профессором» буквально через несколько месяцев — в феврале 1929 г. Поводом к написанию нового, опять почти десятистраничного текста (он, скорее всего, предназначался к публикации в партийной республиканской газете «Звезда») стало отсутствие надлежащей реакции со стороны властей на статью в журнале, а также то, что в эти месяцы развернулась санкционированная травля Пичеты. Ректор БГУ оказался в качестве центрального объекта разборок как «классовый враг». Гневное неприятие всего научного и общественно-политического наследия Владимира Ивановича в этом тексте достигло апогея в связи с «кошунственным» фактом недавнего избрания (в тексте — «рукоположения в сан марксиста») Пичеты в члены исторической секции Белорусского марксистского общества¹³. Обличая Пичету, автор, а он бисерным почерком подписался в конце машинописного текста «М. Гольман», в качестве одного из обвинений привел факт, что целых 6 лет при прямом попустительстве ректора «Жаринов безнаказанно обучал студентов <...> тому, что <...> большевизм и меньшевизм — суть лишь два интеллигентских течения в русской социал-демократии, отличавшиеся друг от друга лишь темпераментом своих участников...»¹⁴. И здесь автор отослал читателя к своей статье в журнале «Большавік Беларусі», тем самым раскрыв тайну псевдонима «Не профессор».

Текст Михаила Борисовича Гольмана, доцента-экономиста БГУ, сам по себе нетривиален и даже уникален, так как его автор — весьма интересная и небесталанная личность. Недоучившийся в Харьковском университете уроженец Украины состоялся как революционер и советский работник губернского уровня в России и Беларуси; член партии эсеров, но в годы Гражданской войны, откликнувшись на покушение на Ленина, опубликовал декларацию «От левого народничества к революционному марксизму», что позволило ему тут же стать коммунистом. Гольман известен как первый ректор Симбирского пролетарского, а затем государственного университета. Он довершил свое высшее образование, получив в 1927 г. диплом

выпускника Института красной профессуры «с правом заграничной поездки для написания диссертации»¹⁵. Таковым он и был принят Пичетой на работу в качестве доцента кафедры политической экономии и мирового хозяйства педагогического факультета и факультета права и хозяйства. Ректор скрупулезно написал в своей рекомендации важнейшие заслуги Гольмана перед наукой «в свете марксистско-ленинской концепции», увидев в нем специалиста по проблемам развития «мирового хозяйства». (Но есть основание предполагать, что Владимира Ивановича более тронул факт рождения университетского «новобранца» на милой ему Полтавщине.) Уже вскоре стремление познать глубинные основы этого хозяйства с точки зрения его неминуемого краха (тема диссертации была многозначительной — «Кризис французского империализма в связи с всеобщим кризисом капитализма») советский политэконом убедительно продемонстрировал в своей записке ректору с обоснованием необходимости научной командировки в Германию и Францию¹⁶. Был конец 1927 г. И, не особенно зная Пичету, свежее испеченный протеже ректора одновременно готовил разгромную статью в журнал на него и его коллег. Но сам он немногим ранее, в июле 1927 г., как участник «левой оппозиции», был исключен из большевистской партии. Не в этом ли причина анонимности публикации 1928 г. в большевистском журнале, как и слабой реакции верхов на учиненную разборку «немарксиста» Жаринова? Редакция, видимо, исходила из возможности в целом провести профилактическо-воспитательную акцию по отношению к «старой» интеллигенции, не придавая особого значения личностным факторам: в данном случае не столь уж были важны как автор, так и объект критики. Но вот редакция газеты «Звезда» проявила «партийную зоркость» и сочла, что будет более благоразумно отправить острый материал в архивные папки. И оказалась права: в мае 1929 г. Гольман был арестован ОГПУ, что повлекло и быстрое его исключение из университета¹⁷.

Эта версия, с одной стороны, подтверждается тем, что восприятие Гольмана-марксиста среди экономистов СССР было неоднозначным, хотя его работы вызывали широкий резонанс¹⁸. Но, с другой — странным выглядит тот факт, что уже в следующем, восьмом номере за 1928 г. журнала «Большавік Беларусі»

совершенно открыто была опубликована гольмановская статья «О реформистских блужданиях в марксистской теории», а в университетском издательстве и в «Трудах БГУ» продолжали выходить его отдельные работы по вопросам «всеобщего кризиса империализма» (в частности, в 1929 г. на короткое время увидела своего читателя книга Гольмана «Русский империализм. Краткий очерк развития монополистического капитализма в России до мировой войны»). Можно предположить, что некоторое время белорусские власти делали паузу и максимально использовали атакующий публицистический талант Гольмана, прежде чем Москва дала сигнал окончательно обезвредить опасного «троцкиста».

Может быть, один из интерпретаторов марксизма и был искренен в своих взглядах и оценках, в стремлении привить «старой» интеллигенции истинное понимание пролетарского учения. Эту свою задачу он даже обозначил на обороте личной фотографии, сохранившейся у родных: (буду) «...всегда на передовом посту в повседневной борьбе революционного пролетариата против его классовых врагов в политике и науке...» Однако есть и сомнения — как следует из его личного дела, уж чересчур активно Михаил Борисович, уже будучи исключенным из партии, стремился заполучить в Правлении БГУ зарубежную научную командировку. Примеры невозврата из подобных командировок университетских интеллигентов не единичны: их конкретные причины могли быть разными, но объединяющее начало очевидно...

Таким образом, обвинения в немарксизме профессоров Пичеты и Жаринова (и не только их) со стороны не профессора, но как бы марксиста Гольмана, на первый взгляд, не достигли цели, не были в срочном порядке обращены против историков. Однако они были встроены в общую канву обвинений уже со стороны власти, почти одновременно обрушившейся и на правдолюбца-обвинителя, и на обвиняемых им коллег. Пичета был снят (точнее — не переизбран) с поста ректора в октябре 1929 г., что отразил протокол заседания бюро ЦК КП(б)Б¹⁹, и вскоре оказался в недолгой ссылке, после которой напряженно работал на поприще науки и образования, по возможности избегая соприкосновения с властными кабинетами и конфликтов со столь неоднозначными коллегами — всякого уровня «историками-марксистами». Его единомышленник Жаринов вовремя уехал из Беларуси, однако в

дальнейшем не избежал «карающей десницы» советского правосудия. И сейчас родственники Дмитрия Алексеевича пытаются отыскать в сетях Интернета, в папках УФСБ РФ ответ на вопрос, где и как окончил свой жизненный путь их предок-интеллигент, крупный историк России. Судьба же Михаила Борисовича Гольмана абсолютно трагична: по справочной литературе и Интернету можно проследить его путь многолетних скитаний по лагерям Сибири, Архангельска, Воркуты, завершившихся расстрелом 1 марта 1938 г.²⁰ Вот почему на фоне вышеперечисленных примеров более понятно высказывание еще одного университетского обществоведа российского происхождения — В. В. Якунина, покинувшего БГУ в конце 1920-х гг.: «...я счастлив, что судьба вышибла меня из Минска, и я смог отряхнуть его прах с моих ног <...> вполне отдыхаю душой и вновь начинаю обретать вкус и смысл жизни»²¹.

Но в «воспитательном» арсенале советской власти было достаточно и не столь радикальных средств приобщения интеллигенции к пролетарской доктрине и идеологии. Например, в декабре 1929 г. СНК БССР дополнил «Положение о научных работниках высших школ и научных учреждений БССР» статьей 30а, которая всех расставила по ранжиру в зависимости от проявления лояльности и усердия перед уже окрепшей властью: «Если научные работники, указанные в статье 30, проявят враждебность к диктатуре пролетариата или если их работа идеологически чужда пролетарской культуре и диктатуре пролетариата, то они лишаются права на получение ими пенсии, а если пенсия им уже выдается, то утратят право на дальнейшее получение ее»²². Профессиональным же воспитанием занимался журнал «Историк-марксист», выходивший в Москве с 1926 г. Но его эффективность во второй половине 20-х гг. в лучшем случае соответствовала пониманию марксизма главным редактором М. Н. Покровским. И, как оказалось, не через научные споры и дискуссии «многие идеалистические советские “кролики”», как значительно позже назвал себя и многих своих коллег периода «первой оттепели» — НЭПа один из историков БГУ российской выучки²³, эффективнее всего постигали «верный марксизм», а через лагеря и ссылки. Так, Пичета, счастливо избежав самой горькой участи, в «Историке-марксисте» за 1938 г., анализируя качественность «краткого

и сжатого» учебника «Материалы по истории СССР» под редакцией А. В. Шестакова, демонстрирует трепетное отношение к необходимости буквально каждый эпизод из прошлого «нашей замечательной страны» оценивать с позиций «марксистско-ленинского освещения»²⁴. И делает десятки упреков в недопонимании марксистских подходов со стороны своих коллег — авторов учебника. В 20-е гг. Владимир Иванович такого себе не позволял. Этим занимались Гольман и др.

Последствия «проделанной работы» по классовому воспитанию «старых» кадров университета не заставили себя долго ждать. Их становилось все меньше и меньше в аудиториях и кабинетах. Разрушительным для БГУ и в кадровом, и в общесмысловом плане его деятельности как самостоятельного творческого объединения, корпорации интеллектуалов стало так называемое «разукрупнение»: «...в связи с потребностями и быстрыми темпами развития промышленности, социалистической реконструкции сельского хозяйства и решения проблем культурной революции в нашем пролетарском государстве...» Уже вскоре последствия подобных решений дали о себе знать. На правительственном уровне констатировалась не только учебная перегрузка «до невозможного» профессоров и доцентов, но и их «дисквалификация», полное отсутствие выполненных за год научно-исследовательских работ, «так необходимых для успешного социалистического строительства»²⁵. Немалую лепту в депрофессионализацию кадров университета внесли и решения из Москвы. Так, в январе 1931 г. постановление коллегии Наркомпроса РСФСР закрепило «целевую установку университетов»: «...подготовку преподавателей для высшей школы типа ассистентов, групповодов, лаборантов и научно-исследовательских работников *массового типа*...» (курсив мой. — О. Я.)²⁶.

Даже беглая оценка кадрового потенциала университета на начало 30-х гг. дает основание полностью согласиться с обеспокоенностью правительственных кругов республики. Многие из тех, кто на пустом месте создавал (и создал-таки) Белорусский университет, в лучшем случае оказались вне его стен. Кто-то перешел на более спокойную и несуетливую работу в АН БССР (там не было необходимости «ковать» молодые кадры пролетарской интеллигенции со всеми известными издержками этой рабо-

ты, требовалось только вовремя отслеживать веяния и установки в своей научной области). Кто-то просто покинул пределы республики, в которой политические ярлыки типа «великодержавный шовинист», «нацдем», а то и вовсе обвинения в «преклонении перед Западом» и в шпионаже навешивались без особого разбора и на представителей местной белорусской интеллигенции, и на тех, кто в уже как бы далекий 1921 год отважился приехать на западные окраины то ли бывлой Российской империи, то ли новой советской России. Но многие не сумели вовремя сориентироваться, понять новые политические векторы, упредить развертывание трагических обстоятельств по отношению к себе. И оказались первыми из того чудовищно большого списка жертв, отданных властью на заклатие во имя теперь уже приснопамятных идей всеобщего благоденствия.

Прикасясь к теме репрессий по отношению к интеллигенции вообще и интеллигенции белорусской в частности, всегда как-то невольно стремишься ограничить себя именно рубежом 20—30-х гг., так как далее просто мрак. Там не просто репрессии, там — кровь, муки, смерть. Тысячи и тысячи смертей. Но что следует отметить: на эшафот шла уже в основном «новая» белорусская интеллигенция. Актуальность борьбы со «старой», в основном небелорусской, интеллигенцией спала. Она не столько «рассосалась» по просторам СССР и растворилась в них, сколько перевоспиталась властью через примеры «философского парохода», через материальные и физические страдания первых послереволюционных лет, через элитные профессорские квартиры и зарплаты на общем нищем фоне, как и элитные пайки от ЦЕКУБУ и БелКУБУ, через унижающие человеческое и профессиональное достоинство низкопробные, кляузные публикации в тогдашних научных и общественно-политических изданиях, а более всего, ближе к концу 20-х гг. — через допросы «с пристрастием», тюрьмы и ссылки. Хотя и с сохранением жизни, ибо власть, воспитывая, четко осознавала, что без «старой» интеллигенции достроить фундамент и стены здания нового пролетарски насыщенного будущего никак невозможно. А вот «нового», уже массово подготовленного пролетарского интеллигента воспитывать и, если надо, перевоспитывать следовало в самом жестком режиме. Этот режим в условиях проблематики советской национальной республики, находившейся на

самых западных рубежах СССР (читай — советской России), становился предельно жестоким.

Российский историк и он же первый ректор БГУ В. И. Пичета, а также первый и единственный «заслуженный профессор БССР», был как бы «только» морально сломлен ленинградскими «Крестами» и вятской ссылкой, так публично и не признав своей вины перед советской властью. Более того, некоторое время он искренне не мог понять, за что был столь сурово наказан. Как он сам писал в просьбе о помиловании — всего лишь «за свое старо-интеллигентское отношение к своим и пролетариата классовым врагам» пришлось работать нормировщиком в вятском нарпите, неся незаслуженное «позорное пятно»²⁷. Однако Владимиру Ивановичу вернули и степени и звания, он плодотворно работал в Москве и был востребован в Белорусской АН, хотя БГУ и сам сторонился, и в университете его не привечали. А что творилось в душе искушенного интеллигента все эти годы работы во имя «укрепления авторитета советской исторической науки» стало нам ведомо только сейчас, благодаря новейшей публикации Л. И. Уткиной, которой удалось провести буквально дешифровку уникального пичетовского почерка, его записей «для себя» 1944—1946 гг. и любезно предоставить их для публикации в научном сборнике Белорусского госуниверситета «Российские и славянские исследования». Вот только несколько красноречивых и не требующих комментариев строк: «Я временами чувствовал упадок духа, и тогда я горько плакал <...>. Работал я для блага народа в будущем, а теперь продолжаю работать для будущего “социалистического рая”, которого никогда не будет. Это демагогический самообман народных масс. Мы все великие молчальники. Нам разрешено петь “аллилуйя” и “осанна”, но Боже сохрани сказать правду, сказать то, что говорят втихомолку, когда знают, что никто не донесет. Жизнь в Германии строилась на поклонении “фюреру”, а у нас — “вождю” <...>. Слепота и безумие, поддерживаемые хором воспевал, ибо положение всех этих ничтожеств зависит только от благосклонного взора сидящих за Кремлевской стеной...»²⁸

Каковы же принципы и жизненные устои других «старых» интеллигентов БГУ, сумевших не только выжить, но даже процветать и быть обласканными властью в самые суровые годы го-

нений на интеллигенцию и не только — остается лишь строить догадки. Таких откровенных, интимных строк подавляющее большинство советских интеллигентов не писало (одним из немногих исключений, как теперь стало известно, являлся академик И. П. Павлов, терзавший председателя СНК В. М. Молотова своими «чепуховыми письмами»). Например, соратникам Пичеты по первому «призыву» профессоров в БГУ, первым академиком Белорусской АН — востоковеду Н. М. Никольскому и медиевисту В. Н. Перцеву — удалось до глубокой старости не только безболезненно проходить между творческими и политическими «рифами», но и в целом в ученом мире БССР прослыть непререкаемыми авторитетами. И таковыми они остаются и поныне, хотя даже поверхностный взгляд на то, какую эволюцию пришлось им совершить в своей научной деятельности, позволяет предполагать те же пичетовские терзания и «слезы» бессилия. Но это уже отдельный сюжет для современного исследователя.

И что же в итоге? Приведенные примеры показывают, что к «истинному пониманию марксизма» университетская интеллигенция некоторое время пыталась дойти самостоятельно, в силу своей учености, затем — через дискуссии, в том числе навязанные «сверху». И постижение марксизма становилось лакмусовой бумажкой в выявлении лояльности к власти, советскому строю. Далеко не все выдерживали эту проверку, тем более по-пролетарски предвзято. Для белорусской высшей школы и науки итоги усвоения основ марксизма интеллигенцией, как «старой», так и «новой», но первой ее генерации, возвращенной в значительной степени все той же «старой», выражены через длинный список жертв многочисленных репрессивных кампаний. Чудовищная логика власти нами в принципе сегодня понята, но воспринять ее даже с позиций того же марксизма вряд ли возможно... Можно только разумом и сердцем прикоснуться к трагическим судьбам наших предшественников. За последние годы в Беларуси издано немало книг по данным вопросам²⁹. Но сделать предстоит гораздо больше.

Примечания

- ¹ *Вальфсон С. Я.* Адрыўкі з успамінаў і думкі // Беларускі Дзяржаўны Універсітэт. 1921—1927 : да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. Менск, 1927. С. 53.
- ² Национальный архив Республики Беларусь (далее — НА РБ). Ф. 205. Оп. 3. Д. 3941. Л. 11
- ³ «Будущего нет и не может быть без наук...» : (памяти профессора Московского университета Михаила Герасимовича Седова). М., 2005. С. 209.
- ⁴ См.: *Кончаловский Д. П.* Пути России: размышления о русском народе, большевизме и современной цивилизации. Paris, 1969 ; *Он же.* Воспоминания и письма. Paris, 1971.
- ⁵ *Кончаловский Д. П.* Воспоминания и письма. С. 187.
- ⁶ Известия. 2007. 15 марта.
- ⁷ НА РБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 2807. Л. 4.
- ⁸ Там же. Д. 3220. Л. 5.
- ⁹ Там же. Д. 2807. Л. 54.
- ¹⁰ Там же. Л. 4.
- ¹¹ Бальшавік Беларусі. 1928. № 6/7. С. 18, 19.
- ¹² Там же. С. 28.
- ¹³ НА РБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4698. Л. 36.
- ¹⁴ Там же. Л. 37.
- ¹⁵ Там же. Ф. 205. Оп. 1. Д. 1981. Л. 3 об.
- ¹⁶ Там же. Л. 7.
- ¹⁷ Там же. Л. 30.
- ¹⁸ *Адамович Т. И.* Вклад ученых БГУ в развитие экономического образования и экономической мысли Беларуси / Т. И. Адамович [и др.]. Минск, 2002. С. 70.
- ¹⁹ НА РБ. Ф. 4п. Оп. 7. Д. 241. Л. 5.
- ²⁰ Энциклапедыя гісторыі Беларусі : в 6 т. Т. 3. С. 59, 25, 27.
- ²¹ Цит. по: *Баранова Е. В.* Владимир Иванович Пичета в научно-образовательных и общественно-политических процессах Беларуси (1918—1930 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Минск, 2008. С. 98.
- ²² НА РБ. Ф. 7. Оп. 1. Д. 690. Л. 12.
- ²³ *Давидсон А. Б.* Николай Павлович Полетика (1896—1988) // Российские и славянские исследования. 2009. № 4. С. 294.
- ²⁴ Историк-марксист. 1938. Кн. 4. С. 124—137.
- ²⁵ НА РБ. Ф. 48. Оп. 1. Д. 4530. Л. 11, 12.
- ²⁶ Там же. Л. 18.
- ²⁷ Архив УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Д. № П-65245 : в 19 т. Т. 19. Л. 174.

²⁸ Пичета В. И. «Дневниковые записи 1944—1946 гг.» // Российские и славянские исследования. 2009. № 4. С. 333.

²⁹ См., напр.: Перед крутым поворотом: тенденции в политической и духовной жизни Беларуси (1925—1928 гг.) / авт.-сост. Р. П. Платонов [и др.]. Минск, 2001; Платонаў Р. П. Беларусь у межаваенны перыяд. Мінск, 2001; Маракоў Л. У. Ахвяры і карнікі. Мінск, 2007; Касцюк М. П. Бальшавіцкая сістэма улады на Беларусі. Мінск, 2000; Протько Т. С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси (1917—1941 гг.). Минск, 2002; Яноўскі А. А., Зельскі А. Г. Гісторыя Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта ў біяграфіях яго рэктараў. Мінск, 2001; Лінднэр Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX—XX ст. СПб., 2005; и др.

ББК 63.3(2)61-362:63.3(2)61-283.2

Игумен Феодосий (Иванников)

ЕВРАЗИЙЦЫ КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX ВЕКА

Евразийство как феномен интеллектуальной жизни русской эмиграции появилось в самом начале становления культуры русского зарубежья, т. е. в 20-е годы XX века. Оно возникло как форма самосознания русской эмиграции первой волны и вместе с тем как способ преодоления национальной трагедии, какой были для большинства русских эмигрантов Октябрьская революция (вместе с гражданской войной), установление большевистской диктатуры и крах Российской империи. Удаленность от Родины, обостренное восприятие катастрофы вызывало у оторванных от корней русских интеллигентов потребность в новом, нетрадиционном объяснении случившегося, пробуждало стремление обнаружить в истории России средства для ее национального возрождения. В 1920 году уже было

© Игумен Феодосий (Иванников), 2010

Игумен Феодосий (Иванников) — кандидат богословия, заведующий Сектором заочного обучения Свято-Алексеевской Иваново-Вознесенской Православной Духовной семинарии. if01@yandex.ru.

ясно, что сокрушить большевистский режим силой оружия невозможно. И очевидным стал лишь духовный путь его преодоления. Дореволюционные идейные подходы в этих условиях казались недостаточными, они требовали коренного обновления, попыткой которого и явилось евразийство. Открыто призывавшее к пересмотру всех старых идеологий, евразийство, казалось, отвечало и этим настроениям, и этим требованиям. Евразийцы оказались выразителями «пореволюционного мироощущения»: «С самого своего зарождения евразийство выступало как попытка творческого реагирования русского национального сознания на факт русской революции»¹.

Идейно-политические ориентации и предпочтения евразийцев (речь идет, заметим, не о политических программах или манифестах) самими участниками движения обозначены достаточно отчетливо. Они концентрируются вокруг идеологемы «третьего пути», которая в своем политическом прочтении формулируется как срединный, третий максимализм, или максимализм продуктивного синтеза, в равной мере отвергающий как правый (реставрационно-монархический), так и левый (коммуно-большевистский) максимализм и в то же время ищущий творческого сближения и примирения архаизирующего традиционализма правых и революционного радикализма левых.

Во многом именно с этой всеобщностью и радикализмом отрицания всех кумиров ассоциировались новизна и свежесть, которые с самого начала были отмечены критиками в выступлениях евразийцев. Импонировала их целительная вера в мировое призвание России. Как заметил тогда же Ф. Степун, республиканские и социалистические идеи привели Россию к беспрецедентному унижению; пережив такой опыт, почти невозможно было противостоять евразийским настроениям². Многие представители русской интеллигенции в то время говорили и писали о противостоянии Запада и Востока, многим казалось, что Россия призвана спасти мир от губительных западных влияний.

Утверждения евразийцев

Первым совместным выступлением евразийцев было издание в 1921 году сборника «Исход к Востоку: предчувствия и свершения (Утверждения евразийцев. Кн. 1)». В этом сборнике

поместили свои статьи Петр Николаевич Савицкий (географ, экономист, геополитолог), Петр Петрович Сувчинский (мыслитель, критик, музыковед), Георгий Васильевич Флоровский (философ, ставший впоследствии священником и богословом), князь Николай Сергеевич Трубецкой, вскоре возглавивший евразийское движение (всемирно известный лингвист, оригинальный этнолог и философ культуры, сын крупного философа Сергея Николаевича Трубецкого). Молодые ученые видели свою цель в поиске и прокладывании путей для некоторого нового направления, которое они обозначили термином «евразийство», «может быть, не очень удачным, но бьющим в глаза»³.

Первый сборник был результатом творчества группы русских интеллигентов, обратившихся к исследованию различных проблем русской истории и культуры. Это не символическая книга нового «общественного направления», подчеркивал один из участников этого сборника и будущий критик евразийства протоиерей Георгий Флоровский, задача ее в другом — вновь *поставить* на обсуждение *культурно-философскую* проблему смысла русской истории и русской революции, привлечь внимание к проблемам духовного творчества, пробудить глохнувший вкус к культуре, к чистым, а не прикладным ценностям. «И сколько бы мы ни ошибались в частности, мы чувствуем, что служим Великой России, и служим ничем не хуже, чем если бы затерялись в суматохе политических споров и публицистической злободневности»⁴.

Хотя сборник выявил существенные различия в мировоззренческих позициях авторов, это были плодотворные разногласия. Ибо все четверо оказались едины в одном желании — переориентировать русскую эмиграцию с бесплодного политиканства на духовное творчество, резко противопоставить лозунгу о примате политики лозунг о примате культуры. Спасение России они видели не в очередных социально-политических потрясениях, а в развитии ее творческого потенциала, которое, с их точки зрения, возможно только на религиозной основе, т. е. на основе Православия. Отклонение от этого вектора впоследствии и стало причиной ухода из евразийства Г. Флоровского, а в дальнейшем привело к расколу и распаду всего движения.

За первым последовал второй сборник — «На путях (Утверждения евразийцев. Кн. 2)», а затем — третий и четвертый с

одинаковым названием «Евразийский временник». Состав участников изданий изменился. К основоположникам направления примкнули историк Г. В. Вернадский, историк и философ Л. П. Карсавин, правовед Н. Н. Алексеев, литературовед Д. П. Святополк-Мирский и другие. Евразийским идеям симпатизировали крупные художники русского зарубежья: писатель А. М. Ремизов, поэт М. И. Цветаева, композиторы С. С. Прокофьев и И. Ф. Стравинский. Г. В. Флоровский, напротив, впоследствии разошелся с теми, кто стоял у истоков движения⁵.

Кроме общего настроения и мироощущения, евразийцев, пожалуй, объединяло еще одно качество, чрезвычайно характерное для этого выбитого поколения деятелей русской культуры, успевших получить образование и личностно сформироваться еще в старой России, но профессионально вынужденных работать уже в совершенно иных условиях. Это качество — необычайная широта культурных интересов и внушительный масштаб личности. Участие некоторых авторов (П. М. Бицилли, А. В. Карташева, М. В. Шахматова) в изданиях евразийцев носило случайный или временный характер. Однако в целом новое мировоззрение имело отклик в среде русской интеллигенции, чему немало способствовали проводимые евразийцами лекции и семинары, публикации «Евразийской хроники» и «Евразийских тетрадей».

Основу евразийства составили несколько идеологем:

1. Отрицание европоцентризма и признание принципиального равноправия всех цивилизаций.

2. Резко критическое отношение к романо-германскому Западу, стремящемуся к всеобщей европеизации человечества и уничтожению самобытности национальных культур.

3. Утверждение России как Евразии — особого «континента»⁶, самобытного культурно-географического мира, отличного от Европы и Азии, но родственного более последней, чем первой.

4. Русский народ не исчерпывается славянством, он связан через «туранский элемент»⁷ своей культуры с неславянскими народами Евразии, что, представляя с ними сходный психологический тип, обеспечивает единство «континента»⁸.

5. Монгольское иго было благом для России, поскольку именно от монголов русские переняли государственную идеоло-

гию и способность к объединению «континента»⁹ в государственное целое.

6. Понимание русской революции как катастрофического завершения губительного процесса европеизации России, с одной стороны, а с другой — как начала ее благодетельного «поворота к Востоку».

7. Констатация крушения либеральной демократии и выдвижение ей на смену нового государственного строя — идеократии, строя, в котором правящий слой отбирается по признаку преданности одной общей идее-правительнице. Несовершенное воплощение идеократии евразийцы видели в большевизме, подлинной же идеократией, по их мнению, является евразийство, идея-правительница коего — благо совокупности народов, населяющих данный автократический особый мир.

8. Идеальное государство в принципе невозможно, т. к. оно несовершенно по своей природе, поскольку ограничено земным планом бытия; и идеальное общество возможно лишь за границами этого бытия. Евразийство противопоставило это утверждение духу позитивизма и сциентизма, господствовавшему в умах как европейцев, так и россиян.

9. Разлагающему духу европейского индивидуализма необходимо противопоставить православную идею соборности.

Нельзя не отметить объективность, ценность, практическую важность проблем, поставленных евразийцами. Несомненная и немалая заслуга евразийцев состоит в том, что они *впервые целостно разработали проблему цивилизационного типа нашей страны, сделав эту проблему предметом комплексного анализа средствами философии, культурологии, географии, этнологии, лингвистики, религиоведения*. И хотя достижения евразийцев не связаны с решением метафизических, духовно-культурных задач русского самосознания, но в плане выявления и комплексного исследования объективных природно-географических, геополитических, геокультурных рамок формирования российской цивилизационной идентичности труды классиков евразийства имеют непреходящее значение.

Несомненная заслуга евразийцев в том, что им первым удалось живо *ощутить остроту вопросов*. Они сумели, будучи изгнанниками, преодолеть боль обиды на новую, советскую власть

и узнать в искаженном лике послереволюционной России материнские черты все той же своей Родины, увидеть и то, что русский народ, несмотря на свои заблуждения, по-прежнему остается их родным народом.

Дискуссии вокруг евразийского движения

Вызов, брошенный евразийцами, далеко неодинаково был воспринят русской зарубежной интеллигенцией. Движение имело не только своих горячих сторонников, многочисленными и представительными оказались ряды его последовательных оппонентов и противников. С критикой евразийства выступили Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. А. Кизеветтер, П. Н. Милюков, П. Б. Струве, С. Л. Франк и многие другие. Среди оппонентов евразийства оказалось немало и тех, кто вначале заявлял о своей приверженности евразийской доктрине или сочувствовал движению, но затем порвал с евразийством и активно с ним полемизировал.

Например, Г. В. Флоровский был одним из основателей евразийства, опубликовал ряд статей в первых евразийских печатных изданиях. Но затем, почувствовав появление в евразийском движении властных геополитических амбиций, обвинил евразийцев в измене первоначальным принципам движения. В 1928 году появляется продуманный документ разрыва Флоровского с евразийцами — глубокая аналитическая статья «Евразийский соблазн», остающаяся и по сей день самым основательным критическим рассмотрением евразийства.

Другой пример — философ И. А. Ильин (некогда с симпатией отозвавшийся на евразийский сборник «Россия и латинство» за мужественное и верное, по словам автора, выступление против слияния православия и католичества¹⁰) уже в 1925 году выступил на страницах белградской газеты «Новое время» с резким осуждением евразийства (статья называлась «Идейный оползень» и печаталась в нескольких номерах газеты) и призвал старшее поколение ученых и мыслителей решительно высказаться против «евразийских писаний»¹¹.

Возражение, прежде всего, вызывали антизападнические тенденции в выступлениях евразийцев, их отрицательное отношение к идее единства культурно-исторического процесса, равно как и недооценка евразийскими авторами общечеловеческих на-

чал в культурной жизни. При этом критика евразийства велась одновременно с позиций либерализма западнического толка (Милюков, Кизеветтер) и с позиций универсалистской традиции в русской мысли (Бердяев, Булгаков). В споре с евразийцами Бердяев указывал на некорректность самой мысли, будто какая-либо культура (по утверждению некоторых евразийцев, западная) может стать предпочтительным носителем зла, ибо христианство, по замечанию философа, «не допускает географического разделения добра и зла»¹². «Только от духовной беспомощности и материалистического склада души, опыта и мысли, — писал И. Ильин, — можно искать спасения в Азии и на Востоке и противопоставлять им романо-германский Запад, забывая о том, что добро и зло не имеют востока и запада: зло и на востоке зло; добро и на западе добро»¹³.

По мнению Кизеветтера, главной идеей евразийства, его теоретическим ядром, без чего рушилось все здание евразийской доктрины, была идея о том, что в национальных культурах нет общечеловеческих элементов, что «человечество разбито в своей культурной жизни на взаимно чуждые культурные миры». Но эта мысль, утверждал автор, научно несостоятельна и никак не обосновывается евразийцами: «Говорить о самобытности России, это значит, ничего не сказать»¹⁴.

В несколько иной плоскости спорил с евразийцами С. С. Ольденбург, представлявший также, как И. Ильин, П. Струве и С. Франк, умеренно-консервативную линию в общественно-политической мысли русского зарубежья. «Нужна, — писал С. С. Ольденбург, — идейная переоценка ценностей. Для нее русский опыт и переболевшие, излеченные элементы русского общества — благодарная почва. Но переоценка нужна во всем объеме европейской культуры и не в виде попытки отречься от нее; такая попытка настолько же бесполезна, как насаждение какой-то особой, пролетарской, культуры»¹⁵.

Резко критиковали установки евразийцев представители религиозной мысли, объединявшиеся вокруг эмигрантских изданий «Путь» и «Новый град» и продолжавшие развивать в зарубежье идеи русского религиозного возрождения начала века. Они упрекали идеологов евразийства в забвении духовной основы и, по словам Бердяева, вселенского по своему значению характера

Православия, в превращении его в «этнографический факт»¹⁶. Против религиозного партикуляризма евразийцев решительно выступал С. Н. Булгаков, писавший одному из сторонников евразийства о стремлении теоретиков движения превратить Православие в «православизм», в чем философ усматривал проявление нового язычества¹⁷.

Мы привели лишь наиболее характерные, на наш взгляд, точки зрения, высказывавшиеся видными представителями интеллектуальной эмиграции в дискуссиях о евразийском движении. Как это часто бывает в полемике, за многими справедливыми и аргументированными обвинениями в адрес нового движения из поля зрения оппонентов нередко ускользало и то положительное и оригинальное, что действительно было в концепции евразийцев, в их трактовке русского исторического процесса, их историософском анализе русской революции. Этим ценным и оригинальным в евразийстве была идея цикличности исторического процесса и особенно стремление евразийцев акцентировать внимание на изучении вопроса о взаимоотношениях восточных и западных элементов в развитии российской государственности и отечественной культуры. Но все-таки следует признать, что и поводов для упреков у критиков евразийства было достаточно.

Политизация евразийства и его упадок

К середине 20-х годов одним из главных идеологов евразийства становится Л. П. Карсавин (1882—1952). В то время как Флоровский использовал евразийское движение для выражения собственных идей, Карсавину удалось не только привнести в евразийство отвлеченную философскую терминологию, но и повлиять на судьбу самого движения. Причем влияние оказалось не умозрительным, а реальным — не последнюю роль в гибели движения сыграла его философия, хотя намерения были прямо противоположными. Именно карсавинская *концепция всеединства* сыграла в судьбе евразийского движения роковую роль. Будучи ведущим теоретиком евразийства, Карсавин в то же время проявил большой интерес к практике, а именно — к политике. И идейный крен влево, который стал наблюдаться в евразийском движении с середины 20-х годов XX века, принадлежит, главным образом, ему. Ведь для Карсавина, в евразийский период его

творчества, была характерна склонность видеть положительные стороны и даже положительную основу в деятельности большевистского режима. Метафизика всеединства, составляющая основное русло русской философской традиции, начиная с Вл. Соловьева, на примере Л. Карсавина обнаружила свою явную нестойкость в отношении *соблазнов утопизма, этатизма и антиперсонализма*. Именно эти недуги впоследствии стали причиной как разочарования самого Карсавина в евразийстве, так и разложения всего движения.

В апреле 1924 года, когда решался вопрос о привлечении Карсавина к евразийству, началась активная работа по подключению самого евразийства к более могущественному «целому», и идеи «тотализации», «индивидуальности как момента симфонической личности», «индивидуальной личности как личности социальной», «воли народа» и т. п. — оказались очень своевременными.

К этому времени евразийство из *культурфилософского учения* превращается в *тоталитарную идеологию*; евразийцы, первоначально собравшиеся для философских беседований, из теоретического движения трансформируются в политическую партию.

Пётр Савицкий втягивается в организованную ГПУ «Операцию Трест». (Чекисты создали видимость существования в СССР разветвленной конспиративной организации антибольшевистского толка, основанной на евразийских принципах.) Расширение и изменение состава движения привело к его расколу, которому способствовало также проникновение агентов ОГПУ в среду евразийцев. Внутри евразийства постепенно формируется «левое», пробольшевистское направление. Характер движения необратимо меняется. Развернулся выпуск литературы с явным пропагандистским уклоном — создавались, в основном, уже не культурфилософские штудии, а манифесты, программы, брошюры с упрощенным изложением евразийства как идеологии и политической доктрины.

Еще в сентябре 1925 года ничего не подозревавший о связях с ГПУ Н. С. Трубецкой писал П. П. Сувчинскому и П. Н. Савицкому о глубоком неблагополучии в евразийском движении: «Меня просто пугает, что с нами происходит. Я чувствую, что мы забрались в трясины, которая с каждым шагом всасывает нас все больше и больше. О чем мы переписываемся? О чем говорим?»

О чем думаем? — только о политике. Надо назвать вещи своими именами: мы становимся политиканами и живем под знаком примата политики. Это — смерть»¹⁸.

В середине 20-х годов левые евразийцы фактически становятся послушными инструментами советской Москвы, отказываясь от изначальной оригинальности движения, а правые сосредотачивают свое внимание на узкоспециальных областях — истории, геополитике, экономике. Савицкий несколько раз инкогнито посещает Россию. Затем следует «внезапный» провал этой «антисоветской организации». Крах «Треста» в 1928 году нанес серьезный удар по идее политической организации евразийства. Постепенно к концу предвоенного десятилетия евразийство практически прекратило свое существование как единое общественно-политическое движение.

Светлое, многообещающее начало и бесславный конец. Такова трагедия евразийского движения. Судьба многих евразийцев так же трагична, как и судьба их движения.

Савицкий Петр Николаевич был арестован сразу после освобождения Праги в мае 1945-го, привезен в Москву и по обвинению в антисоветской деятельности приговорен к 10 годам заключения в лагерях. Отбывал наказание с 1946 года в Мордовии, с 1954 — под Москвой. Освобожден в 1956-м, получил разрешение вернуться к семье в Прагу, но к преподавательской деятельности не был допущен. Занимался переводами с чешского языка на русский, писал стихи и воспоминания. Снова был арестован чехословацкими властями за изданный в 1960 году в Париже сборник стихов «Посев», в котором нашла отражение и лагерная тема; вскоре освобожден под давлением международной научной общественности.

Н. С. Трубецкой умер вскоре после вторжения гитлеровцев в Австрию. Германский фашизм не простил Трубецкому его неприимности к насилию над культурой, над народами, его выступлений против пропаганды идей расизма. Тяжелобольной, Николай Сергеевич находился в больнице, когда гестапо устроило обыск в его кабинете. Значительная часть рукописей, в том числе и неоконченный «Опыт предыстории славянских языков», при обыске была изъята, а в дальнейшем потеряна или уничтожена.

Князь Святополк-Мирский, принадлежавший к левому крылу евразийцев, еще в 1920-е годы начал читать Маркса и Ле-

нина; в 1931-м вступил в Коммунистическую партию Великобритании. Его возвращению на родину содействовал М. Горький. Получив советский паспорт, Святополк-Мирский в 1932 году уехал в СССР, где активно включился в литературную жизнь. Он оказался «белой вороной» как в среде эмигрантов, так и в советской России. Будучи арестован и находясь в пересыльном лагере «Вторая речка» (в нескольких километрах от Владивостока), читал раз в неделю в своем бараке лекции по истории русской литературы. Известно, что он работал в лагерной котельной на Колыме, но и здесь, верный себе, писал работу по теории стихосложения.

О распаде евразийской группы Ф. А. Степун, например, пишет: «...это тем более странно, что группа создателей и вождей евразийства состояла из весьма талантливых людей, равных которым среди главарей других политических организаций найти нелегко. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть номера “Евразийского временника” и “Верст” и ближе познакомиться с работами Трубецкого, Карсавина и Савицкого. Нелишне вспомнить и то, что такой крупный ученый, как протоиерей Георгий Флоровский, тоже вышел из евразийцев»¹⁹. Федор Августович объясняет этот распад «не только внешними обстоятельствами: смертью князя Трубецкого и Карсавина, возвратом Святополк-Мирского в советскую Россию, где он, вероятно, и погиб, увозом Савицкого в Россию, из которой он, однако, вернулся, но и более внутренними признаками: особенностями евразийского мирозерцания и организации евразийского движения»²⁰. Главную причину, объясняющую, почему евразийство как культурно-политическое движение потерпело неудачу, он усмотрел в том, что евразийское мирозерцание было встречено *ненавистью* евразийцев к тем силам, которые привели Россию на край гибели. Именно эта ненависть в эпоху издания «Евразийской Искры» и карсавинских парижских лекций способствовала зарождению тоталитарных тенденций в евразийской идеологии и сближению с большевистской властью. «Произошло это, вероятно, потому, что соблазн клюевской строки: “есть в Ленине керженский дух, игуменский окрик в декретах” — был с самого начала близок евразийской душе»²¹. Хотя он отмечает в евразийцах правильное ощущение, присущее в то время немногим представителям русской интеллигенции в эмиграции, что «и советская Россия — Россия»²².

Хотя срок пребывания евразийства на авансцене эмигрантской политики и культуры был недолог, оно все же оставило глубокий след в философии культуры. Политически, исторически евразийство оказалось эфемерным — однако ни его темы, ни его наследие не были эфемерны. Оно явилось очередным этапом творческого развития имманентной и коренной проблематики русского сознания — проблематики этнокультурной идентичности в контексте отношений цивилизаций Запада и Востока. В серии разработок начального, наиболее плодотворного периода оно предложило резкие, вызывающе спорные, но содержательные ответы на многие «русские вопросы». И неудивительно, что в пору очередной русской смуты, когда эти ответы вновь всплыли в культурном сознании, возродился «евразийский соблазн» — в еще более огрубленной и уродливой форме. Но евразийство также выдвинуло немало заслуживающих внимания идей в философии истории, философии культуры, и сегодня его теоретическое наследие по-прежнему нуждается в основательном изучении.

Примечания

- ¹ *Соболев А. В.* Князь Н. С. Трубецкой и евразийство // Лит. учеба. 1991. № 6. С. 131.
- ² *Степун Ф. А.* [Рецензия] // Современные записки. 1924. Кн. XXI. С. 401. Рец. на кн.: Евразийский временник. Кн. 3. Берлин, 1923.
- ³ N. S. Trubetzkoy's Letters and Notes, Prepared for Publication by R. Jakobson with the Assistance of H. Varan, O. Ronen and M. Taylor. The Hague ; Paris, 1975. P. 21. Цит. по: *Аверинцев С. С.* Несколько мыслей о «евразийстве» Н. С. Трубецкого : опыт беспристрастного взгляда // Новый мир. 2003. № 2. С. 23.
- ⁴ *Флоровский Г. В.* Письмо к П. Б. Струве о евразийстве // Флоровский Г. В. Из прошлого русской мысли. М., 1998. С. 131.
- ⁵ Вхождение Г. Флоровского в евразийство было продиктовано, прежде всего, соображениями академического, а не политического характера. В «Письме к П. Б. Струве о евразийстве» (1921) Флоровский объяснил свое сотрудничество с евразийцами тем, что культурно-философская рефлексия представляется ему в данный момент «гораздо более важным и насущным национальным делом, чем текущая политическая борьба» (Там же. С. 124), и евразийцы, по его оценке, собирались заниматься прежде всего такого рода рефлексиями. Однако заметив, что участники движения интересуются в большей степени

политическими делами, а не метафизическими спекуляциями хотя бы и геополитической ориентации, он на одном из собраний в Берлине в 1923 году отошел от движения. В общем, оказался в положении обманутого ожиданиями научного работника, которому вместо академии предложили партком.

⁶ «Континентами» евразийцы называли части света, например Европу и Азию, а расположенную между ними Евразию они называли «срединным континентом».

⁷ Под туранскими народами евразийцы понимали угро-финнов, самоедов (сохранившихся в Архангельской губернии и северо-западной Сибири), тюрков (татары, балкарцы, башкиры, киргизы, туркмены, алтайцы, якуты и др.), монголов (в пределах России — буряты, калмыки, маньчжуры, гольды и тунгусы, эвенки).

⁸ См. прим. 7.

⁹ См. прим. 7.

¹⁰ *Ильин И. А.* [Рецензия] // Русская мысль. 1923. Кн. III—V. С. 403. Рец. на кн.: Россия и латинство : сб. ст. Берлин, 1923.

¹¹ *Ильин И. А.* Идеиный оползень // Новое время. 1925. 7 авг.

¹² *Бердяев Н. А.* Евразийцы // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992. С. 31—32.

¹³ *Ильин И. А.* Идеиный оползень // Новое время. 1925. 11 авг.

¹⁴ *Кизиветтер А. А.* Евразийство // Русский экономический сборник. Прага, 1925. Вып. 3. С. 56.

¹⁵ *Ольденбург С. С.* Письмо П. Б. Струве, 6 декабря 1921 г. // Политическая история русской эмиграции. 1920—1940 гг. : док. и материалы. М., 1999. С. 111.

¹⁶ *Бердяев Н. А.* Евразийство // Путь. 1925. № 1. С. 137.

¹⁷ Письмо протоиерея профессора С. Н. Булгакова А. В. Ставровскому от 1 октября 1924 г. // Евразия: исторические взгляды русских эмигрантов. М., 1992. С. 41—43.

¹⁸ *Трубецкой Н. С.* Письмо П. П. Сувчинскому от 26 февраля 1922 года // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык. М., 1995. С. 776.

¹⁹ *Степун Ф. А.* Россия между Европой и Азией // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн / сост.: Л. И. Новикова, И. Н. Сиземская. М., 1993. С. 312—313.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 313.

²² Там же. С. 312.

О. В. Золотарев

СОВЕТСКОЕ УЧИТЕЛЬСТВО В 1930-е ГОДЫ

Наиболее значимой фигурой, во многом определяющей положение в народном образовании, является школьный учитель. Ситуация в учительской среде не просто свидетельствует о положении школы, но и отражает эффективность государственной политики в образовательной сфере. Важно помнить и о том, что именно школьные педагоги являются наиболее видными и многочисленными представителями городской и сельской интеллигенции (особенно заметно их влияние в провинции).

Осознавая данные обстоятельства, Советская власть в первое свое десятилетие уделяла немало внимания подготовке и воспитанию нового учительства, способного стать проводником качественно иной образовательной политики. Однако к концу 20-х годов далеко не все связанные с этими вопросами проблемы (касающиеся как материального положения школьных работников, так и их профессионального уровня) удалось решить.

Между тем, взятый с конца 1920-х годов курс на форсированное строительство социалистического общества требовал быстрого проведения индустриализации и модернизации сельского хозяйства. И власти при осуществлении этой линии столкнулись с острой нехваткой квалифицированных рабочих. Во многом такая ситуация объяснялась неэффективной школьной политикой 1920-х годов, поиском новой, социалистической школы. Этот процесс сопровождался непродуманными педагогическими экспериментами, падением авторитета учителя и, в итоге, заметным снижением уровня знаний выпускников советских школ. В условиях модернизации и расширения экономики такое положение не могло устраивать власти. В 1930-е годы была проведена сравнительно

© Золотарев О. В., 2010

Золотарев Олег Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и экономической теории Коми государственного педагогического института. (8212) 21-44-81

эффективная сталинская школьная реформа, отличавшаяся завидным прагматизмом и приведшая к серьезному улучшению подготовки советских школьников. По многим направлениям она фактически означала возвращение к традициям старой, дореволюционной русской школы. Не могли данные реформы не привести и к значительным изменениям в положении учительства.

Конечно, эти перемены не затронули идеологическую составляющую образования. Поэтому политическое давление на учительство продолжалось и в 20-е, и в 30-е годы, ибо власти были заинтересованы в идеологической поддержке проходивших в стране процессов. Это выразилось как в усилении работы по политическому воспитанию учителей — организации курсов по изучению истории ВКП (б), социалистического соревнования и т. п., так и в еще большем вовлечении школьных работников в агитационную деятельность. Для ведения работы по марксистско-ленинскому воспитанию учительских кадров, которому власти придавали большое значение, культотдел ЦК профсоюза работников просвещения еще в конце 20-х годов предложил систему политического просвещения педагогов. Она строилась на сети партийного просвещения (совпартшколы, кружки и т. п.) и основывалась на программах партпросвещения. При совпартшколах было предусмотрено проведение консультаций для учительства.

Однако идеологической работе среди учителей весьма препятствовал низкий общеобразовательный уровень педагогического персонала, его нежелание заниматься политикой. Во многих регионах учителя не читали газет, журналов (в некоторых районах до 80 % педагогов не выписывали никакой прессы), не владели даже минимальными политическими знаниями. Некоторые школьные работники в середине 1930-х годов не знали, кто такие Ленин, Сталин, Гитлер, стахановцы, не могли ответить на вопрос, где работает Молотов, Каганович, ничего не слышали о фашистах, не отличали Октябрьскую революцию от Февральской и т. п. Даже преподаватели истории, которые, казалось, должны были быть особо искушенными в политической жизни, не имели представления о громких международных событиях. В то время, когда во всех газетах писали о гражданской войне в Испании, на вопрос, что там происходит, они отвечали: Испания воюет с Японией. Эти примеры, которые были отнюдь не исключением, сви-

детельствовали о недопустимо низком политическом развитии педагогов. И, конечно, говорить о значительных успехах агитационной работы силами такого учительства вряд ли возможно¹.

Кроме того, и сами школьные работники не горели желанием выступать в роли пропагандистов. Многие из них вообще старались не касаться политики. Некоторые так прямо и говорили: «Я преподаватель, а не педагог, мое дело читать лекции, а не воспитывать людей, я не милиционер». Причем именно учителя со стажем откровенно сторонились общественной работы. Вероятно, преподаватели, порабатав, начинали понимать, что общественные нагрузки отрицательно сказываются на профессиональной деятельности, и стремились отходить от общественных дел. Впрочем, и сами местные власти, сознавая, что школьные педагоги имеют чрезмерную нагрузку, старались не перегружать их общественной работой².

Тем не менее, безразличие к пропагандистской работе не свидетельствовало о политической нелояльности учителей (хотя именно так оно нередко оценивалось властями). В целом педагоги в 30-е годы не проявляли какой-либо враждебности по отношению к действиям властей.

Но власти были постоянно неудовлетворены настроениями этого социального слоя. В конце 30-х годов в отчетах различных ведомств даже стали встречаться высказывания о том, что «в учительской среде большим злом является наличие политической беспечности... имеет большое место мелкобуржуазная расхлябанность, несоблюдение твердой государственной дисциплины». Возможно, поэтому педагогов не обошла волна репрессий конца 30-х годов. Например, из школ Коми автономии тогда было уволено до 10 % работников³. Правда, надо сказать, что репрессии выразились в основном только в увольнениях, более жесткие меры не применялись. Недовольство властей отразилось, прежде всего, на руководящих кадрах народного образования, которые понесли во второй половине 30-х годов значительный урон. Конечно, постоянные перестановки не способствовали стабильной деятельности образовательных структур. К тому же данные действия были ударом и по общему профессиональному уровню учительства. Власти быстро это осознали. Последнее привело к реабилитации части школьных педагогов: многие из них были

восстановлены на работе. Партийно-государственные органы в конце 30-х годов заговорили уже о «перегибах» в отношении учителей. Такой пересмотр позиции способствовал нормализации работы как школ, так и отделов народного образования на местах.

В целом следует признать, что воздействие властей на учительство в идеологической области нельзя признать в полной мере успешным. Конечно, к концу 30-х годов учитель уже не был источником враждебного для большевиков влияния, что имело место сразу после Октября 1917 года. И это можно рассматривать как несомненный успех. Но учительская масса не стала, за некоторым исключением, и активным проводником новой идеологии.

Ситуация усугублялась и определенной двойственностью положения учительства (особенно сельского). Ведь школьные педагоги воспринимались населением как проводники государственной линии. Нередко в ходе коллективизации учителя, наряду с партийными и советскими работниками, даже подвергались нападениям озлобленного крестьянства. Действительно, педагоги в деревне принимали активное участие в образовательных кампаниях государства (всеобуч, ликбез и т. п.), в ходе коллективизации весьма содействовали колхозной политике. Многие учителя избирались членами сельсоветов. Вместе с тем сами власти как в 20-е, так и в 30-е годы с подозрением относились к учительству (поначалу в силу симпатий учительства к эсерам, затем из-за подозрительного отношения к интеллигенции в целом)⁴. Таким образом, учителя оказывались чужими как для властей, так и для крестьянства.

Последнее обстоятельство усиливалось в 1930-е годы еще и тем, что нередко отделы народного образования не считались с интересами педагогов, перебрасывали их из одной школы в другую. Учителя были вынуждены бросать с немалым трудом созданное сельское благополучие (огород, избу и т. п.), что наносило определенный урон их материальному положению. Кроме того, подобная политика имела и иные последствия. В 1930-е годы среди сельских педагогов сравнительно небольшая часть была уроженцами той деревни, в которой они работали, меньше стало состоящих в браке с крестьянами или крестьянками, имеющих родственников в деревне⁵. Сельское учительство утрачивало свои деревенские корни, и это еще больше усиливало отчужденность его от крестьянства.

Именно в силу данного комплекса причин учительство не стало активным проводником политической линии новой власти, по крайней мере в той степени, в какой властные структуры на это надеялись в начале 20-х годов. В этом относительная неудача влияния Коммунистической партии на школьных работников. Такая ситуация была результатом не только определенных недостатков работы властей в учительской среде, но и являлась следствием малоудовлетворительного материального положения работников народного образования.

Между тем объявленная культурная революция и всеобщие требования усиленного развития народного просвещения, открытия новых школ, а значит, и учительских кадров. Это заставило руководство страны предпринять в конце 20-х и 30-е годы ряд действий, направленных на улучшение положения школьных работников. Кроме того, средства, выделяемые на народное образование в целом, заметно увеличились.

Данные обстоятельства способствовали тому, что в начале 30-х годов власти обратили внимание на улучшение положения сельской педагогической интеллигенции (во многом это было вызвано и проблемами коллективизации, стремлением обеспечить поддержку этого начинания со стороны сельского учительства). Работники просвещения на селе имели ряд льгот: они приравнивались к рабочим в снабжении промышленными товарами и продуктами питания, им предоставлялись бесплатные квартиры с отоплением и освещением. Ряд шагов был сделан и в деле обеспечения учителей пенсиями. Были предусмотрены и другие меры, которые содействовали улучшению материального положения педагогов. Вскоре власти значительно повысили и заработную плату школьным работникам. В конце 30-х годов зарплата в народном образовании уже превышала ее средний уровень по промышленности. Хотя в целом она не была значительной, поэтому многие педагоги (даже институты и техникумы) продолжали подрабатывать, значительно превышая нормы положенной нагрузки (порой в неделю проводя до 42 часов занятий), стремясь таким образом пополнить свой семейный бюджет. Нередко учителя в этих же целях не использовали свой отпуск (за неиспользованный отпуск полагалась компенсация).

Кроме того, зачастую реализация мер по улучшению положения педагогических работников на местах была затруднена вследствие игнорирования учительских нужд региональными властями, а также нехватки финансовых ресурсов. Это приводило к задержкам зарплаты, невыполнению декларированных обязательств (многие учителя так и не были обеспечены квартирами). Значительных размеров достигали и суммы задержанного педагогам жалования. Так, бывший Председатель Верховного Совета Коми АССР З. В. Панев свидетельствует, что денег на зарплату учителям не хватало: «по 3—4 месяца задерживалась ее выдача»⁶. Об остроте проблемы говорит и такой факт: из-за несвоевременной выплаты жалования некоторые работники народного образования даже не могли выкупить продукты питания по карточкам. И это несмотря на то, что о необходимости своевременной выплаты зарплаты учителям неоднократно говорилось в документах как центральных, так и местных государственно-партийных органов.

Надо отметить, что сама местная власть зачастую не горела желанием удовлетворять справедливые требования учителей. Нередко деревенская администрация выделяла школьным работникам абсолютно непригодное жилье. Например, учитель из Харьковской области писал в газету, что он с семьей вынужден жить в хате, соломенная крыша которой в дождь пропускает воду, у него нет даже уборной. Многие учителя становились фактически заложниками местной администрации (в особенно тяжелом положении оказывались женщины, составлявшие около половины сельского учительства)⁷.

Равнодушно относились местные властные структуры не только к вопросам материального положения педагогов, но даже и к нуждам школ. Один из молодых учителей Курской области сообщал: «...в первые же дни я встретил большие препятствия со стороны правления колхоза и совхоза... Ни правление, ни сельсовет, несмотря на просьбы, школе не помогали». Писатель Ф. Gladков свидетельствовал о весьма тяжелом положении сельских школ. Посетив в 1934 году свои родные места (в Куйбышевской области), он писал о ветхих, полуразрушенных школьных зданиях. Колхозное руководство в ответ на упреки заявляло: «Некогда об этом думать... Да и не наше это дело». Видя свое бессилие, учителя совсем пали духом: «У них нет напора, воли к

борьбе, нет власти, чтобы бороться за школу», — констатировал Ф. Гладков⁸.

Конечно, это вело к вольному или невольному недовольству педагогов. Причем некоторые учителя порой открыто выражали неудовлетворение ситуацией в стране. Например, даже на занятиях они говорили о том, что «в магазинах не стало ни хлеба, ни сахара, ни конфет»⁹. Нередко эти факты истолковываются как наличие антисоветских настроений среди педагогов. Вряд ли это было действительно так, скорее всего, это были сетования на обычные бытовые трудности.

Однако все же можно говорить о реальном и довольно ощутимом улучшении материального положения педагогической интеллигенции к концу 30-х годов. По воспоминаниям современников, школьные работники стали заметно лучше одеваться, питаться, учителя стали приобретать товары, свидетельствующие об определенной зажиточности — велосипеды, патефоны, наручные часы и т. п. Хотя, конечно, далеко не все учительские проблемы материального плана до конца были решены.

Между тем надо напомнить, что одним из толчков к улучшению материального положения школьных работников стала острая нехватка учителей. Проблему эту нельзя было решить без создания отлаженной системы подготовки педагогического персонала.

Важно, что в начале 30-х годов в результате смены вектора советской образовательной политики ориентация школы на получение учащимися общеобразовательных знаний привела к смещению акцентов в практике подготовки учителей. Больше внимание стало уделяться профессиональным знаниям.

Власти недаром обратились к этому вопросу. Недостаточные знания учительства имели следствием не только невысокий уровень подготовки учащихся. Низкая квалификация педагогических кадров способствовала и серьезному падению авторитета школьного работника среди местного населения. Образ учителя начала 30-х годов был малопривлекателен. Слабо подготовленные в профессиональном плане педагоги равнодушно смотрели на недостатки в работе школ, народном образовании в целом. Материальная необеспеченность учителей заставляла их уделять большее внимание собственному хозяйству, нежели работе в школе. Немало педагогов жило в деревне и имело свой приуса-

дебный участок, бывший серьезным подспорьем в материальном плане¹⁰. Слабую же педагогическую подготовку многие школьные работники возмещали силовыми методами: вели себя оскорбительно по отношению к учащимся, обзывали их, бросали в учеников мелом, книгами и т. п. По признанию руководителей отделов народного образования учителя в ряде школ были так плохи, что «просто калечили детей». Нередко общеобразовательная подготовка преподавателей школ оставляла желать лучшего. Некоторые учителя даже не владели в должной мере русским языком, они совершали в диктантах до 70 (!) ошибок. З. В. Панев вспоминает, что когда среди учителей был проведен диктант («текст был средней трудности из рассказа Тургенева»), то педагоги сделали по 10—15, даже 25 ошибок. Ряд учителей не были знакомы с элементарными правилами математики, не могли объяснить смену дня и ночи и т. п. Впрочем, нередко школьные работники выходили из сложных положений благодаря своей находчивости. В Москве одна из учениц на открытом уроке спросила учительницу: «Сколько было братьев Grimm?» Та не растерялась и ответила: «Братья Grimm были одни». Порой плохо подготовленные педагоги выдавали ученикам весьма оригинальные суждения. Например, в одной из школ Замоскворечья в 1932 году учительница литературы после того, как ученик прочитал стихотворение «Зима. Крестьянин торжествуя...», спросила класс: «Ребята, а что тут неверно у Пушкина?» И пояснила, что повода для торжества у крестьянина нет, ведь на дворе крепостное право. Конечно, такие полуграмотные рассуждения и «поверхностные знания учителей нередко отбивали всякую охоту учиться у самих школьников». Да и в моральном плане педагог не мог быть примером для подражания: с мест нередко были жалобы на пьянство учителей, их «гуляния» с учащимися¹¹.

Проблема нехватки квалифицированных учительских кадров еще более осложнилась, когда было начато проведение всеобщего обучения. Все тот же З. В. Панев свидетельствовал: «Учителей не хватало, все имели большие нагрузки — по 6 уроков в день, что было очень обременительно, особенно для молодых учителей... Каждый день на подготовку к урокам уходило по 4—5, а иногда и все 6 часов... все, в том числе и директор, имели чрезмерную нагрузку — по 36 часов в неделю при норме 18». С ростом числа

школ II ступени, повышением требований к уровню знаний выпускников (в связи с процессами индустриализации) остро встал вопрос об учителе с высшим образованием. Это вызвало пересмотр приоритетов в политике подготовки учителей и инициировало открытие педагогических вузов. Сеть педвузов в стране в 30-е годы резко выросла по сравнению с началом 20-х годов. К концу 30-х годов — в 4,5 раза, а число студентов в них — в 17,8 раза¹². Конечно, это очень помогло в решении проблемы нехватки учительских кадров.

Власти проявляли определенную заботу о материальных нуждах преподавателей открывшихся институтов: профессорско-преподавательский состав вузов прикреплялся к закрытым столовым и распределителям и получал улучшенный спецпаек. Это было обычной практикой 30-х годов, когда невозможность обеспечить всему населению высокий жизненный уровень приводила к созданию системы льгот для специалистов.

Одной из трудностей, с которыми столкнулись педагогические институты в 1930-е годы, являлся набор студентов. Причем, сложности с набором испытывали не только вузы, но и другие педагогические учебные заведения. Во многом это было связано с непопулярностью учительской профессии. Объяснением этому, помимо других причин, служили и революционные настроения, стремление к быстрым переменам, которые царили в советском обществе. А профессию учителя не окружал ореол героизма, причастности к происходившим в стране событиям. Только после проведения определенных мер, направленных на повышение социального статуса учителя (улучшение материального положения и т. п.), удалось выправить ситуацию. Среди предпринятых мер особо следует выделить широкую пропагандистскую кампанию. Так, в газетах помещались очерки о преданных школьному труду педагогах. При этом даже подчеркивалась роль учительства еще дореволюционной подготовки (а его оставалось еще немало, например в Сибири около 20 % всех учителей). Был снят и ряд фильмов об учительстве («Учитель» (1939 год), после войны — «Сельская учительница» (1947 год) и др.). Возобновилась и практика награждения учителей орденами и медалями: в 1939 году было награждено около 4 тыс. педагогов. Во многом это также

отражало наметившийся в этот период переход к традициям до-революционной школы.

Тогда же укрепилась и материальная база педагогических учебных заведений. Дело в том, что центральные органы власти стали обращать большее внимание на развитие педагогического образования, особенно высшего. На XVI съезде партии в 1934 году И. В. Сталин заявил: «...педагогические... факультеты все еще находятся у нас в загоне. Это большой недостаток, граничащий с нарушением интересов государства. С этим недостатком надо обязательно покончить»¹³. Естественно, после данных слов были предприняты шаги по улучшению положения педвузов.

Правда, уровень подготовки выпускников открывшихся пединститутов нередко оставлял желать лучшего во многом вследствие трудностей, связанных с начальным периодом становления вузов. Да и сама обстановка в педагогических учебных заведениях сказывалась на подготовке учителей и тревожила власти. Не нравилось многое: что ряд учащихся уговаривал своих товарищей не вступать в комсомол, «вели агитацию за Есенина», рассказывали политические анекдоты, прохладно относились к «общественно-полезным мероприятиям» (например, студенты одного из техникумов Коми АССР в 1937 году не явились на торжественное заседание в день Красной Армии). Поэтому понятно, что нередко настроения студентов характеризовались как «скверные». Власти объясняли «антипролетарское» поведение студенчества его «неудачным социальным составом» и слабой массово-политической работой. Но, наверное, было и вполне прозаическое объяснение — материальная неустроенность студентов. Даже питание учащихся было организовано неважно. Например, в большинстве педтехникумов в начале 1930-х годов рацион питания составляла вода с капустой и хлеб (в лучшем случае — 500 грамм в день)¹⁴. Возможность реально улучшить положение власти получили только к концу 30-х годов.

Для увеличения выпуска учителей в 30-е годы в педвузах было организовано и заочное обучение. Правда, явка на сессии заочников была крайне низкой (не более половины). Но во многом такое положение объяснялось не отсутствием желания учиться, а невозможностью оторвать учителей (семейных людей,

имеющих часто собственное хозяйство — особенно на селе) от домашних забот.

Но в целом предпринятые меры помогли улучшить ситуацию. К концу 1930-х годов большинство учителей (а число школьных педагогов за это время удвоилось) имели высшее или среднее педагогическое образование. Конечно, нередко квалификация учителей еще вызывала недовольство как населения, так и властей. По-прежнему сохранялась и проблема текучести учительских кадров, что, конечно, не могло не сказываться на качестве их работы¹⁵.

Итак, можно утверждать, что начавшаяся в 1930-е годы сталинская реформа народного образования оказала существенное влияние на положение и облик советского учителя.

Прежде всего, в связи с всеобщим и резким увеличением числа школ II ступени и усилением внимания к качеству обучения началась массовая подготовка школьных работников с высшим образованием в пединститутах. Эта новая схема педобразования выигрывала в массовости подготовки педагогов. Она носила плановый и систематический характер. Однако качество профессиональной подготовки школьного работника хоть и улучшилось, но во многом все же не отвечало возросшим требованиям времени. Именно тогда были предприняты и решительные действия по изменению материального положения педагогов. Это произошло вследствие усиления внимания властей к проблемам образования и улучшения финансирования школ. Была не только повышена заработная плата учителям, но для них был введен целый ряд льгот материального характера. И хотя эти действия не сняли с повестки дня вопросы материального обеспечения педагогов, положение учителей, особенно в сравнении с другими слоями населения, стало относительно благополучным. Данные обстоятельства, соединенные с заметно повысившимся уровнем подготовки педагогических кадров и активной пропагандой властей, призванной поднять социальный статус педагога, привели к серьезному росту авторитета учителя среди населения.

Но в целом надо отметить, что многие вопросы, связанные с учительством — материальное положение, обеспеченность учительскими кадрами, — и к началу 40-х годов во многом оставались нерешенными.

Ведь власти хоть и обращали свое внимание на проблемы народного образования и учительства в 30-е годы, все же не могли их полностью разрешить, оставаясь ограниченными в средствах — большая часть финансовых и материальных ресурсов страны шла на решение проблем индустриализации, а не на культурные и социальные нужды. И все же, несмотря на сохранение целого ряда трудностей, в 30-е годы власти сделали многое в плане интеллектуального и материального обеспечения образовательной системы страны. И это самым положительным образом сказалось на работе учреждений народного образования и жизни учительства.

Примечания

- ¹ *Андреевский Г. В.* Повседневная жизнь Москвы в сталинскую эпоху. 1930—1940-е годы. М., 2003. С. 349—351 ; Национальный архив Республики Коми (далее — НА РК). Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 314. Л. 64.
- ² НА РК. Хр. № 1. Ф. 241. Оп. 1. Д. 16. Л. 10 ; Д. 42. Л. 3—4.
- ³ Там же. Ф. 1541. Оп. 1. Д. 5а. Л. 3.
- ⁴ Народное просвещение. 1930. № 6. С. 16—17 ; № 7/8. С. 8—10 ; За коммунистическое просвещение. 1934. 4 дек. С. 4.
- ⁵ *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. С. 254.
- ⁶ См.: *Панев З. В.* Вехи в пути. Сыктывкар, 2000. С. 277.
- ⁷ За коммунистическое просвещение. 1935. 6 дек. С. 3.
- ⁸ Там же. 24 нояб. С. 3.
- ⁹ НА РК. Хр. № 1. Ф. 187. Оп. 1. Д. 27. Л. 120 ; Ф. 241. Оп. 1. Д. 16. Л. 27.
- ¹⁰ Там же. Ф. 3. Оп. 1. Д. 143. Л. 105 ; Ф. 241. Оп. 1. Д. 42. Л. 3 ; Д. 43. Л. 43, 48 ; НА РК. Хр. № 2. Ф. 70. Оп. 1. Д. 508. Л. 12.
- ¹¹ *Андреевский Г. В.* Указ. соч. С. 349—350 ; НА РК. Хр. № 1. Ф. 187. Оп. 1. Д. 5. Л. 46 ; Ф. 3. Оп. 1. Д. 143. Л. 64 ; За Новый Север. 1935. 16 мая ; НА РК. Хр. № 2. Ф. 1. Оп. 1. Д. 296. Л. 164 ; *Панев З. В.* Указ. соч. С. 278.
- ¹² Деятельность Коммунистической партии по подготовке и воспитанию учительских кадров в период социалистического строительства. М., 1981. С. 40 ; *Панев З. В.* Указ. соч. С. 259—260.
- ¹³ *Сталин И. В.* Сочинения. Т. 13. М., 1953. С. 339.
- ¹⁴ НА РК. Хр. № 1. Ф. 1538. Оп. 1. Д. 2. Л. 54 об. ; Д. 1. Л. 146 ; Ф. 1541. Оп. 1. Д. 5а. Л. 3 ; НА РК. Хр. № 2. Ф. 70. Оп. 1. Д. 507. Л. 57—58.
- ¹⁵ Культурное строительство СССР. М. ; Л., 1940. С. 80.

А. Ю. Чередникова

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ВЛАСТЕЙ И ЛУЖИЦКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ (1918—1949 гг.)

Под лужицкой общественностью Германии подразумевается, прежде всего, национальная интеллигенция как выразительница многогранных интересов этого малого народа. Совершенно оправданно историческая роль лужицкой интеллигенции заключалась в «официальном» представительстве в рамках относительно однородного по национальному составу государства, а главное — в поддержании народного духа и культивации самосознания. Лужицкая интеллигенция, в противовес остальным составляющим лужицкого общества, была активно живущим и борющимся слоем. Именно ей принадлежит заслуга в стремлении развивать и сохранять лужицкую культуру, язык, одновременно приобщая общество к мировой культуре и прогрессу.

Лужицкая интеллигенция в лице представителей церкви, науки и просвещения еще с середины XIX века выступала с требованием равноправия с немцами в культурных вопросах. В 1847 году было основано первое лужицкое научно-просветительское общество «Матица Сербская»¹, начали выходить журналы и газеты на родном языке (в 1860 г. — литературный журнал «Лужица», в 1886 г. — студенческий журнал «Сербский студент», в 1900 г. — крестьянский журнал «Сербский господарь», в 1902 г. — журнал «Наша Домовина» и др.). В противовес официальному нажиму властей и нарастающей политике ассимиляции в 1912 году была создана национальная культурно-просветительная общественная организация «Domowina» («Домовина», «Родина»), просуществовавшая до 1914 года, когда в начале войны немецкие власти запретили ее функционирование. Цель деятельности «До-

© Чередникова А. Ю., 2010

Чередникова Анна Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории исторического факультета Поморского государственного университета (г. Архангельск). anna41975@mail.ru.

мовины» заключалась, прежде всего, в объединении и координации работы школьных, культурно-просветительных и спортивных объединений.

Во времена Веймарской республики общественно-политическая жизнь лужицкой интеллигенции протекала в русле борьбы за всеобщее избирательное право, за признание лужицкого народа национальным меньшинством в рамках Германского государства. Наиболее ярко кратковременный рост национального самосознания лужичан выразился в возникновении и функционировании лужицких политических партий, общественных организаций (в т. ч. молодежных), в деятельности национальных школ. Возобновившая с 1918 года свою деятельность «Домовина» по-прежнему возглавляла все лужицкие культурно-просветительные учреждения. Среди наиболее влиятельных лужицких обществ и организаций этого периода были «Матица Сербская», «Сокол», «Серболужицкая народная партия», «Серболужицкий крестьянский союз». В 20-е годы лужичане достигли видимых успехов в социально-экономической, культурно-общественной сфере, что позволило возродить национальное самосознание и отчасти укрепить веру в национальное будущее. «Часть серболужицкой интеллигенции активно взаимодействовала с представителями других национальных меньшинств Германии. Лужицкий серб Ян Скала был главным редактором журнала “Культурвер” (“Kulturwehr”), который специализировался на проблемах национальных меньшинств Германии. На территории Верхней и Нижней Лужиц действовали многочисленные местные серболужицкие общества. Несмотря на активную общественную жизнь и большое количество серболужицких организаций, во время Веймарской республики лужицкие сербы так и не смогли образовать единый политический орган, который выражал бы их интересы»².

С приходом к власти национал-социалистов политика в отношении «Домовины», как наиболее влиятельной и объединяющей многие лужицкие силы организации, изначально была направлена на превращение ее «из органа, отстаивающего национальные интересы сербов-лужичан, в орудие германизации славянского населения Германии»³. Если в марте 1933 года Адольф Гитлер в демагогических целях устроил прием «шпревальдцев», а в мае того же года заявил об «отвержении» политики германи-

зации, то вскоре иллюзии рассеялись. Были арестованы все местные коммунисты и многие лидеры национального движения, запрещены газета «Сербске Новины», «Лужицкий крестьянский союз», спортивная организация «Соколы». Председатель «Домовины» Павола Недо был выслан, а сама организация — закрыта с 1937 года. Затем было запрещено употребление лужицкого языка даже в быту. Уничтожались не только лужицкие книги, но и надписи на лужицком языке, высеченные на могильных плитах. В годы Второй мировой войны в эмиграции в Великобритании находились представители лужицкого меньшинства, которые в основном примыкали к польскому и чешскому движению Сопротивления. Они составляли многочисленные прошения, выдвигали для Лужицы планы региональных политических образований в послевоенное время и обращались со своими требованиями к различным иностранным министерствам и ведомствам, но услышаны не были. Однако эти лужицкие группки сопротивления все же добились того, что о самом существовании славянского меньшинства на немецкой земле стало известно будущим странам-победительницам. Малоуспешными были и попытки лужичан истребовать конституционных изменений оккупационных властей в отношении своего народа. В этой связи возникла щекотливая ситуация. Лужичане пытались обратить внимание на свою славянскую принадлежность и многовековое бесправие и угнетение со стороны немецкого государства. Подчеркивалось и то, что лужичане сами явились жертвой нацизма.

Однако большей частью лужичане приспособились к нацистской системе и относились к ней лояльно. Членство лужичан в НСДАП было не ниже, чем среди немцев Лужицы. Например, до 90 % лужицких учителей являлись членами НСДАП⁴. Германский исследователь Эдмунд Пех считает, что лужицкое учительство под прикрытием членства в НСДАП на первых порах добивалось сохранения лужицкого языка и культуры в школе, несмотря на дискриминацию, даже после запрета «Домовины» и общения на лужицком языке. В 1940 году, усмотрев в практикующих лужицких педагогах «политически ненадежных», Рейнхард Хейдрих подписал приказ по двуязычным областям, согласно которому лужицкое учительство следовало подвергнуть депортации и частичному физическому уничтожению⁵.

После освобождения Германии от нацизма лужицкое национальное движение стремительно возродилось. За несколько первых дней мая 1945 года в Будишине возобновила свою работу запрещенная в 1937 году «Домовина», был создан Серболужицкий национальный комитет (позже — Серболужицкий Земский Национальный комитет — СЗНК). В первые послевоенные годы эти две организации и стали выразителями предъявляемых к советским и германским властям чаяний, идей и требований лужицкой общественности, интеллигенции и народа в целом.

На первых же порах советское руководство в Москве, а также советские власти в СОЗ были вынуждены столкнуться с так называемой «лужицкой проблемой» или «вендским вопросом» политического характера, а именно обретения малым народом свободы от немецкого давления. Лужицкая общественность при поддержке чехословацких коллег предлагала ряд путей для решения сложившейся ситуации: либо вхождение в состав Чехословацкого государства, либо образование отдельного Лужицкого государства под протекторатом СССР и других славянских стран⁶.

Все обращения лужичан к СССР между 17 июля и 2 августа 1945 года — до Потсдамской мирной конференции остались без ответа и реакции. Германский историк Детлеф Коч подчеркивает, что на тот момент советская политика в отношении лужичан выстраивалась на ожидании решений Потсдамской мирной конференции, говоря более смело, базировалась на стратегии «затягивания» разрешения сложившейся ситуации вокруг лужичан с тем, чтобы впредь не допустить «лужицкий вопрос» к предмету международных переговоров, поскольку территориально Лужицы будут подчинены советскому оккупационному режиму⁷. В действительности же развитие советской зоны оккупации все больше ориентировалось на советский образец. Сотрудники СВАГ имели только советский опыт управления, который они переносили на немецкую землю. Это относилось и к управлению в сфере национальной политики, точнее «марксистско-ленинской национальной политики», которая предполагает стирание всех национальных, культурно-религиозных различий и возникновение нового, унитарного общества — социалистического.

Ответом советского руководства на обращения лужицкой общественности был отказ в поддержке этих требований, однако

подчеркивалась необходимость достаточного представительства лужичан в органах управления, подтверждалась обязательность введения преподавания лужицкого языка в школах и возобновления деятельности культурно-просветительских обществ. Так, в донесении Начальника Управления СВА Федеральной земли Саксония генерал-майора Д. Г. Дубровского значилось: «...руководители “Домовины” обратились ко мне с просьбой: разрешить им проводить культурную работу среди лужицких сербов во всей Лужицы⁸. В частности, они просят передать им типографию, которая была конфискована гитлеровскими властями, их помещения, которые сейчас заняты другими лицами, открыть школы на сербском языке, открыть театр и т. д. <...> Считаю, что независимо от того, разрешиться или нет вопрос о их автономии, возможно разрешить им проводить культурную работу среди лужицких сербов, в тем рамках, которая проводится среди немецкого населения»⁹.

«Домовина» по-прежнему в своей Программе заявляла о стремлениях решать насущные для немецкого общества и страны проблемы социального и экономического, правового характера и вести активную культурную и просветительную работу: «...мобилизация всех сил серболужицкого народа для обеспечения пропитания населения и для восстановления хозяйства на общинной и кооперативной основе, в частности разделение имений, усиление мелких крестьян и сельской бедноты, национализация крупной промышленности, повышение жизненного стандарта рабочего класса. Свобода убеждения, слова, печати и религии. Осуществление равноправности лужицкосербского народа во всех отраслях общественной, культурной и политической жизни. Сохранение и поддержка лужицкосербской народности и его культуры. Борьба против каждой попытки подчинить серболужицкий народ чужим интересам, наносящим вред его славянскому народному характеру...»¹⁰

В Культурной программе «Домовины» на 1945—1946 годы выделялись следующие направления работы среди населения: 1) «курсы сербского языка для внешкольной молодежи и для взрослых. Усовершенствование и проглубление знания языка»; 2) «курсы русского и других славянских языков»; 3) «серии лекций о истории, литературе и фольклоре лужицких сербов»;

4) «поощрение певческим обществам и музыкальным группам: певческие хоры, покровительство и поддержка работников на этом поприще, устройство концертов сербской музыки и пения в Будышине ина лужицкой провинции»; 5) «физкультура лужицко-сербской молодежи в спортивных и гимнастических группах»; 6) «руководство лужицкосербскими театрами и аматерскими спектаклями. Издательство театральной литературы»; 7) «снабжение лужицкосербского населения народной сербской литературой, газетами и журналами»¹¹. Стоит отметить, что многие пункты этой программы нашли свое воплощение в жизни: с июля 1947 года начал выходить лужицкий еженедельник «Нова Доба»; в том же году в Будишине (Бауцене) была открыта средняя школа с преподаванием на лужицком языке; 23 марта 1948 года ландтаг Саксонии принял «Закон о защите прав серболужицкого населения», который гарантировал лужичанам право на свободное развитие своего языка, культуры и поддержку в этом со стороны государства и многое другое.

Однако деятельность «Домовины» позиционировалась теперь не только как общественная, культурно-просветительная, но именно — антифашистская, т. е. политическая. Так, в исходящем послании Лужицкосербского народного совета в Будишине «Шефу Советского Гражданского Управления Саксонии» генерал-майору Д. Г. Дубровскому писалось: «“Домовина”, Антифашистский Союз Лужицких сербов позволяет себе предложить Вам при сем свою программу и просит признать ее как политическую, антифашистскую представительницу всего лужицкосербского народа. ...как антифашистскую лужицкосербскую организацию... с правом устраивать антифашистские собрания. Далее просим дать соответствующие указания всем военным комендатурам в ...ездах, чтобы “Домовина” могла так беспрепятственно вести организационную антифашистскую работу в целой Лужице»¹². В этой связи историк М. Тильманн подчеркивал, что политическая составляющая деятельности «Домовины» вдохнула в нее новую жизнь, именно благодаря четкой и ясной политической ориентации ей удавалось решать насущные для организации и всего лужицкого народа многочисленные проблемы — прежде всего перестройки жизни общества на антифашистские рельсы, а также вести диалог с советскими оккупационными властями¹³.

Второй же стороной политической сути деятельности «Домовины» и ее лидеров, как уже упоминалось выше, было стремление решить вопрос о самоопределении лужицких территорий. В 1945 году ее руководством оформлялись меморандумы и обращения к властям СССР и лично И. В. Сталину, организовывались митинги и манифестации, на которых выдвигались лозунги за присоединение Лужицы к Чехословакии, сопровождаемые проникновенной риторикой: «...славянские, русские воины среди нас, на нашем сербском концерте. Исполнятся ли наши тысячелетние страстные желания, наши мечты о полной свободе нашего народа. Да, исполнятся, т. к. мы ныне под защитой Советского Союза... Столетиями мы охраняли лужицкую область для славян и боролись против всех нападений, отражали их одни, без помощи. Многие мы потеряли, но мы устояли, удержались до конца и спасли Лужицу для себя и для всего славянства...»¹⁴

В конечном счете, направленность этой деятельности стала раздражать власти и в Германии и в СССР, что и привело к ограничению ряда инициатив в этом направлении. «Домовина» постоянно находилась под пристальным вниманием советских властей, руководство — Ян Цыж нередко обвинялся в потворничестве сепаратизму и стремлении к противостоянию властям¹⁵. Поэтому «Домовина» и ее лидеры практически сразу после своих просьб и заявлений о самоопределении стали «главным объектом немецких коммунистов, которые стремились привлечь ее руководство на свою сторону в проведении радикальных социально-экономических преобразований в Восточной Германии и одновременно нейтрализовать внешнеполитический курс “Домовины”, направленный на выход Лужицы из состава Германии. Постепенно эта политика стала приносить плоды»¹⁶.

С возобновлением функционирования двух общественных объединений лужичан возникла внутренняя идеолого-политическая проблема. Выявившиеся противоречия в лужицком национальном движении были заложены изначально: две лидирующие организации действовали разрозненно и несогласованно, не имели общей программы. Стоит отметить, что поскольку «Домовина» заявляла о себе как об антифашистской организации (а это было крайне важно для советских и немецких властей, державших курс на денацификацию общества), все более активно и в

заданном советскими властями русле сотрудничала с ними и с СЕПГ и, следовательно, в меньшей степени, нежели деятельность СЗНК, раздражала их, она находилась в более выгодных условиях существования. СЗНК, чье руководство категорически выступало против любого взаимодействия с немецкими политическими партиями известного уклона, приоритетным вектором своей работы видело однозначное решение вопроса лужицкого самоопределения и некоторое время спустя уже выступало в качестве политической оппозиции новой власти и все более усиливающей свои позиции СЕПГ.

С 1946 года ситуация стала усугубляться. Руководство СЗНК продолжало настаивать на отделении Лужицы от Германии и отказывалось от диалога с немецкими политическими силами, что явно противоречило интересам советской военной администрации в Германии. Ввиду бесперспективности дальнейшего сопротивления и ужесточения давления со стороны властей в феврале 1948 года СЗНК принимает решение о самороспуске. «Домовина», напротив, продемонстрировала лояльность к советской администрации и склонность к компромиссам, обеспечивая себе тем самым политическую поддержку советских органов и создавая базу для развития лужицкого народа в новых социально-экономических и культурных условиях.

Примечания

- ¹ В отечественной историографии к изучению деятельности Матицы Сербской проявлялся большой интерес и в дореволюционное и в настоящее время: *Францев В.* Матица Сербская в Будишине (1847—1897 гг.) СПб., 1897 (работа переиздана в советское время); *Лантева Л. П.* Матица Сербская в Будишине. 150 лет // *Славяноведение*. 1998. № 1.
- ² *Шевченко К. В.* Лужицкий вопрос и Чехословакия. 1945—1948. М., 2004. С. 66.
- ³ Там же. С. 82.
- ⁴ *Schurmann P.* Die sorbische Bewegung 1945—1948: zwischen Selbstbehauptung und Anerkennung. Bautzen, 1998. S. 26.
- ⁵ *Pech E.* Die Sorbenpolitik in der DDR 1949—1970: Anspruch und Wirklichkeit. Bautzen, 1999. S. 23.
- ⁶ Подробнее об этом см.: *Шевченко К. В.* Указ. соч. С. 113—188.

- ⁷ *Kotsch D.* Minderheitenpolitik in der SBZ / DDR nach dem Zweiten Weltkrieg : die Sorben, sowjetische Besatzungsherrschaft und die Staatliche Sorbenpolitik. Potsdam, 2000. S. 6.
- ⁸ Орфография и пунктуация здесь и далее соответствуют тексту документов.
- ⁹ Донесение начальника Управления Советской военной администрации Федеральной земли Саксония генерал-майора Дубровского члену Военного Совета Группы советских оккупационных войск в Германии генерал-лейтенанту Бокову, 21.08.1945 // Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 7212. Оп. 1. Д. 52. Л. 41—42.
- ¹⁰ Домовина : Антифашистский союз лужицких сербов : программа и выписка из устава, 1945 г. // Там же. Л. 44.
- ¹¹ Домовина : Антифашистский Союз Лужицких сербов : культурная программа Домовины на 1945/6 год, 1945 г. // Там же. Л. 45.
- ¹² Там же. Л. 43.
- ¹³ *Thilmann M.* Die Domowina in den ersten Jahren des sozialistischen Aufbaus in der DDR 1949—1955. Bautzen ; Domowina-Vero, 1975. S. 10.
- ¹⁴ ГАРФ. Ф. 7212. Оп. 1. Д. 52. Л. 50—51.
- ¹⁵ Там же. Р-7077. Оп.1 Д. 196. Л. 11 .
- ¹⁶ *Шевченко К. В.* Указ. соч. С. 235—236.

ИЗ ИСТОРИИ ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

ББК 63.3(2)41-283.2

А. В. Попов

ГЕНЕЗИС ДРЕВНЕРУССКОЙ ВОЕННОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Одним из наиболее спорных вопросов современной историографии является проблема генезиса интеллигенции. Традиционная точка зрения заключается в том, что интеллигенция как социальная группа возникает во второй половине XIX в. в связи с последствиями Великих реформ. Однако в последние десятилетия развитие интеллигентоведения привело к изменению взгляда на эту проблему. В работах Л. Я. Смолякова, В. С. Меметова, М. Т. Петрова и Т. В. Блаватской, в дискуссии ученых-востоковедов на страницах журнала «Народы Азии и Африки»¹ интеллигенция рассматривается как явление, уходящее своими корнями, по крайней мере, в античную эпоху. Эта концепция отразилась и в учебнике по истории первобытного общества академика В. П. Алексеева и А. И. Першица, которые прямо говорят о профессиональных интеллигентах на стадии образования первых государственных объединений². Все это заставило переосмыслить и подходы к рассмотрению истории интеллигенции в нашей стране. В частности, исследованию русской средневековой интеллигенции посвящены работы А. Е. Кабанова и Д. А. Столярова³, соз-

© Попов А. В., 2010

Попов Александр Викторович — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой общественных и естественнонаучных дисциплин Владимирского филиала Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. popov-av@list.ru.

данные в рамках межвузовского центра «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества» (ныне — НИИ интеллигентоведения при Ивановском государственном университете, руководитель — доктор исторических наук, профессор В. С. Меметов).

Автор придерживается точки зрения, что интеллигенция как массовое явление складывается в России не ранее XVIII в., однако отдельные качественные черты интеллигенции были присущи еще русским князьям и книжникам Древней Руси.

Предметом исследования выступают представители военного сословия: именно эта сфера деятельности требовала наибольшей широты мышления, готовности к нетривиальным, творческим решениям возникавших проблем, выходя при этом за границы корпоративных представлений и интересов.

Предыстория отечественной военной интеллигенции связана со временем военной демократии: уже к началу государственного периода истории восточных славян формируется дружина, которую можно назвать военнопрофессиональной общностью.

Задолго до образования государства возникла необходимость командовать подобными группами. Появляются военные управленцы, под руководством которых восточные славяне могли успешно наступать на земли Византии, несмотря на высочайший уровень военной и дипломатической культуры противника. Вместе с тем император Византии Маврикий (правил с 582 по 602 г.), описывая военные навыки славян, утверждал, что они «в начальники никого не выбирают и живут в ссоре между собой». Однако ниже он перечисляет ряд тактических приемов (в частности, широкое использование засад, ложного отступления на поле боя и т. д.), свидетельствующих о наличии специально подготовленных воинов, находящихся под командованием опытных вождей⁴.

Распространение византийской культуры (как до принятия христианства, так и после него) привело, в числе прочего, к обогащению древнерусской военной культуры, проявившейся в войнах Владимира I Святославовича. Еще более глубоко это проникновение демонстрирует Владимир Мономах. Однако в той или иной мере с возникновением и распространением этой культуры были связаны многие военные управленцы Руси, к которым относятся не только князья, но и бояре-воеводы. Институализация

этой группы обусловлена формированием системы трансляции военной культуры. Ее элементами являются школы для «нарочитой чади»⁵, созданные Владимиром Святославовичем, и система воспитателей — «пестунов», занимающихся подготовкой князей и на первых порах помогающих им править своими землями⁶. Таким образом, с самого раннего возраста князь учился искусству управления людьми. Все это говорит о наличии в Древней Руси *военной прединтеллигенции — группы, профессионально занимающейся военным управлением, а также созданием и распространением военной культуры.*

Система ценностей представителей данной группы коренилась в дружинной воинской морали: на первом месте стояло стремление к чести и славе, дополнявшееся осознанием необходимости защиты родной земли. Однако в этой среде появляются люди, демонстрирующие принципиально иной подход к своим обязанностям.

Среди князей (а возможно, и военачальников-бояр) Древней Руси были те, кто сумел подняться над групповыми интересами дружины и узкогрупповой военной моралью до общенациональных ценностей. Первым таким князем был **Владимир I Святославович**. Его можно смело назвать первым общерусским, а не дружинным князем. Об этом свидетельствуют следующие факты:

1. После взятия Киева Владимир отказался выполнять свои обязательства перед варяжской дружиной, так как это могло разорить горожан⁷. В этом поступке князя чрезвычайно четко проявился приоритет интересов народа перед дружиной.

2. Если Святослав добивался от дружины преданности не только славой и добычей, но и собственным образом жизни — чрезвычайно простым, не отличающимся от воинского, то Владимир порвал с традицией «походных» князей. А свой разрыв с дружиной он должен был компенсировать дружинными пирами с золотой посудой⁸.

3. На пиры Владимира приглашались не только дружинники («бояре и гриди»), но и «посадники, и старейшины по многим градам», «сотские, десятники и нарочитые мужи»⁹. Таким образом, при Владимире впервые сливаются две ветви древнерусской государственности: общинно-городская, представленная родовой знатью, и княжеско-дружинная.

Отказ от полного единения с дружиной показал самостоятельность мышления великого князя. Ярче всего это качество Владимира I проявилось в акте выбора религии. В отличие от Святослава, который был совершенно равнодушен к этим вопросам, а в ответ на уговоры матери объяснял свое нежелание менять веру тем, что он опасается неодобрения воинов¹⁰, Владимир поднимал вопрос о выборе вероисповедания дважды в течение 10 лет! Какие бы аргументы ни стояли за христианизацией Руси, это было смелое государственное решение, бесспорно принятое самостоятельно, а не под влиянием внешних факторов.

Среди причин, обусловивших подобную свободу мышления, необходимо особо выделить влияние византийской культуры на формирование личности князя Владимира. В процессе противостояния язычества и православия возникает ситуация, которую Э. Дюркгейм назвал «аномия»¹¹: разные моральные правила взаимно гасятся, и человек оказывается на распутье, ибо, не связанный более традициями и стереотипами, он сам выбирает правила и типы поведения. Таким образом, ни христианские, ни языческие моральные нормы не определяли поведение Владимира. Добившись высшей власти на Руси и получив все, о чем мечтал, Владимир постепенно стал самостоятельно выбирать наиболее близкую ему линию поведения, и именно это, судя по летописи, оказалось основанием для отрицания ислама в момент «выбора веры»¹². Однако поведенческие стереотипы были далеко не единственным критерием. В этом смысле чрезвычайно характерен диалог между иудейскими мудрецами и Владимиром¹³. Владимир не посылал к евреям — те сами нашли дорогу в Киев. В переговорах князь показал хорошее знание истории, в том числе и религиозной: сведения о том, что Иерусалим захвачен¹⁴, а евреи рассеяны, были не в пользу этой религии. Против иудаизма свидетельствовал факт разгрома Хазарского каганата Святославом: религия, которая не могла помочь в объединении народа, не давала ему силы противостоять врагам, не прельщала Владимира. Поэтому можно согласиться с выводом А. Карпова: «В глазах язычников гибель государства неопровержимо доказывала гибельность и беспомощность его богов. “Обветшавшая” религия поверженного каганата не могла стать религией победившей Руси»¹⁵. Речь идет о специфике религиозного сознания полководца, стремившегося защитить свою

страну и объединить народ. Та религия, которая не помогала, а мешала достижению этой цели, очевидно, не могла рассматриваться как достойная при выборе веры.

Отказ от некоторых моральных требований не означал полной безнравственности: все действия Владимира Святославовича были направлены на создание и защиту единой русской земли. Это подтверждает и его деятельность как полководца, особенно при сравнении с отцом — неистовым Святославом. Полководческое искусство Святослава гораздо выше: он истинный сын войны, способный вырвать победу в самых неблагоприятных обстоятельствах¹⁶. Военный талант Владимира на таком фоне выглядит менее впечатляюще — он практически не доводил ситуацию до такого напряжения, когда требовалось массовое самопожертвование преданных ему людей. Основные правила, которыми руководствовался Владимир, можно сформулировать следующим образом:

➤ следует самому найти союзников и по возможности разорвать союзы врагов¹⁷;

➤ надо использовать все возможности для ослабления противника: от подкупа его воевод до обеспечения недостатка в продовольствии (Родень¹⁸) и / или воде (Херсонес¹⁹).

Его отец воевал совершенно по-другому. Святослав был настоящим воином, презрительно относящимся ко всяким военным уловкам и предупреждавшим врага гордым «Иду на Вы!». В отличие от него Владимир не искал громкой славы: ради достижения цели и сохранения жизни доверившихся ему людей он мог пойти против правил воинской чести, воспользовавшись помощью изменника (воевода Блуд в Киеве, священник Анастас в Херсонесе).

Различны были и цели войн, которые вели оба эти правителя. Святослав жил вместе с дружиной и ради нее. Походы, уничтожившие Хазарию и создавшие державу Святослава в дельте Дуная, были предприняты, прежде всего, для завоевания славы и обогащения дружины²⁰.

Его сын занял противоположную позицию: не война с Византией, а договоры, поддерживаемые угрозой силы; не походы к иным землям, а защита своего народа от нашествий кочевников. Походы этого князя привели к объединению восточнославянских

племен (многие из них откололись от Киева после смерти Святослава), расширению пределов Древнерусского государства в такой степени, как это не удалось ни одному из его потомков.

Для Владимира военное дело — только одно из направлений его деятельности как человека и как правителя. Обращает на себя внимание широта его интересов. Летописец упоминает о его любви к «книжному чтению»²¹, об устройстве первой школы для детей «лучших людей»²².

В своей деятельности Владимир Святославович демонстрировал *заботу о народе и гуманизм*, которые он ставил выше групповой солидарности и стремления к собственной славе. Его религиозные реформы показывают *широту интересов и самостоятельность мышления*.

Данные качества еще более ярко проявились в произведениях и деятельности **Владимира Мономаха**. Этого князя выделяет из ряда современников то, что в центре его системы ценностей стоят не честь («почесть») и слава, а чувство ответственности. В «Поучении» он требует от своих сыновей: «Смерти бо ся, дети, не боячи ни рати, ни отъ звери, но мужское дело творите, како вы Богъ подасть»²³. Анализ деятельности князя показывает, что главным делом для него было *обеспечение мира на русской земле*.

После смерти Всеволода Владимир Мономах вполне мог претендовать на отцовский престол: за ним уже стояли слава непобедимого полководца и большое войско. Но это решение неизбежно приводило к столкновению со Святополком, а значит — к большой войне и гибели многих русских людей в междоусобице. Поэтому Мономах по доброй воле ушел из Киева, заняв Чернигов²⁴.

В том же неудачном для Мономаха 1093 г. он принял участие в сражении на Стугне. Выйдя навстречу половцам, русские войска расположились за рекой, и Мономах предлагал в этих условиях заключить мир. Решение кажется очевидным: река разлилась, русские заняли крепкую позицию и в случае нападения половцев легко смогут его отразить. Половцам оставалось только уйти. Однако такое решение не могло принести славы, и киевляне во главе со Святополком выступили за нападение. Описывая этот спор, летопись донесла до нас конфликт двух систем ценностей, распространенных среди древнерусских воинов: Мономах

отстаивал приоритет *ответственности* перед русской землей, противопоставляя ее групповым дружинным ценностям, которым следуют киевляне во главе со Святополком. Тем не менее Владимир, заключив договор с Киевом, должен был принять участие в этом нападении, что стоило ему потери младшего брата (Ростислав утонул у него на глазах) и Черниговского княжения²⁵.

С особенной силой ответственность Мономаха перед русской землей проявилась в его послании Олегу Святославовичу, в котором он отказался от освященного веками права кровной мести, говоря, что не винит Олега в смерти сына, но предлагает вернуть мир на русскую землю, чтобы не множить страдания народа²⁶.

В XI в. не достаточно было усмирить междоусобицы, гораздо больший вред приносили нашествия половцев. Владимир Мономах стал тем князем, который сумел, объединив Русь, перенести войну на территорию врага. Он настолько обескровил кочевников, что в дальнейшем они уже не решались на крупные набеги, если только не входили в коалицию одних русских князей против других²⁷.

Успеху походов Владимира способствовал тот факт, что они проходили ранней весной, когда половецкие кони были истощены после зимы и не могли на равных соперничать с русскими. Вместе с тем весна на Руси — период сева, и отрывать рабочие руки от полей (а для большого похода одной дружины было явно недостаточно) означало лишиться большей части урожая. По мнению основной массы князей и их дружинников, отвлечение воинов-ополченцев от весенней страды может привести к тому, что Мономах «погубит смердов и пашню смердов». Характерны аргументы, которыми он сумел отстоять необходимость похода именно в это время. Мономах говорил: «...дивлюсь я, брат, что жалеете смердов и их коней, а не думаете о том, что начнет весной смерд этот пахать на лошади, а половчин, налетев, поразит его стрелой, и заберет лошадь ту, и жену его, и детей его, и гумно его зажжет. Об этом-то почему не думаете?» И сказала дружина: «Верно, так оно и есть»²⁸. Слова Владимира Мономаха свидетельствуют, что «русская земля» для него означала не княжескую собственность, а реальных людей, погибших в результате набегов кочевников.

Этот эпизод ярко демонстрирует, что одним из главных качеств Владимира Мономаха был гуманизм, присущий и сегодня

военной интеллигенции. Как уже говорилось, гуманизм военной интеллигенции — не чувство жалости, а сознательная ориентация своей деятельности на предотвращение такой ситуации, в которой эта жалость может понадобиться.

Однако это не означает, что Мономах был чужд христианского милосердия. Он советовал своим детям: «Ни права, ни крива не убивайте, ни повельвайте убити его, аще будеть повинень смерти; а душа не погубляйте ни какоюже хрестьяны»²⁹. Милосердие должно проявляться и в меньших делах: «Всего же паче убогихъ не забывайте, но елико могуще по силе кормите, и придайте сироте, и вдовицю оправдите сами, а не вдавайте сильнымъ погубити человека»³⁰.

Княжеское милосердие должно проявляться даже во время походов и войн. Мономах требовал, чтобы его сыновья ни в коем случае не допускали грабежей и насилия: «Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости деяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селехъ, ни в житехъ, да некляти васъ начнуть»³¹.

Этому принципу Мономах старался следовать и в своей деятельности. Единственный раз, участвуя в первом настоящем походе на Минск под командованием отца, Мономах допустил разорение города дружинниками. Впоследствии он делал все, чтобы этого не допустить и по возможности уберечь русских людей от гибели (например, помешал Святополку сжечь Стародуб в 1096 г.). Вершиной полководческого умения Мономаха и его стремления быть милосердным даже в бою был поход на Волынь в 1117 г., когда за 60 дней осады не был убит ни один человек³².

С точки зрения Владимира Мономаха для князя превыше всего — его ответственность перед Русской землей и Богом. В то же время одних благих намерений было недостаточно. Не случайно последняя часть «Поучения» представляет собой наставление в примерах: как сам Мономах претворял в жизнь те принципы, которые он заповедовал детям.

Князь лично ответственен за все, что происходит в его доме и войске. Поэтому главное, чего ему необходимо остерегаться, это лень³³. В частности, правитель был обязан сам контролировать деятельность своих подчиненных и слуг как в мирное время, так и на войне³⁴.

В частности, это требование предполагало непосредственное участие князя в битве и его готовность к смерти: «Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни от звери...»³⁵ По поводу гибели своего сына он писал: «Дивно ли, оже мужь умерль в полку ти? Лепше суть измерли и роди наши»³⁶.

В данном случае деятельность князя была направлена на формирование своей репутации. Поэтому Владимир Мономах так много внимания уделял общественному мнению, даже если оно распространялось на людей не его круга: «В дому своемъ не ленитесь, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмеются приходящии к вамъ и дому вашему, ни обеду вашему»³⁷. Аргументируя необходимость беречь имущество смердов и оказывать гостеприимство странникам, он указывал на то, что это надо делать, чтобы вас не проклинали («да неклѣти васъ начнуть»), но прославили по всем землям («мимоходячи прославять человека по всемъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ») ³⁸.

Все это говорит об особом внимании, которое Владимир Мономах обращал на уважение, честь и славу — понятия, свойственные его среде и времени. Об этом говорит и тот факт, что, описывая собственную жизнь, он фактически занимался самовосхвалением, рассказывая о своих «путях» и битвах. Но Мономах понимал, что гордыня — грех для христианина. «Паче всего гордости не имейте в сердца и въ уме»³⁹, — советовал он в «Поучении». Оправдываясь за свое стремление к славе, он восклицал: «Да не зарите ми, дети мои, ни инъ, кто прочеть, не хвалю бо ся ни дерзости своея, но хвалю Бога и прославляю милость его»⁴⁰.

Таким образом, не отрицая ценности славы, Владимир Мономах ставил ее ниже ответственности перед Богом и своей страной.

Как литературная, так и военная деятельность Владимира Мономаха свидетельствуют, что для этого князя чрезвычайно актуальными были две системы ценностей: узкогрупповая княжеская (как этика прединтеллигента) и православная церковная. При этом, стараясь не вступать в противоречие ни с одной из них, сознательно отдавая предпочтение христианской этике, он обращал внимание на репутацию и в своих привычках держался княжеских традиций, но при необходимости, если возникала угроза Русской земле, мог пойти на нарушение и тех и других норм. Такой подход позволяет говорить о развитом личностном самосознании Мономаха.

В результате анализа деятельности двух наиболее выдающихся князей Древней Руси можно сделать вывод, что в их образах формировались черты, считающиеся качественными характеристиками интеллигенции вообще и военной интеллигенции в частности. Это был *период генезиса духовных ценностей будущей российской военной интеллигенции*: долга перед Отечеством, ответственности за подчиненных, заботы о репутации, стремления к славе за ратные подвиги и готовности к самопожертвованию за Святую Русь.

Анализ системы ценностей и деятельности Владимира I Святославовича и Владимира Мономаха показывает, что эти князья не только демонстрировали понимание интересов народа как своих собственных, но и были носителями личностного самосознания, позволившего им подняться до высоты военного искусства как способности достигать победы в битвах с кочевниками с наименьшими потерями. Таким образом, можно говорить о наличии среди князей Древней Руси военачальников, которым были присущи качества, характерные для военной интеллигенции.

Примечания

- ¹ *Блаватская Т. В.* Из истории греческой интеллигенции эллинистического времени. М., 1983 ; *Смоляков Л. Я.* Советская интеллигенция. Киев, 1986 ; *Меметов В. С.* К дискуссии о времени появления и формирования российской интеллигенции // Некоторые современные вопросы анализа российской интеллигенции. Иваново, 1997 ; *Петров М. Т.* Итальянская интеллигенция в эпоху Ренессанса. Л., 1982 ; Интеллигенция древняя и новая : материалы дискуссии за «круглым столом» в Институте востоковедения АН СССР // Народы Азии и Африки. 1990. № 2, 3.
- ² *Алексеев В. П., Першиц А. И.* История первобытного общества. 6-е изд. М., 2007. С. 306.
- ³ *Кабанов А. Е.* Интеллигенция Древней Руси и проблема государственной власти // Проблемы теории и методологии исследования интеллигенции. Иваново, 2008 ; *Столяров Д. А.* О начальных этапах формирования российской интеллигенции в XVI—XVII вв. // Там же.
- ⁴ *Маврикий.* Стратегикон // Искусство войны : антология военной мысли : в 2 кн. / сост., подгот. текста, предисл., коммент. *Р. Светлова.* СПб., 2000. Кн. 1 : Древний мир. С. 374.
- ⁵ Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 2001. Т. 2 : Ипатьевская летопись. Стб. 118—119.
- ⁶ *Карпов А.* Владимир Святой. М., 2004. С. 43, 85.

- ⁷ ПСРЛ. Т. 1 : Лаврентьевская летопись. М., 1997. Стб. 78—79.
- ⁸ Там же. Стб. 125—126.
- ⁹ Цит. по: *Карпов А.* Указ. соч. С. 114.
- ¹⁰ «Как же захочу ин закон принять, а дружина моя сему смеяться начнет?» (ПСРЛ. Т. 1. Стб. 63).
- ¹¹ *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. М., 1996. С. 432 ; *Он же.* Самоубийство. СПб., 1998. С. 496.
- ¹² ПСРЛ. Т. 1. Стб. 85.
- ¹³ Там же. Стб. 85—86.
- ¹⁴ Видимо, речь идет о первом завоевании города римлянами.
- ¹⁵ *Карпов А.* Указ. соч. С. 167.
- ¹⁶ Подробнее см.: *Сахаров А. Н.* Дипломатия Святослава. М., 1991.
- ¹⁷ *Карпов А.* Указ. соч. С. 125, 130, 137—138 ; *Назаренко А. В.* Русь и Германия в IX—X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы, 1991. М., 1994. С. 117—118.
- ¹⁸ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 76—78.
- ¹⁹ Там же. Стб. 109.
- ²⁰ Там же. Стб. 70.
- ²¹ Там же. Стб. 125.
- ²² Там же. Стб. 118—119.
- ²³ Поучение Владимира Мономаха // Памятники литературы Древней Руси (далее — ПЛДР). XI — начало XII в. М., 1978. С. 408.
- ²⁴ ПСРЛ. Т. 1. Стб. 217.
- ²⁵ Там же. Стб. 219—220.
- ²⁶ «...Понеже не хочю я лиха, но добра хочю братьи и Русьскый земли...» (Послание Владимира Мономаха Олегу Святославовичу // ПЛДР. XI — начало XII в. С. 57).
- ²⁷ *Плетнева С. А.* Половцы. М., 1990. С. 168—169 ; *Гумилев Л. Н.* Древняя Русь и Великая степь. М., 1993. С. 327.
- ²⁸ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 265.
- ²⁹ Поучение Владимира Мономаха... С. 398.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же.
- ³² *Сахаров А. Н.* Владимир Мономах // *Каргалов В. В., Сахаров А. Н.* Полководцы Древней Руси. М., 1985. С. 423, 544, 551.
- ³³ Там же. С. 400.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Послание Владимира Мономаха Олегу Святославовичу. С. 57.
- ³⁷ Поучение Владимира Мономаха. С. 400.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ Там же. С. 398, 400.

⁴⁰ Там же. С. 408.

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В РАЗВИТИИ РЕГИОНОВ

ББК 63.3(2)4-283.2

И. А. Ревин

ФОРМИРОВАНИЕ СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ ОБЛАСТИ ВОЙСКА ДОНСКОГО ВЫХОДЦАМИ ИЗ КРЕСТЬЯНСКОГО СОСЛОВИЯ

Одним из малоизученных вопросов донской региональной историографии следует признать проблему формирования сельской интеллигенции. Вместе с тем именно в пореформенный период шел процесс активного становления этой социальной группы. Главным образом это связано с реформами императора Александра II, которые привели к массовому открытию в сельских населенных пунктах образовательных и лечебных учреждений, распространению крестьянского самоуправления в виде сельских и волостных сходов, учреждению земств. Однако зарождающаяся в пореформенное время сельскую интеллигенцию нельзя в полной мере назвать таковой, поскольку она еще не соответствовала важнейшему критерию — социальной преемственности, предполагающей передачу из поколения в поколение этических и культурных ценностей. С отсутствием социальной преемственности связан другой критерий для выделения сельской интеллиген-

© Ревин И. А., 2010

Ревин Иван Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасский политехнический институт). ivarev@mail.ru

ции — профессиональная деятельность, а именно принадлежность к сфере интеллектуального труда. Этот критерий позволяет отнести к интеллигенции села, главным образом, учителей земских и церковно-приходских школ вне зависимости от их сословной принадлежности. Сферу деятельности достаточно легко проследить по архивным материалам, однако вызывает сомнения тот факт, что многие учителя были в некоторой мере людьми «случайными», занявшимися учительством в силу обстоятельств. Следующим критериальным признаком интеллигенции будет уровень образования. Выпускников университетов на Дону было немного, и практически все они были выходцами из дворян. Дети рядовых казаков предпочитали военные учебные заведения — кадетские корпуса, юнкерские и военные училища. Крестьяне, как правило, заканчивали свое образование в начальных и церковно-приходских школах Области войска Донского. Поэтому для пореформенного периода достаточным уровнем образования для сельской интеллигенции Дона следует признать окончание гимназии, духовной семинарии или среднего специального заведения. Еще одним признаком сельской интеллигенции является стиль жизни, а именно ментальное и реальное восприятие окружающими селянами ее представителей как носителей образования, культуры и духовных ценностей. Здесь возникает целый ряд проблем, связанных с тем, что многие сельские учителя совмещали свою деятельность с другими занятиями, например крестьянским трудом, служением церкви и др. Финансовое положение многих сельских обществ, на балансе которых находились начальные школы, было плачевным, поэтому жалование учителей не могло обеспечить достойного существования. В то же время дополнительные источники пополнения семейного бюджета были необходимы коренным донским крестьянам, получившим по реформе 1861 г. минимальные земельные наделы от 3 до 4 дес. на душу. Поэтому они стали основой формирования сельской интеллигенции на Дону.

Сельских начальных школ, подведомственных министерству народного просвещения, на территории войска Донского до 1861 г. почти не было, поэтому потребность в начальном образовании пытались удовлетворить другие ведомства, в основном духовное. В Миусском, Донецком и Первом Донском округах на-

считывалось 28 крестьянских школ — «безмездных училищ», открытых в основном по инициативе духовенства, в которых к 1863 г. обучалось 4021 человек¹. Это привело к тому, что церковь, при которой не имелось школы, считалась редким исключением. Из всех типов начальных сельских училищ наибольшее распространение на Дону получили приходские школы, которые в зависимости от финансирования делились на станичные и хуторские. Начальные школы для крестьянских детей стали открываться в Земле войска Донского после 1863 г., до этого они обучались грамоте в станичных приходских училищах вместе с детьми казаков. Так, в Черкасском округе из 234 учеников только один был крестьянского происхождения, в Усть-Медведицком округе обучалось всего 13 крестьянских детей, а в Первом Донском — 12². Хотя численность крестьянского населения, по переписи 1858 г., составляла 286 302 человека из 871 130 жителей войска Донского, т. е. около трети всего населения³. Причина такого состояния начального образования крестьянского населения связана главным образом с тем, что все тяготы по содержанию и обеспечению школ ложились на сельские общества, финансовое положение которых было весьма затруднительным, если не сказать плачевным. Так, в слободе Харцызской приходское училище было открыто только в 1868 г. и то по распоряжению войскового присутствия по крестьянским делам. Вся тяжесть содержания училища возлагалась на местное общество, и в целях экономии первым учителем стал «нанятый односелец, временно отпускной фельдфебель» И. А. Торченко. Однако уже в 1870 г. крестьянское общество наняло пономаря В. А. Покотилова, который проработал в училище 4 года. В 1874 г. училище закрылось, так как сельское общество отказалось платить Покотилу за его работу, и только спустя пять лет по инициативе земских органов была организована земская школа⁴. Во многих крестьянских поселениях «по неимению в школах мест на коронную службу, учителя нанимаются обществами то из отставных солдат, то из казаков и других сословий, часто люди малограмотные и нетрезвые, потому что для найма учителей способных крестьянские общины не имеют средств»⁵.

Фактически в пореформенный период школы грамоты появились только в крупных слободах — административных центрах

волостей и некоторых поселках. Например, в 1870 г. в Аграфеновской волости Миусского округа было только две школы для образования крестьянских детей русской грамоте — в самой Аграфеновке и в поселке Алексеевско-Тузловском. В других шести поселках и трех хуторах их не было⁶. Еще хуже дела обстояли в Федоровской волости Черкасского округа, где в том же 1870 г. вообще не было ни одного учебного заведения⁷. Из восьми крестьянских волостей Второго Донского округа одна только Ильинская имела возможность воспитывать детей в калмыцких училищах, находившихся в слободе Ильинке⁸.

Наиболее наглядно затруднительное финансовое положение сельских обществ иллюстрируют расчетные листы земских податей. Так, за период 1861—1869 гг. у 19 крестьян Усть-Медведицкого округа Пристановской волости общества Чирско-Карасева хутора Карасева в недоимках числилось 57 руб. 99 коп., 61 крестьянин Миусского округа Степановско-Крынской волости общества Михайловского поселка Грузско-Сербинова имел недоимку в размере 330 руб. 92,5 коп.⁹ Это заставляло сельские общества просить об открытии учебных заведений за счет казны, так как они были не в состоянии содержать школу на свои средства в связи с тем, что «несколько лет подряд неудовлетворительные урожаи хлеба... и за неимением других доходных источников»¹⁰. Подобная ситуация в пореформенный период наблюдалась в большинстве крестьянских обществ войска Донского. Однако были и исключения из этого правила. Например, из расчетного листа Миусского округа Есауловской волости общества Нагольнинского поселка видно, что 112 крестьян пользовались 392 дес. земли, за период 1861—1869 гг. недоимок нет, а переплата составила 285 руб. 39,25 коп. Причем дополнительно крестьяне платили налог в 8 руб. 8,75 коп. на попечительство Мариинских женских заведений. При проверке оказалось, переплата земских налогов составила 222 руб. 55,5 коп., поземельных — 1 руб. 73 коп., подушных — 24 руб. 91,5 коп., попечительских — 4 руб. 19,25 коп., мариинских — 8 руб. 8,75 коп., а всего 261 руб. 48 коп.¹¹ Такое устойчивое финансовое положение сельского общества позволило не платить налогов в неурожайные 1869, 1870 и 1873 годы.

На конец XIX века в церковно-приходских школах училось 1108 мальчиков и 137 девочек, в школах грамоты — 336 мальчи-

ков и 141 девочка, в народных училищах — 3074 мальчика и 1140 девочек¹². Наблюдатель епархиального училищного совета протоиерей П. Попов в 1894 г. после очередной инспекции в своем отчете так образно сетовал на положение церковно-приходских школ: «Каждое дело правильно ведется и имеет твердый устой лишь только тогда, когда имеются достаточные средства и силы, необходимые для него. Чтобы устроить крепкий и красивый дом, необходимо располагать достаточными средствами, на которые возможно было бы приобрести хороший материал и опытного строителя, иначе, без достаточных средств, дом ни крепости, ни красоты не получит. Так бывает в делах обыкновенных, то же есть и будет и со школой церковной. Пока не будет достаточных средств, — школа не достигнет и половины своей цели»¹³. Несмотря на все трудности, стремление крестьян к образованию постоянно росло.

Из таблицы 1 видно, что подавляющее большинство крестьянских детей обучались в приходских училищах и сельских школах, но были и исключения. Некоторые крестьянские дети получали гимназическое образование и даже учились в частных школах. Часть крестьянских детей поступала в специализированные учебные заведения; например, в Константиновском реальном училище в 1911 г. обучался 171 мальчик, из которых 21 принадлежал к крестьянскому сословию¹⁴. Некоторые выходцы из крестьянского сословия имели возможность получить высшее образование в открывшемся в 1907 г. Донском политехническом институте (см. табл. 2). Причем их общее и относительное количество постоянно росло несмотря на то, что плата за обучение составляла 150 руб. в год и половину студентов набирали из детей казаков.

Получение образования крестьянским детям давало возможность «уйти из крестьян» — пополнить ряды других сословий, главным образом мещан и сельской интеллигенции. В городах устроиться было сложнее из-за высокой конкуренции, а в волостях имелись открытые вакансии. Так, в слободе Харцызской Миусского округа за отсутствием средств у общества должность учителя исполняли с 1868 г. «нанятый односелец, временно отпускной фельдфебель» И. А. Торченко, а в 1870—1874 гг. — пономарь В. А. Покотилев¹⁵. В 1914 г. в Прохорово-Кундрюченской сельской школе преподавали два учителя — оба выходцы из кре-

стьянского сословия, один — учитель пения, а другой — выпускник церковно-приходской школы. Конечно, доля крестьян среди сельских учителей была невысокой: из 24 учителей, работавших на сулинской земле, 10 принадлежали к духовному сословию, 9 — казачьему, 3 — крестьянскому, 1 — мещанскому и 1 — иногородний¹⁶. В редких случаях должности сельских учителей иногда занимали дворяне. Так было, например, в 1879 г. в Курнаково-Липовском и Криворожском сельских народных училищах Донецкого округа¹⁷.

Таблица 1

**Ведомость о числе учебных заведений ОВД
и количестве обучающихся в них крестьянских детей
на 1 января 1875 г.¹⁸**

Разряды учебных заведений	К 1 января 1875 г. состоит		Сельских сословий
	муж. п.	жен. п.	
В 2 мужских гимназиях: Новочеркасской и Усть-Медведицкой	717		71
В 2 мужских прогимназиях: Каменской и Нижнее-Чирской	206		3
В 4 Окружных (уездных) училищах	450		54
В духовной семинарии	110		—
В 2 Духовных училищах: Новочеркасском и Усть-Медведицком	192		—
В Мариинском Донском институте		177	—
В Мариинской женской гимназии		382	6
В Алексеевском детском приюте		241	58
В 4 женских прогимназиях	10	277	53
В 14 женских училищах 3-го разряда		529	112
В 131 приходском училище для обоего пола	7697	660	2153
В 113 сельских школах для обоего пола	3476	184	3660
В частной школе при монастыре		32	9
Всего	12853	2482	6179

**Количество студентов — выходцев из крестьянского сословия
в Донском политехническом институте (1912—1916 гг.)¹⁹**

Социальная группа	Количество студентов из крестьян, % к общему числу студентов			
	1912	1914	1915	1916
Крестьяне	130 (17,7)	172 (21,1)	170 (22,2)	185 (22,6)
Всего	736	815	767	820

Тяга к образованию среди крестьян постоянно росла, об этом свидетельствуют приговоры сельских сходов об открытии учебных заведений. Причем уже к началу XX века крестьяне желали не просто открытия школ в своих хуторах и слободах, но и повышения качества преподавания. Например, в 1900 г. крестьяне села Семибалки Ростовского округа просили: «Нам желательно было бы открыть не народное земское училище, а церковно-приходскую школу, так как народное училище в данное время, как нам на опыте известно, дает очень мало отрасли в преподаваемом учении нашим детям, а в особенности самый главный и весьма важный предмет — по закону божию почти ничего не преподается, равно в храм божий учителями дети почти никогда не водятся, пению и чтению в нем не обучаются». Не имея собственных средств к открытию церковно-приходской школы, крестьяне соглашались оказать следующую помощь: 1) отвести усадьбное место под предполагаемую школу — 1000 кв. саж.; 2) доставить своими подводами необходимые для постройки школы материалы, приобретенные за счет казны, с места на расстояние не далее 25 верст от с. Семибалок; 3) доставить своими же подводами к этой же постройке глину, песок и воду. Остальные средства по содержанию школы, как-то: уплату жалованья учителям, сторожам, отопление, освещение и ремонт школы, равно выдачу потребных учебных книг ученикам и прочие расходы отнести за счет казны²⁰. Подобные приговоры выносились повсеместно.

Естественно, что не все грамотные крестьянские дети пополняли ряды сельской интеллигенции, предпочитая иной вид занятий, в том числе служение церкви, так как авторитет церков-

нослужителей среди донских крестьян был достаточно высок²¹. Отчасти этим можно объяснить стремление крестьян устроить своих детей в духовные учебные заведения. Выходец из коренных донских крестьян Н. С. Могилевский (1882—1972) вспоминал, что в 8 лет его отдали в церковно-приходскую школу. Учился он с большим желанием и прилежанием, окончил 4 класса с похвальной грамотой. В школе пристрастился к чтению художественной и богословской литературы. После окончания школы батюшка Колушкинской церкви предложил отдать ребенка в Новочеркасскую духовную семинарию. Мальчик успешно сдал экзамены, но зачислен не был, так как не прошел по пению — у него абсолютно не было голоса. Священника из него не получилось, но талантливого ребенка порекомендовали отдать в реальное (так в оригинале. — *И. Р.*) училище. Отец выступил резко против, так как семья лишалась основного работника²². Духовное служение стало смыслом жизни для многих выходцев из крестьянского сословия войска Донского. Например, святой преподобномученик Софроний, в миру Софроний Харитонович Несмеянов, родился 11 марта 1870 г. в селе Хрущевка 2-го Донского округа Области войска Донского. Во время сталинских гонений на церковь 1 ноября 1937 г. тройка НКВД приговорила иеромонаха Софрония (Несмеянова) к расстрелу. В 2000 г. он был причислен к лику святых²³. Из донских крестьян происходил и старообрядческий архиепископ Московский Флавиан (Слесарев), который родился в селе Городище Области войска Донского²⁴. Однако многие выпускники духовных училищ и академий проявили свои способности в сфере образования, культуры и науки. Например, выпускником Донской духовной семинарии в Новочеркасске был известный писатель К. А. Тренёв. Константин Андреевич родился на хуторе Ромашово Харьковской губернии в семье крестьянина, но среднее образование получил на Дону. С 1890 по 1893 г. учился в Донецком окружном училище станицы Каменской, а в 1896—1899 гг. — в Новочеркасской духовной семинарии.

Распространение грамотности среди сельского населения способствовало открытию на Дону женских учебных заведений. Так, 7 июня 1889 г. вышел Указ Св. Синода о разрешении открыть в г. Новочеркасске трехклассное в составе первых двух

классов Донское епархиальное женское училище (ДЕЖУ)²⁵ в доме, пожертвованном А. И. Михайловой — вдовой генерал-майора. Для открытия и размещения классов общежития был снят в аренду дом М. И. Грековой — жены генерал-майора. В училище принимались дети Донского духовенства и лиц, служащих в духовных и духовно-учебных учреждениях. В первый класс принимались дети в возрасте 10—12 лет. Родители вносили в Совет училища половину годовой платы на содержание — 60 руб., на постельные принадлежности — 20 руб. Поступающие должны были сдавать следующие предметы: закон божий, русский язык, арифметику, свободное чтение, диктант. В 1889 г. в училище обучалось 74 человека, преподавателей числилось — 11 человек²⁶. 23 мая 1916 г. в Новочеркасске были открыты Высшие женские сельскохозяйственные курсы. Из общего числа поступивших: лиц войскового сословия оказалось 113, невойскового сословия — 33, прочих — 77, дворян — 77, почетных граждан — 6, духовного сословия — 44, купеческого сословия — 2, казачьего сословия — 45, мещанок — 23, крестьянок — 25²⁷. Выпускницы этих учебных заведений в основном работали учителями начальных школ, пополняя ряды сельской интеллигенции.

Революция 1917 г. открыла широкие возможности для формирования новой — советской интеллигенции, так как ликвидировались сословные ограничения и крестьянам был открыт доступ к получению высшего образования. Таким образом, выходцы из крестьянского сословия Области войска Донского составляли существенную часть донской интеллигенции второй половины XIX — начала XX в., а некоторые из них стали всенародным достоянием России. Так, отец М. А. Шолохова был инородным крестьянином — выходцем из Рязанской губернии, а мать — дочерью крепостного крестьянина, пришедшего на Дон с Черниговщины. В крестьянской семье хутора Синявский родился и другой известный на Дону писатель — Г. Ф. Шолохов-Синявский. Незаконнорожденным сыном крестьянки и дворянина был основоположник советской батальной живописи М. Б. Греков (Мартыщенко). К началу XX в. относится появление второго поколения интеллигенции из крестьян. Так, в учительской семье в станице Каменской родился журналист, писатель, общественный

деятель А. В. Калинин — автор знаменитого романа «Цыган». Только с этого времени можно говорить о появлении социальной преемственности, трансляции этических и культурных ценностей, складывании особого образа жизни интеллектуальной элиты села. Вместе с тем следует отметить, что на Дону с его богатыми военными традициями большинство крестьян предпочитало военную карьеру гражданской службе. Так, выходцами из донских крестьян были маршалы С. М. Буденный и А. А. Гречко, комкор Б. М. Думенко, полный георгиевский кавалер К. И. Недодаев и многие другие²⁸.

Примечания

- ¹ Государственный архив Ростовской области (далее — ГАРО). Ф. 358. Оп. 1. Д. 275. Л. 17.
- ² *Белякова Е. Ю.* О развитии грамотности у крестьян войска Донского в 60—70-е годы XIX века // Актуальные проблемы социальной истории. Новочеркасск ; Ростов н/Д, 2002. Вып. 3. С. 17.
- ³ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 662. Л. 37—45.
- ⁴ *Перекопской Д.* Церковно-приходская летопись Троицкой церкви слободы Харцызской, Области войска Донского, Таганрогского округа (составлена к столетию существования церкви) // Донская церковная старина. Новочеркасск, 1909. Вып. 2. С. 129.
- ⁵ ГАРО. Ф. 46. Оп. 1. Д. 975. Л. 29—30.
- ⁶ Статистические сведения о населении, скотоводстве и др. по округам ОВД за 1870 г. // Там же. Ф. 353. Оп. 1. Д. 175. Л. 288.
- ⁷ Там же. Л. 237—237 об.
- ⁸ Постановления Области войска Донского земского собрания первого созыва. Новочеркасск, 1877. С. 336.
- ⁹ Расчетные листы земских податей // ГАРО. Ф. 301. Оп. 8. Д. 2581. Л. 7—8 об., 31.
- ¹⁰ Там же. Ф. 723. Оп. 1. Д. 61. Л. 4.
- ¹¹ Расчетные листы земских податей. Л. 22—24.
- ¹² Там же. Ф. 189. Оп. 1. Д. 22. Л. 1—2.
- ¹³ Там же. Д. 23. Л. 19 об.
- ¹⁴ Там же. Ф. 353. Оп. 1. Д. 654. Л. 96.
- ¹⁵ *Перекопской Д.* Указ. соч. С. 129.
- ¹⁶ *Кудрявцев В. В.* Сулинская земля : страницы истории. Ростов н/Д, 1999. С. 205.

- ¹⁷ Памятная книжка Области войска Донского на 1879 год. Новочеркасск, 1878. С. 260, 262.
- ¹⁸ Памятная книжка Области войска Донского на 1876 год. Новочеркасск, 1876. С. 74—75.
- ¹⁹ Новочеркасский политехнический. Ростов н/Д, 1974. С. 12.
- ²⁰ ГАРО. Ф. 213. Оп. 2. Д. 214. Л. 13—14.
- ²¹ *Номикосов С. Ф.* Статистическое описание Области войска Донского. Новочеркасск, 1884. С. 330—331.
- ²² См.: *Могилевский И. Н.* Родословная : рукопись // Личный архив М. И. Могилевского.
- ²³ Святой преподобномученик Софроний Тверской, память 21 октября (3 ноября) // www.eparhia-saratov.ru.
- ²⁴ Древлеправославная Церковь в XX веке // www.rpsc.ru.
- ²⁵ ГАРО. Ф. 362. Оп. 1. Д. 2. Л. 5, 10; 1, 11; 14.
- ²⁶ Там же. Д. 11. Л. 7.
- ²⁷ Там же. Ф. 348. Оп. 2. Д. 2. Л. 2—3.
- ²⁸ Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 16180. Д. 1. Л. 95—98.

ЛИЧНОСТЬ В ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

ББК 83.3(2)-1

Н. Н. Брагина

БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ СКЕРЦО¹ ГЛАЗАМИ МУЗЫКАНТА (О перипетиях духовной жизни индивидуума на фоне картины мирового порядка в городе Градове, придуманном Андреем Платоновым: смешное и несмешное)

О юморе у Платонова писали много и неоднозначно². Возможно не согласиться с И. Сорокиной, которая пишет о «маленьких шедеврах юмора»³, коими пронизан весь платоновский текст. При этом Н. Ласкина в статье «Человек в бумажном космосе: о герое и материи в “Городе Градове”» говорит о «не вполне внятной попытке Платонова освоить чуждую ему сферу комического и сомнительную автопародию»⁴. Л. Карасев замечает: «В “пустых пространствах” платоновского мира почти не слышно смеха. Здесь не смеются, а если и пробуют это сделать, то неохотно и неумело: одни еще не научились смеху, а другие уже забыли о нем, — по тридцать лет, как старик из “Ювенильного моря”, не смеялись»⁵.

© Брагина Н. Н., 2010

Брагина Наталья Николаевна — кандидат филологических наук, доцент Академии Натальи Нестеровой (г. Москва). nnbragina@yandex.ru.

Действительно, герои Платонова серьезны, но именно это их свойство подчас заставляет над ними смеяться. Детская, нерелефлирующая душа платоновского героя принимает мир как данность, в мифологической целостности, со всеми нелепостями и абсурдом, коими богата современная жизнь. Но достаточно взглянуть на ситуацию отстраненным, оценивающим взглядом взрослого человека (например, автора), как все несоответствия обнажаются: неожиданные «сбои» в картине мировой гармонии вызывают смех. Как пишет Л. Карасев: «Дистанция способна творить чудеса. Она придает эстетический оттенок чему угодно, вопрос лишь о том, с какого расстояния — временного или смыслового — смотреть на вещь. (Как сказал бы в таком случае Честертон, можно шутить даже по поводу смерти, достаточно лишь отойти от гроба)»⁶.

Все эти наблюдения свидетельствуют о неоднозначности, многомерности понятия юмора у Платонова: он безусловно есть, хотя, вроде бы, все это и не смешно вовсе. Но даже при универсальной амбивалентности платоновских текстов, сатирические произведения автора составляют отдельную группу с точки зрения проявления комического начала⁷. По времени написания эти произведения датируются преимущественно второй половиной 20-х годов. Здесь все слишком обнажено и подчеркнуто. Смеховой акцент подан прямо, без облагораживающего дистанцирования. Да и герои сатирических произведений — отнюдь не дети, творящие из жизни сказку: бюрократы и карьеристы, государственные люди Платонова давно выросли, как повзрослела и изменила свой облик, утратив наивный романтизм, сама Революция, единственная подлинная героиня всего раннего творчества писателя.

Снята временная дистанция между автором и героем, и многие абсурдные, дикие, противоестественные ситуации начинают восприниматься как репортажи о реальных событиях, а в безумии речей героев угадывается самоирония и исповедальность.

Блок сатирических произведений, связанный многочисленными тематическими нитями со всем творчеством Платонова, представляет новый этап по сравнению с первыми рассказами Платонова. Вместо витального, пантагрюэлевского хохота ранних рассказов, здесь — мрачный сарказм над иллюзиями собственной юности и выпячивание через гиперболизацию абсурдных

и страшных сторон современного мира. Здесь смех только «умственный», по выражению Л. Карасева: «радостный», бессознательный «смех тела» в сатирических произведениях практически отсутствует.

Все приведенные наблюдения позволяют сопоставить группу сатирических повестей и рассказов со скерцозными частями симфоний композиторов XX века: Малера, Онеггера, Шостаковича. Именно в творчестве этих композиторов вырабатываются приемы отображения в музыке зла без романтической демонизации, как сферы банального, пошлого, бездуховного, — прежде музыка вообще не знала подобных средств. Через ритмическую игру, стилистические мезальянсы, контрастную полифонию, общее диссонансное языковое поле создаются юмористические эффекты, обнажающие в смешном — страшное, в героике — пошлый пафос, в интеллектуальных притязаниях — сумасшедший бред.

Повесть «Город Градов» наиболее типичное произведение этой группы. Игровое начало проявляется здесь и в предметно-смысловом, и в композиционно-стилистическом аспектах. В первом случае это сочетание в сюжете реально-бытового и абсурдно-гротескного. Все события «Города Градова» основаны на неких реальных предпосылках. Можно обнаружить исторические факты, обыгранные в повести, можно даже сопоставить топоним Градова с существующими географическими объектами⁸. Но весь фактический материал подан в острогротескном искажении, гиперболлизирован вплоть до полного разрыва с реальностью.

В композиционно-стилистическом плане в повести использованы типичные приемы выражения комического. Они имеют музыкальный эквивалент (не случайно мы сопоставляем сатирическую прозу Платонова с симфоническим скерцо), но не ограничиваются только музыкальной сферой, являясь по существу универсальными и работающими в разных видах искусства. Главным приемом здесь становится игра со временем: его замедление, ускорение, заикливание, движение вспять. В музыке для этого существуют специфические приемы, прежде всего ладо-гармонические (кроме прямого ускорения и замедления темпа), в вербальном же тексте характер движения времени, кроме указания на продолжительность того или иного события, передается

стилем изложения: длиной абзацев, фраз и используемых слов, легкостью или, напротив, неудобством их фонетического воспроизведения, последовательным или дискретным описанием событий, равномерным членением текста, или нарочитым растягиванием или сжатием определенных фрагментов и т. п.

Кроме временной игры используются и другие типичные приемы, опробованные Платоновым уже в более ранних рассказах как комические: стилистический мезальянс, неожиданные акценты, дробящие фразу, внезапные смысловые модуляции, полифония контрастных стилистических пластов и т. д. (естественно, что комический эффект эти приемы приобретают только в определенном драматургическом контексте).

Содержание текста раскрывается и через его структуру. Восемь глав повести представляют собой сложную трехчастную форму с динамизированной репризой и кодой.

I часть — А — вступление и экспозиция (1-я глава — т. Градова, 2-я глава — т. Шмакова, 3-я глава — Шмаков + Градов).

II часть — В — эпизод (вечеринка).

III часть — А* — динамизированная реприза (5—6-я главы — Градов + Шмаков, 7-я глава — эпизод Захария).

Кода и постлюдия (8-я глава — война и эпилог).

Трехчастная репризная форма (АВА) в принципе статична, так как предполагает возвращение к исходной ситуации, но динамизированная реприза (АВА*) размыкает круг, делая структуру спиралевидной. Однако в данном случае имеется заключение, в последнем разделе которого возвращается материал начала повести. Это позволяет сделать вывод о том, что время в данном произведении только представляется процессуальным, играет в динамику, по существу же оставаясь статичным.

Рассмотрим подробнее развитие сюжета в рамках данной структуры. Первая глава (первый раздел I части сложной трехчастной формы) посвящена описанию города Градова. Градов — это и фон, на котором будет разворачиваться действие, и один из главных героев повествования, персонифицированный образ с выраженной индивидуальной характеристикой. Во вступлении устанавливается особый эпический ритм — величавый, неспешный, позволяющий внимательно проследить историю прошлого и настоящего города Градова: «От татарских князей и мурз, в летописях прозванных

мордовскими князьями, произошло столбовое дворянство, — все эти князья Енгальчевы, Тенишевы и Кугушевы, которых до сих пор помнит городское крестьянство». Время в городе движется по-особому, не совпадая с общим течением, растягиваясь и запаздывая: «Градов от Москвы лежит в пятистах верстах, но революция шла сюда пешим шагом. Древлеотчинная Градовская губерния долго не сдавалась ей: лишь в марте 1918 года установилась советская власть в губгороде, а в уездах — к концу осени»⁹.

Л. Карасев в указанном сочинении «Философия смеха» очень остроумно объясняет подоплеку реакции человека на растягивание и ускорение времени, как это осуществляется в кинематографе: «Замедление движения — это замедленное время, это растягивание времени жизни и, собственно, — отодвигание смерти: это фаустова надежда на то, что время можно остановить. Отсюда — наше оцепенение перед замедленным движением, отсюда то, что мы называем красотой и благородством движения.

Напротив, слишком быстрое движение — это ускорение времени и — таким образом — ускорение движения к смерти. Смех — защита человека перед неизбежностью смерти. Оттого и появляется он в тот момент, когда мы видим киногероя, *спешащего* к своей смерти»¹⁰.

Казалось бы, эта закономерность всегда должна срабатывать, если не учитывать контекст, в котором она проявляется. При определенных условиях замедление времени тоже создает комический эффект тем, что медленное движение, претендуя на благородную грацию и неспешность, вступает в противоречие с внутренним содержанием этого заторможенного процесса, в котором полностью отсутствует и благородство, и грация. Именно такая картина возникает при описании жизни градовцев.

История города богата столь странными фактами, что читатель втягивается в игру с торможением времени, мысленно застывая в изумлении перед их описанием: «Оно и понятно: в редких пунктах Российской империи было столько черносотенцев, как в Градове. Одних мошей Градов имел трое: Евфимий-ветхопещерник, Петр-женоненавистник и Прохор-византиец; кроме того, здесь находились четыре целебных колодца с соленой водой и две лежащих старушки — прорицательницы, живьем легшие в гробы и кормившиеся там одной сметаной. В голодные годы эти

старушки вылезли из гробов и стали мешочницами, а что они святые — все позабыли, до того суетливо жилось тогда»¹¹.

Медленный темп во вступлении «Города Градова» соответствует коммуникативному принципу, используемому в процессуальном тексте (музыкальном, вербальном, визуальном) как средство погружения слушателя в атмосферу нового сочинения. Об универсализме этого приема свидетельствует то, что он применяется не только в искусстве, но даже в практике суггестотерапии. Об этом пишет В. Медушевский: «В начале речи рекомендуются большие паузы, заполненные психологической многозначностью, атмосферой ожиданий. Когда же установка создана, интервалы укорачиваются, темп убыстряется»¹². Однако в «Городе Градове» данный прием гиперболизируется: время здесь не просто растягивается, а заикливаясь в бесконечном навязчивом повторении. Этот эффект возникает при описании кулачных боев между горожанами и слобожанами, которые неизменно происходят в городе «три раза в год — на Троицу, в Николин день и на Крещение» с заранее известным результатом: «Слобожане, кормленные густой пищей, всегда побивали градовцев, исчахших на казенных харчах»¹³. Так на фоне гротескных картин выстраивается космогоническая картина вечного города — «Города Городов»¹⁴. Здесь все неотвратно повторяется, а любые происходящие события — лишь ничтожная суета на фоне великой неподвижности. Уже во вступлении предreshена развязка повести: какие бы коллизии не претерпевал сюжет, суть города Градова не будет поколеблена.

Интонационная палитра, характеризующая Градов, несколько не меняется в связи с сообщением об отправленных Москвой в город деньгах, которые благополучно растворились в градовском небытии, как бы канув в Лету: «В Москве руководители губернии говорили правительству, что хотя нельзя сказать точно, на что истрачены пять миллионов, отпущенные в прошлом году на сельское хозяйство, но толк от этих миллионов должен быть: все-таки деньги истрачены в Градовской губернии, а не в чужом месте и как-нибудь скажутся»¹⁵. Момент получения денег является пограничным между вступлением и началом развертывания повествовательной фабулы. То, что это начало сливается с предыдущим разделом текста, не акцентируется введением новой яркой темы, придает текучесть и слитность форме и становится

основным композиционным приемом «Города Градова». Семантически вуалирование начала нового раздела в данном тексте может означать только указание на незначительность, неважность любых событий на фоне глобальной неизменности.

Итак, исподволь сформировавшаяся и не обладающая подлинной самостоятельностью тема получения денег должна (по общей композиционной логике) стать импульсом к дальнейшему «раскручиванию» сюжета.

Но время вдруг оборачивается вспять — возникает эпизод, описывающий предысторию получения денег: «А дело было так...»¹⁶ Вторгающийся эпизод (музыкальный аналог фигуры ретардации) — типичный коммуникативный прием оттягивания развязки события, который работает на создание эффекта нетерпеливого ожидания, желания исподволь «подтолкнуть» действие (в данном случае вторжение «сильного» эпизода еще компенсирует недостаточную самостоятельность и выразительность предыдущей темы). В музыке этот прием постоянно используется как в инструментальных, так и в сценических жанрах, создавая очень сильный драматургический эффект. Эпизод предполагает вторжение новой темы. Новый материал на некоторое время отвлекает внимание от подсознательного прогнозирования дальнейшего развития предыдущей темы. Это, с одной стороны, освежает восприятие, с другой стороны, инстинктивно возникает все более нетерпеливое ожидание возвращения к предыдущему сюжетному построению и ощущение внутреннего конфликта между изначально контрастными эпизодами. Нарастающее напряжение выливается либо в открытый конфликт, либо, напротив, в соединение контрастных тем, то есть обнажение их скрытого мотивного родства.

В данном случае роль эпизода играет рассказ о голодном годе в Градовской губернии. Темп новой микроэкспозиции опять нарочито замедлен: «Восемь раз заседал президиум градовского губисполкома: что делать с этими деньгами? Четыре месяца шло обсуждение серьезного вопроса»¹⁷ Но дальше начинается интенсивное развитие новой темы, и мотивы голода и полученных денег постепенно вплетаются в общую историю города Градова. Ткань текста насыщается острокомическими интонациями, спокойная мелодическая линия запутывается в неудобопроизносимых

пассажах: «Научное определение голода было возложено на ветеринаров и на сельский педагогический персонал. Затем Градовским губисполкомом была детально разработана “Ведомость учета крестьянских хозяйств, на восстановление, укрепление и развитие коих может в некоторой степени повлиять частичный недород некоторых районов губернии”» (напомним, что создание комического эффекта через нарушение нормативно-грамматического построения фразы уже опробовано Платоновым в ранних рассказах).

Движение стремительно нарастает и гротеск усиливается. Фразы составляются из контрастных мотивов, по смыслу противоречащих друг другу, возникает шквал фактов, событий, положений, лишенных логики и связи, что разрушает эпическое членение текста; его мотивные обломки перемешиваются до абсурдистской какофонии: «Комиссия решила, что технического персонала на рынке республики нет, и по одному доброму совету приняла, что эти работы надо поручить бывшим солдатам военнопленным, которые даже часы могут читать, а не только насыпь сделать или яму для воды выкопать. Один член этой присяжной комиссии вслух прочитал книгу, где говорится, как хохол Микишка сделал аэроплан и летал на нем перед Иваном Грозным, — чем убедил окончательно комиссию в скрытых силах пролетариата и трудового крестьянства. Следовательно, решила комиссия, средства, отпущенные губернии на борьбу с недородом, помогут “выявить, использовать, учесть и в дальнейшем снова использовать внутренние умственные силы пролетариата и беднейших крестьян, тем самым гидротехнические работы в нашей губернии будут иметь косвенный культурный эффект”»¹⁸.

После этого пассажа уже невозможно возвратиться к неспешному ритму начала: логика абсурда, установившаяся в «эпизоде голода», разрушает всю структуру текста, и вступительная глава заканчивается галопирующим нагромождением нелепостей, воспринимаемых как саркастический хохот над чинным и подчеркнуто благонаравным началом повести: «Было построено шестьсот плотин и четыреста колодцев. Техников совсем не было, а может, было человека два. Не достояв до осени, плотины были смыты летними легкими дождями, а колодцы почти все стояли сухие.

Кроме того, одна сельскохозяйственная коммуна, под названием “Импорт”, начала строить железную дорогу длиною в

десять верст. Железная дорога должна соединить “Импорт” с другой коммуной: “Вера, Надежда, Любовь”. Денег “Импорт” имел пять тысяч рублей, и даны они были на орошение сада. Но железная дорога осталась недостроенной: коммуна “Вера, Надежда, Любовь” была ликвидирована губернией за ее название, а член правления “Импорт”, посланный в Москву купить за двести рублей паровоз, почему-то не вернулся.

Сверх того, на те же деньги десятниками самочинно были построены восемь планеров для почтовой службы и перевозки сена и один вечный двигатель, действующий моченым песком»¹⁹.

В этом сюрреалистическом потоке сознание успевает выхватывать отдельные детали, заставляющие задаться вопросом: может ли это быть? Случались ли коммуны с названиями «Импорт» и «Вера, Надежда, Любовь»? Сколько стоил паровоз? Можно ли на планере перевозить сено? Автор втягивает читателя в эту игру именно тем, что среди общего бреда возникают и какие-то реальные описания, и невозможно определить предел абсурда, царящего в мире в ту пору. Попытки некоторых исследователей сопоставить приведенные факты с событиями тех лет — сами по себе чрезвычайно интересные и занимательные для историка — в данном случае свидетельствуют о том, что цель достигнута: читатель полностью поддался на провокацию, он сделал серьезное лицо и узрел исторический факт там, где ему предлагать вневременной метафизический бред.

Таким образом, во вступительной главе уже заложены композиционные приемы, на которых будет строиться драматургия всего рассказа: медленное начало, эпический стиль которого нарушается отдельными неожиданными комическими вкраплениями, торможение действия за счет введения эпизодов, оттягивающих развязку, и, наконец, ускорение темпа и смешение резко диссонирующих мотивов в общем разнузданном финале.

Вторая глава представляет середину I части сложной трехчастной формы. Начинается раздел с введения новой темы. Это характеристика главного героя — Ивана Федоровича Шмакова. Тема, характеризующая Шмакова, — уравновешенная, с четким членением на мотивы, каденционно завершенная: «В Градов Иван Федорович Шмаков ехал с четким заданием — врасти в губернские дела и освежить их здравым смыслом. Шмакову было

35 лет, и славился он совестью перед начальством и административным инстинктом, за что и был одобрен высоким госорганом и послан на соответствующий пост»²⁰. Игровой момент здесь проявляется в явной стилизации под язык канцелярских циркуляров, «обогащенный» современными неологизмами («высоким госорганом»).

Но уже со второго абзаца к теме Шмакова контрапунктически подключается тема города Градова, что может быть уподоблено противосложению в полифонической форме. Возникает эквивалент музыкальной контрастной полифонии, так как «здравый смысл», «четкое задание», «совесть перед законом» — мотивы, характеризующие Шмакова, — вступают в противоречие с деструктивными мотивами в «портрете» города: «Думал Шмаков как раз про то, что было ему известно про Градов. А известно ему было одно, что Градов — оскуделый город и люди живут там настолько бестолково, что даже чернозем травы не родит»²¹.

Полифоническое переплетение контрастных тем создает ощущение внутреннего дискомфорта, томления духа: типичный эмоциональный отклик на усиление диссонантности. Это сразу подтверждается текстуально при описании чувств Шмакова: «Особое чувство скуки и беспокойства охватило Шмакова, когда он шел по мрачным бесприютным залам вокзала... Плакали дети, увеличивая чувство тревоги и беспомощной жалости. Уныло гудели маломощные паровозы, готовясь к одолению скучных осенних пространств, полных редкой и убогой жизни»²². Реакция *скуки* здесь связана с особым свойством растянутого времени в Градове, но нарушение естественного ритма, то есть обман ожидания, способствует возникновению *беспокойства* и *тревоги*. Так постепенно преобразуется душевный строй Шмакова: герой оказывается под воздействием атмосферы города. Градов затевает со Шмаковым свою игру в выключение времени — возникает череда новых эпизодов-отстранений, отвлекающих внимание Шмакова: байка вагонного старичка про русского и мордвина, антирелигиозная проповедь комсомольца, плавно перетекающая в спор о навозе²³. Все эти микросюжеты не имеют никакого отношения к основному действию и вводятся только для создания определенного эмоционального отклика на картину нового мира, открывающегося герою. После завершения каждого эпизода возрастает

душевный дискомфорт Шмакова, повергая его в подлинное уныние: сначала он заснул и увидел кошмарный сон, в котором «рельсы лежат не на земле, а на диаграмме и означают пунктир, то есть косвенное подчинение»; проснувшись, «заскорбел от дум и недоброкачественной жизни». Наконец, при выходе из поезда «его охватила некоторая жуть». Таким образом, темы Градова и Шмакова ассимилируются, причем сюрреалистическая стилистика вступительной темы постепенно подчиняет себе тему героя. Об этом свидетельствует завершение развивающего раздела I части повести, которая возвращает к абсурдистской атмосфере первой главы: «Несмотря на то, что этот пункт был связан рельсами со всем миром — с Афинами и Апеннинским полуостровом, а также с берегами Тихого океана, — никто туда не ездил: не было надобности. А если б кто и поехал, то запутался бы в маршруте: народ тут был бестолковый»²⁴. Последнее слово — «бестолковый» — оказывается переходным моментом к репризе I части повести, так как возвращает к начальной мысли Шмакова о Градове: «Люди там живут настолько *бестолково*, что даже чернозем травы не родит»²⁵.

Третья глава — динамизированная реприза I части. В повести «Город Градов» представлен типичный образец синтетической репризы, то есть повтора, в котором соединены темы первого и второго разделов I части. Если в развивающем разделе они сопоставлялись по принципу контрастной полифонии, только к концу раздела объединившись в нерасчленимое мотивное целое, то в репризе возвращение к изначальной дифференциации тем уже оказывается невозможно, и по существу рождается новая тема, где Градов и Шмаков — единый герой с одним эмоциональным и образным строем. Поэтому уже первый абзац синтетичен: в нем четкий размеренный ритм и фиксация внимания на бытовых реалистических деталях сочетаются с тупой градовской заторможенностью: «Вселился Шмаков в дом № 46 по Коркиной улице; дом был невелик, и жила в нем одна старушка, караульщица своего *недвижимого* имущества. Получала она за мужа пенсию одиннадцать рублей двадцать пять копеек в месяц и комнату сдавала за восемь рублей с ее топкой»²⁶.

В репризе множество прямых мотивных переключек с предыдущим разделом. Так, общий эмоциональный тон создают мо-

тивы скуки и осенней природы (ср.: «Сел за голый стол Иван Федотыч, поглядел на двор, где *травы умирали*, и ему сделалось *скучно*»²⁷; «Уныло гудели маломощные паровозы, готовясь к одолению *скучных* пространств, полных *редкой и убогой жизни*»²⁸). Но если в развивающемся разделе Шмаков выступал как созерцатель, наблюдающий эту жизнь из окна вагона, то теперь он ее непосредственный участник. Он сам оказывается создателем специфической градовской атмосферы, которая, как уже говорилось, связана с особым свойством растягивать и обесмысливать время. Такой эффект возникает в момент, когда Шмаков вырабатывает свою деловую подпись. Все этапы столь серьезного процесса нарочито подробно фиксируются: «Иван Федотыч поел колбасы, а затем сел вырабатывать форму своей подписи на будущих бумагах. “Шмаков”, — написал Иван Федотыч. “Нет, не тверда”, — подумал он и вновь написал “Шмаков”, но уже более бесхитростно и как бы невзначай копируя по простоте начертания подпись Ленина. Затем долго раздумывал Иван Федотыч — ставить ли ему перед своей фамилией “Ив” — Иван, или не надо. Наконец, решил поставить: могут обознаться и спутать с инородным человеком, хотя фамилия Шмаков — достаточно редкостная»²⁹.

Очередным «эпизодом отстранения» в репризе I части становится отрывок из «Записок государственного человека» — сочинения Шмакова о новом социалистическом мироустройстве. Восприятие бюрократического социализма как новой религии («Служение социалистическому отечеству — это новая религия человека, ощущающего в своем сердце чувство революционного долга»³⁰) дает дополнительное понимание смысла игры со временем, основы всей драматургии повести: в Градове, название которого уже можно воспринимать как Град — с вытекающим отсюда ассоциативным рядом, — время изживает себя в вечности, обыденность сакрализуется, и чиновник новой социалистической канцелярии становится жрецом³¹. «Записки» — пародия на исповедально-нравоучительные трактаты, пользующиеся в русской литературе огромным почтением и популярностью: «Исповедь» и «Выбранные места...» Гоголя, поздний Толстой, известные образцы святоотеческой литературы. Смысл жанра литературной проповеди искажается, подается в карикатурном, гротескном облике, но драматизм ситуации в том, что «Записки» — прежде всего ав-

топародия: мысли Шмакова буквально повторяют цитаты из ранних публицистических работ и фантастических рассказов Платонова: «Затем он подумал о воде земного шара и решил, что лучше спустить все океаны и реки в подземные недра, чтобы была сухая территория. Тогда не будет беспокойства от дождей, а народ можно расселить попросторнее. Воду будут сосать из глубины насосы, облака исчезнут, а в небе будет вечно гореть солнце, как видимый административный центр». «Самый худший враг порядка — думал Шмаков, — это природа. Всегда с ней что-нибудь случается...»³² (Вспомним призывы молодого Платонова сделать из каждого человека «нормализованного работника», часть «единого организма живой поверхности, одного борца с одним кулаком против природы»³³.) То, что представляло беззаветный миропреобразующий порыв молодого писателя, оборачивается градовским безумным мороком, и антибюрократическая сатира приобретает болезненно-субъективный, мрачный оттенок.

По окончании эпизода «Записок» продолжается рассказ о первых днях пребывания Шмакова в Градове. Но после вторжения философской исповеди изменилось нечто в течении градовского времени. Его движение сначала четко фиксируется по дням, будто запущен метроном, но процесс начинает неудержимо ускоряться. Из линейного хода исчезают все более значительные куски: после третьего дня следует пятый, потом неопределенное «вскоре» («...вскоре саботаж явился перед Шмаковым как узаконенное явление»³⁴), и наконец герой неожиданно попадает в следующее время года («А меж тем сквозь время настигла Градов печальная мягкая зима»³⁵). В противовес этому внешнему ускорению, все внутренние процессы продолжают развиваться с прежней медлительностью: «Товарищ Бормотов, — повторил Иван Федотыч, — у меня тут срочные бумажки, а отправлять почту будут через неделю чохом», «Дело о землеустройстве потомков Алены тянулось уже пятый год»³⁶, «Оказалось, что в ближайших к Градову деревнях — не говоря про дальние, что в лесной стороне, — до сей поры весной в новолунье и в первый гром купались в реках и озерах, умывались с серебра, лили воск, окуривали от болезней скот и насвистывали ветер»³⁷. Таким образом, постепенно увеличивается разрыв между ускорением времени и отставанием от жизни Градова. Ассоциативно возвращается

мысль из вступительного раздела о бесконечной повторяемости и неизменности всех процессов, происходящих в Градове. Здесь этот образ усилен ощущением регрессивной динамики — движением к вечному покою, то есть к смерти. Так на интонационном уровне предвосхищается развязка повести: уход в небытие губернского города Градова и смерть большинства главных героев произведения.

Четвертая глава рассказа соответствует средней части сложной трехчастной формы. В общей структуре текста описание вечеринки в честь Бормотова представляет центральный эпизод. Здесь возникают новые тематические образования (портреты Бормотова и других градовских коллег Шмакова), но на прежней интонационной основе. При этом все мотивы предыдущих разделов получают интенсивное развитие, вплоть до полной их трансформации (показательно, что знаменитый труд Шмакова «Записки государственного человека» переименован им: «Советизация как начало гармонизации вселенной»). Градовское время уже настолько далеко отстало от природного естества, что даже местный климат мало соответствует времени года: «Однажды в темный вечер, когда *капала неурочная вода* — был уже декабрь — и хлопал мокрый снег, по улицам Градова спешил возбужденный Шмаков». Итак, внутреннее беспокойство, впервые возмутившее душевный мир Шмакова при приближении к Градову, переросло в *возбуждение*. Причина возбуждения — в развивающемся внутреннем конфликте между естественным мироустройством и градовским головотворным феноменом, фантастическим канцелярским раем: «Канцелярия стала их милым ландшафтом. Серый покой тихой комнаты, наполненной умственными тружениками, был для них уютней девственной природы. За огорожами стен они чувствовали себя в безопасности от диких стихий неупорядоченного мира»³⁸.

Мир как разрушительная стихия врывается в спокойное течение благонамеренной обывательской вечеринки в виде известия из Москвы об упразднении Градовской губернии. Так неперсонифицированный намек на исчезновение, уход в небытие, прозвучавший в заключении предыдущего раздела, становится ведущим мотивом следующего. Долго копившееся напряжение наконец прорывается, разбуженное мощным импульсом, и темп по-

вестования неудержимо ускоряется. Чередой вскакивают гости, перебивая друг друга в желании выразить верноподданнические чувства юбиляру. Душевная вечеринка все больше начинает приобретать характер фанатичного сектантского радения, что соответствует рассуждениям Бормотова о социализме как новой религии (эта тема развивает идеи Шмакова из предыдущего раздела повести), обращению: «Любимые братья в революции!» и массовому целованию. Состояние Шмакова становится индикатором общего эмоционального *crescendo*: «Шмаков *тлел возбуждением и шумел переполненным сердцем*, но молчал до поры и тер свои писцовые руки», но в кульминационный момент он возбудился настолько, что «*обнаглел*» и «*встав на стул, произнес животрепещущую речь*»³⁹.

Заканчивается вечеринка дикой оргией, где на помощь запутавшимся и обессилевшим речам приходит музыка, но она лишь безжалостно обнажает абсурдность и безумие ситуации: «Десущий сладко запел, круто выводя густые ноты странной песни, в которой говорилось о страдальце, жаждущем только арфы золотой. Затем делопроизводитель Мышаев взял балалайку: я, говорит, хоть и кустарь в искусстве, но побренькаю! И он быстро залепетал пальцами, выбивая лихой такт веселящегося тела»⁴⁰. Бормотов... вдарился бессмысленно плясать, насилюя свои мученические ноги и веселя равнодушное сердце»⁴¹. Бесовский канкан прерывает Шмаков, продолжая выполнять функцию эмоционального индикатора: «Шмакову стало жаль его, жаль тружеников на ниве всеобщей государственности, и он заплакал навзрыд, уткнувшись во что-то соленое»⁴².

Таким образом, драматургия центрального эпизода повторяет принцип развития, установившийся уже в I части: от полной уравновешенности, через нарочитое торможение к ускорению темпа — вплоть до стихийного выплеска массовой энергии в максимально стремительном движении.

Общая реприза сложной трехчастной формы начинается с пятой главы. Здесь вновь работает принцип слитности формы, когда окончание предыдущего раздела накладывается на начало следующего: сообщение о пожаре, с которого начинается пятая глава, явно воспринимается как завершение юбилейной оргии Бормотова.

Собственно же реприза устанавливается с сообщения, что «далее жизнь шла в общем порядке и согласно постановлениям Градовского губисполкома»⁴³ (напомним, что к этому времени Градовской губернии уже как бы и не существует, то есть реприза буквально возвращает к ситуации, предшествующей событиям, описанным в предыдущем разделе). Продолжается причудливая игра со временем, аналогичная I части повести. В начале раздела его равномерное течение связано с календарными записями столоначальника Чалого: «В листках календаря значилось что-нибудь почти ежедневно»⁴⁴. Но неожиданно время делает невероятный скачок — на десять лет: Чалый излагает десятилетний план развития губернии: «В десятилетний план сто элеваторов включено: по десяти в год будем строить, затем и двадцать штук мясохладобоев и пятнадцать фабрик валяльной обуви... А сверх того водяной канал в земле до каспийского моря рыть будем, чтобы персидским купцам повадно стало торговать с градовскими госорганами»⁴⁵. Этот план — тематическая арка к первому разделу I части — гротескному эпизоду растраты пяти миллионов рублей, присланных Москвой в Градов в недородный год. Напомним, что и там речь шла о десяти годах («Может, пройдет десять годов... а у нас рожь начнет расти с оглоблю, а картошка с колесо»⁴⁶). И тема денег тут же возникает, но в астрономическом масштабе (характерный прием динамизированной репризы): «Денег надо множество, — сообщил Чалый второстепенным тоном. — Того не менее, как миллиарда три, сиречь — по триста миллионов в год». После этого скачка в будущее время вовсе запутывается, вопреки утверждению, что «все шло в общем порядке и по закону». Отражением временной путаницы оказывается труд всей жизни Шмакова (кстати, в репризе вернувший себе первоначальное имя: «Записки государственного человека»). Шмаков завершает свое творение «заключительным аккордом»: «В сердце моем дышит орел, а в голове сияет звезда гармонии», но потом всплывают сентенции из середины трактата, возвращая мысль вспять и приводя к путанице и очередному приступу бреда: «И тому пример: в Градове пять лет тому назад, и двадцать лет обратно, было всего две пишущие машинки (обе системы “Ройяль”, то есть король), а теперь их близко сорока штук, не обращая внимания на системы»⁴⁷.

Признаком репризы является также обратное разделение тем Шмакова и Градова и сопоставление их по принципу единовременного контраста, как это было в I части произведения: Шмаков пребывает в состоянии почти истерическом: «Почувствовав *изжогу в желудке и отчаяние в сердце*, Иван Федотыч сходил на кухню попить водицы и посмотреть, кто там пишит все время. Возвратившись, он снова принялся за чтение, *трепеща всеми чувствами*», «город же *дремлет в блаженном неведении* надвигающихся событий». И далее: «В Градове топились печки, *разогревая вчерашний ужин на завтрак*... Кроме того, чувствовалось счастье, что новый день *уподобился вчерашнему* и оттого терзаний жизни не причинит»⁴⁸.

В момент наибольшего эмоционального контраста между возбужденной мыслью Шмакова и счастливой безмятежностью градовцев начинается последний эпизод-отстранение с обычной функцией: оттянуть развязку, исподволь усиливая эффект ожидания, и создать дополнительное напряжение — это эпизод с сапожником Захарием Павловичем (глава седьмая). Появление нового героя в самом конце репризы, однако, нарочито и странно (хотя в «Городе Градове» любая нелогичность может быть трактована как проявление общей драматургической логики абсурда). Но в характеристике Захара неожиданно возникают мотивы, отсылающие к предыдущим страницам повести.

Захарий сидит на *престоле*. Именно упоминанием о престоле начинается каждый день сапожника: «“Захарий! Вставай, садись за свой престол!” Престол — круглый пенек, на котором сидел Захар перед верстаком»⁴⁹. Но престол — символ царской власти. О престоле мечтал Бормотов в своих пьяных откровениях: «Вот, милые мои, где держал центр власти и милость разума! Мне бы царем быть на всемирной территории!»⁵⁰ Почему мечта главного бюрократа губернии воплотилась в судьбе градовского сапожника? Не потому ли, что Захарий — единственный, кто вырвался из-под власти градовского морока, кто не принял религии бумажного мира, созданной градовскими бюрократами? Слова Захария: «Я в мире человек сверхштатный! Не живу, а присутствую, и учета мне нет... На собрания я не хожу и ничего не член!»⁵¹ — звучат ответом на банкетную речь Бормотова: «...религия пошла новая и посерьезней православной. Теперь на

собрания — ко всенощной — попробуй не сходи! Давайте, скажут, ваш билетик, мы отточку там сделаем!»⁵²

Однако между несостоявшимся царем всемирной территории и вечно сидящим на престоле Захарии есть общая черта: они оба страдалцы. «Я страдалец, друзья, душа моя горька, и ничто ее не растрогает...»⁵³, — надрывно lamentирует Бормотов, но и «Иван Федотыч убеждал Захария Павловича не глядеть на жизнь такими чувствительными глазами и не скорбеть мыслью»⁵⁴. Они оба подвластны Времени, его «благородному бесчинству», его непостижимой власти над судьбами. Здесь Время окончательно утверждает свой статус главного героя повести: не течение времени зависит от душевного состояния героев, а время втягивает их в свою своевольную игру. И именно время, будто в насмешку, воздаст каждому по его вере. Бормотов жил надеждой, что «в мире не только все течет, но и все останавливается»⁵⁵, — и он единственный из героев останется жить в Градове после пронесшихся мимо катаклизмов. Он один имеет возможность воочию созерцать остановившееся время. А Захария Павловича остановка времени пугает. Для него вечность — это бесконечное тягостное ожидание: «А по мне, — говорит Захар, — бесчинство благородней! А то на сапожном престоле так и будешь сидеть, как и я!» Он ощущает подавляющую беспредельность вечности, глядя на неснашиваемые сапоги Шмакова: «Иван Федотыч, вашей обузе восьмой год идет, и как вы ее терпите? Когда их на фабрике сшили, с тех пор дети выросли и грамоте выучились, а многие померли из них, а сапоги все живут... Кустарник лесом стал, революция прошла, может, и звезды какие потухли, а сапоги все живут... Это непостижимо!..» Мудрецу Захарии с его престола видна сущность всех мнимых перемен, происходящих в Градове, и слишком долгое созерцание тупой бессмыслицы жизни для него — «неблагородно». Захарий умирает первым из героев повести: «Сапожник Захарий Павлович умер, *не дождавшись области*»⁵⁶.

Таким образом, последний эпизод не только выполняет композиционную функцию оттягивания развязки, но и предвещает ее в деталях, углубляя и дополняя мотивные связи между разделами повести.

Последняя (восьмая) глава — кода и постлюдия. Описание бумажной войны между четырьмя губерниями в борьбе за право

стать центром новой области происходит *accelerando* (постепенно ускоряя, увеличивая быстроту) и *crescendo* (постепенно усиливая звук): шквал событий, одно абсурднее другого, венчает композицию повести. Сюрреалистическая концепция выдержана до конца, ибо исход борьбы в коде не выясняется, поскольку он и не важен: при специфике течения времени в Градове (оно стремится к ускорению, но при этом стоит на месте) — никакого исхода и быть не может. С другой стороны, он давно предрешен и понятен. Очевидная заключительная каденция — совершенно в гоголевском стиле: «Большую книгу стоит написать, излагая борьбу пяти (?) губернских губгородов. Букв в ней было бы столько, сколько лопухов в Градовской губернии» (Сноска: «Но можно ее и не писать, так как градовцам читать ее некогда, а прочим — не интересно»), — не совпадает с окончанием повести.

Короткая постлюдия, в которой сообщается о постсюжетных судьбах главных героев, включая город Градов, договаривает то, что логически вытекает из всего мотивного развития. Но значение постлюдии гораздо значительнее и серьезно влияет на восприятие произведения в целом. Дело в том, что в этом завершающем построении возвращается ритм и образный строй самого начала повести: «Наконец, через три года после начала областной войны, пришло постановление Москвы...» «Что же случилось потом в Градове? Ничего особенного не случилось, только дураки в расход пошли»⁵⁷. Эта замыкающая арка сводит на нет всю динамику развития сюжета: то был бег по кругу, возвративший к начальной точке. Так через структуру повести символически обыгрывается идея о вечности и неизменности царства бюрократии и карьеризма, поскольку в основе его лежат непреходящие человеческие страсти. Использование формообразующих приемов, эквивалентных музыкальным, позволяет трактовать повесть «Город Градов» как аналог симфонического скерцо.

Примечания

¹ Скерцо (букв. — шутка) — отдельная пьеса или часть циклического музыкального сочинения, где сконцентрировано игровое, юмористическое начало.

² Об этом см.: *Сорокина И.* Происхождение и исчезновение юмора в мире А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: про-

- блемы творчества. М., 2000. Вып. 4. С. 162—167; *Хращева Н.* Повесть «Сокровенный человек». Поэтика смехового раздвоения // Там же. С. 516—522; *Карасев Л.* Философия смеха. М., 1996; и др.
- ³ *Сорокина И.* Указ. соч. С. 165.
- ⁴ *Ласкина Н.* Человек в бумажном космосе: о герое и материи в «Городе Градове» // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. М., 2000. Вып. 5. С. 510.
- ⁵ *Карасев Л.* Указ. соч. С. 255.
- ⁶ Там же. С. 40.
- ⁷ Кроме «Города Градова» к ним относятся: «Усомнившийся Макар», «Государственный житель», «Антисексус»; из более ранних сочинений: «Рассказ не состоящего больше во жлобах», «Немые тайны морских глубин», отчасти — «Сокровенный человек» и некоторые другие сочинения.
- ⁸ Об этом подробно см.: *Матвеева И.* Тамбовские реалии в повести «Города Градова» // «Страна философов»... Вып. 4. С. 502—510.
- ⁹ *Платонов А.* Избранные произведения. М., 1983. С. 244.
- ¹⁰ *Карасев Л.* Указ. соч. С. 196.
- ¹¹ *Платонов А.* Указ. соч. С. 244.
- ¹² *Медушевский В.* Указ. соч. С. 116—117.
- ¹³ *Платонов А.* Указ. соч. С. 245.
- ¹⁴ О сознательной тавтологии названия «Города Градова» пишут все исследователи этой повести. См.: *Матвеева И.* Указ. соч.; *Ласкина Н.* Указ. соч.; *Шубин Л.* Градовская школа философии // Андрей Платонов. Мир творчества. М., 1994.
- ¹⁵ *Платонов А.* Указ. соч. С. 246.
- ¹⁶ Там же. С. 247.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 246—247.
- ¹⁹ Там же. С. 247.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же. С. 248.
- ²² Там же.
- ²³ «Вырастет трава из навоза аль нет?» — очевидная отсылка к гоголевскому вопросу о колесе. Возникновение аллюзий — еще один игровой прием, используемый Платоновым.
- ²⁴ *Платонов А.* Указ. соч. С. 249, 250.
- ²⁵ Там же. С. 248.
- ²⁶ Там же. С. 250—251.
- ²⁷ Там же. С. 251.
- ²⁸ Там же. С. 247.

- ²⁹ Там же. С. 251.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ О новой религиозности и новых служителях культа см. подробнее в указанной статье Н. Ласкиной «Человек в бумажном космосе: о герое и материи в “Городе Градове”». Нас же интересует отражение идеи в структуре, то есть семантическая основа игры со временем, возникающая в повести.
- ³² *Платонов А.* Указ. соч. С. 253—254.
- ³³ *Платонов А.* Сочинения. М., 2005. Т. 1, кн. 2 : статьи. С. 132.
- ³⁴ *Платонов А.* Избр. произв. С. 257.
- ³⁵ Там же. С. 258.
- ³⁶ Там же. С. 256.
- ³⁷ Там же. С. 254.
- ³⁸ Там же. С. 259, 258.
- ³⁹ Там же. С. 263, 264.
- ⁴⁰ Напрашивается параллель с «Собачьим сердцем» Булгакова, где именно затянувшаяся игра на балалайке Шарикова превратила в фарс заседание ученого совета.
- ⁴¹ *Платонов А.* Избр. произв. С. 266.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 267.
- ⁴⁶ Там же. С. 247.
- ⁴⁷ Там же. С. 267—268.
- ⁴⁸ Там же. С. 269—270.
- ⁴⁹ Там же. С. 270.
- ⁵⁰ Там же. С. 263.
- ⁵¹ Там же. С. 270.
- ⁵² Там же. С. 262.
- ⁵³ Там же. С. 262.
- ⁵⁴ Там же. С. 270.
- ⁵⁵ Там же. С. 261.
- ⁵⁶ Там же. С. 270, 273.
- ⁵⁷ Там же. С. 273.

ББК 60.543.132.1

В. А. Порозов

ДВАДЦАТАЯ, ЮБИЛЕЙНАЯ МЕЖДУНАРОДНАЯ ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЧЕСКАЯ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (Иваново, 24—26 сентября 2009 г.)

Завершая в сентябре 2008 года XIX интеллигентоведческую конференцию в Ивановском государственном университете, ее участники единодушно заверяли друг друга в том, что уж на следующий-то год приедут обязательно. И не только сами приедут, но и других привезут.

Как и всё, что произносилось на восемнадцати предыдущих форумах, это оказалось не пустыми словами: по числу непосредственных участников XX конференция стала рекордной за последнее десятилетие. Несмотря на очередной неблагоприятный период для оформления научных командировок, в Иваново прибыло более тридцати иногородних ученых из разных регионов России и ближнего зарубежья. Всего же прислали свои материалы, как всегда опубликованные к началу конференции, 151 исследователь из России, 18 — из Белоруссии. Г. Н. Кныш из Днепропетровска представлял Украину.

Весомо и убедительно звучала столичная наука: москвичи подготовили 35 публикаций, из Минска и Костромы пришло по

© Порозов В. А., 2010

Порозов Владимир Александрович – кандидат исторических наук, доцент Пермского государственного педагогического университета. rogozov_va@perm.ru.

14 материалов, петербуржцы и ивановцы подготовили по 12. Традиционно солидно выглядели Архангельск (6 публикаций), Ковров и Ярославль (по 5). Необычно активными были обществоведы Перми (7 публикаций). Не затерялись на карте «Большого Иванова» Абакан, Новочеркасск, Омск, Пенза, Ростов-на-Дону, Саратов, Тула, Челябинск и другие вузовские и научные центры Белоруссии и России — от Бреста и Могилева до Бийска и Улан-Удэ, от Петрозаводска и Сыктывкара до Волгограда и Ставрополя.

Повышенному интересу к конференции есть простое и убедительное объяснение: юбилей был двойным. Двадцатая по счету конференция не исчерпывала торжественности момента: 70 лет исполнилось организатору и главному движителю исследовательского Центра профессору Валерию Сергеевичу Меметову — доктору исторических наук, заслуженному работнику высшей школы Российской Федерации, директору Межвузовского Центра гуманитарного образования по политологии, политической культуре и мировой политике при Ивановском государственном университете, заведующему кафедрой истории и культуры России ИвГУ. Этому юбилею и была посвящена конференция на тему «Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность».

Предельно общая и широкая формулировка темы порождала сомнения в ее эффективности, в том, что удастся вычлнить главные на данном этапе звенья интеллигентоведческого процесса, ведущие блоки в ходе дискуссии. К счастью, опасения оказались напрасными — всё, как всегда, получилось.

Начать с того, что составителям сборника материалов удалось точно и емко выделить основные направления современных исследований: 1. Методологические и историографические проблемы интеллигентоведения; 2. Личность в интеллигентоведческом дискурсе; 3. Интеллигенция регионов и провинции в прошлом и настоящем; 4. Из истории интеллигенции; 5. Проблемы воспитания и образования в современном интеллигентоведении; 6. Интеллигенция в современном мире. В особый раздел сборника была выделена очередная серия публикаций к юбилею В. С. Меметова.

Соответственно и в ходе самой конференции, в прозвучавших выступлениях и разгоревшихся дискуссиях также выделилось

несколько «осевых» блоков. Рискнем обозначить в качестве ведущих четыре: 1. Актуальные проблемы современного интеллигентоведения; 2. Российское интеллигентоведение и В. С. Меметов; 3. Интеллигентоведение и молодежь; 4. Интеллигенция светская и православно-церковная.

По первому направлению тон, как и следовало ожидать, задал юбиляр — профессор **В. С. Меметов**. На первых же страницах материалов к пленарному заседанию он проинформировал всех заинтересованных лиц, что проблематика конференции позволяет проанализировать весь спектр жизнедеятельности интеллигенции — от ее зарождения и до наших дней. На это же, собственно, направлена и вся деятельность ивановского Центра интеллигентоведения: в этом его главный «штрих», лицо и особенность работы. Вынесенные в заглавие конференции термины, по сути, выражают пять крупных этапов в самом развитии интеллигенции. Причем на каждом новом историческом «витке» она эти пять важных этапов проходит как бы вновь и вновь. «Этот процесс включает в себя *отбор* наиболее важных сущностных черт интеллигенции предшествующих эпох и *передачу* их, через традиционные формы и методы жизнедеятельности, вновь формирующейся генерации интеллигенции». Такими судьбоносными этапами в истории российской интеллигенции являлись как времена «Вех», так и 1990-е годы. Успехи ивановской научной школы в сравнении с ленинградской, свердловской и новосибирской ее руководитель объясняет большой координационной и организаторской работой.

Далее В. С. Меметов напоминает о структуре ивановского Центра, куда входит Проблемный Совет «Интеллигенция, культура, власть», Межвузовский Центр «Политическая культура интеллигенции, ее место и роль в истории Отечества», НИИ интеллигентоведения (при Ивановском государственном университете), очерчивает ближайшие перспективы, связанные с заявленной и одобренной в Министерстве образования РФ темой «Проблемы теории и методологии интеллигенции: историко-социологический и философско-политологический анализ». Именно в Иваново вносится сегодня наибольший вклад в становление нового междисциплинарного научного направления — интеллигентоведения. Отвечая на вопросы, юбиляр заверил собравшихся, что до конца

2010 года перспективы вполне определены: Центр будет жить и развиваться, журнал «Интеллигенция и мир» будет выходить, XXI конференция состоится. Неослабевающая актуальность темы позволяет и в дальнейшем надеяться на внимание к работе Центра властных структур и с оптимизмом смотреть в будущее. Глава Центра призвал собравшихся следовать девизу «Побеждает тот, кто трудится!»).

Г. А. Матвеев (Ростов-на-Дону) в своем обстоятельном докладе осветил роль классических университетов в формировании российской интеллигенции, прослеживая этот процесс на протяжении XVIII—XIX веков. Являясь, как историк, последовательным сторонником профессионально-социологического подхода к определению интеллигенции, автор выделяет «высококвалифицированную» ее часть («ядро»), которую наделяет «самостоятельным критическим мышлением, мужеством в поиске и отстаивании истины», толерантностью, терпимостью, стремлением к свободе творчества. Без этих черт, свойственных лучшей части старой российской интеллигенции, интеллектуальная элита ни в одной стране не может выполнять свои ответственные социальные функции. Именно такие черты, по мнению докладчика, воспитывали в своих питомцах российские университеты, формировавшие интеллектуальное ядро отечественной интеллигенции.

Ученый полагает, что 1990-е годы стали для российской интеллигенции серьезным испытанием — в частности, условия для развития науки были гораздо хуже, чем при советской власти. Однако многие сумели противостоять «лихим ветрам». Тем не менее и сегодня продолжается девальвация самого статуса университета. Как любой другой вуз, он приобретает информационно-предпринимательский характер в ущерб его культурной миссии. Не следует забывать, что в общественном развитии надо опираться на то жизнеспособное, что было в прошлом, а на голом месте произрастет только чертополох. Университетской интеллигенции следует общаться, объединяться, в частности, используя Интернет.

А. В. Зябликов (Кострома) в своем письменном сообщении, озаглавленном «Уроки Герцена», возвращается к «одной из самых одиноких фигур в истории русской общественной мысли». Одни его считали (и считают!) — чересчур революционным, другие — излишне консервативным и старомодным. Между тем, его уроки по-

прежнему актуальны: разумно-деятельное начало, уважительное отношение к оппоненту, наличие полемиического диалога с Западом при отрицании ортодоксального славянофильства. Последнее, подчеркнул автор, урок главный и в наши дни наиболее актуальный.

В устном выступлении А. В. Зябликов сосредоточил внимание на другом не менее знаковом российском мыслителе — Н. В. Гоголе. Сравнивая грандиозные юбилейные торжества 1909 года и относительно скромные — года нынешнего, ученый не без оснований цитирует М. Ковалевского: «Российская разруха продолжается». По-прежнему диаметрально противоположны и оценки вклада Гоголя в российский историко-культурный процесс: от апологетического восхваления до обвинения во всех смертных грехах. Между тем, по мнению исследователя, «Выбранные места из переписки с друзьями» пронизаны историческим оптимизмом. Они ориентируют русского интеллигента не на мессианское обожествление России, а на практическое служение ей. Заданные вопросы и микродискуссия солидаризировали участников конференции с высказанными оценками, хотя и было подчеркнуто, что многое в понимании такого масштаба мыслителей и их произведений зависит от позиции читателя.

А. Н. Баранов (Кострома), представивший публикацию «Влияние событий 9 января 1905 года на самоопределение российской либеральной интеллигенции», в устном выступлении поделился своей озабоченностью в связи с усиливающейся ролью в освещении исторических событий так называемой фолк-истории и овладением последней массовым сознанием. Непрофессиональные историки Бушков, Радзинский, Суворов, Фоменко и им подобные делают ставку на тенденциозный подбор фактов, сенсационность, что всячески поддерживается системой торговли, средствами массовой информации, находит покровителей во властных структурах. Тиражи этих авторов и профессиональных историков непоставимы. Но дело даже не в этом: преуспевших новоявленных историков не устраивает роль Дюма и Пикуля: они мимикрируют под профессиональную историческую науку, прикрываются Гумилевым, поддерживаются фондом Сороса. То, что порой утверждается ныне в республиках бывшего СССР даже в школьных учебниках, вообще затруднительно подвергнуть научной критике в силу чрезвычайной абсурдности данных утверждений.

Многочисленные вопросы и высказанные по этому поводу мнения позволяют сделать вывод, что представители научной общественности, собравшиеся в Иванове, понимая существующие в данной сфере опасности, не склонны драматизировать ситуацию и призывают историков взвешенно и спокойно, профессионально делать свое дело, предоставляя выбор народу. Но выбор этот, опять же, во многом зависит от интеллигенции: вот она-то должна изучать историю России по Рыбакову и Полякову, а не по Суворову и Фоменко, иначе всё это действительно чревато трагическими последствиями.

А. Н. Кураев (Москва) в своей публикации остановился на проблеме «Организации научной интеллигенции в России во второй половине XIX века». Он показал, что, хотя даже среди великих реформ 60-х гг. не было специально направленных на подъем науки, недостаточным оставалось финансирование ее деятельности, а научный потенциал не был использован полностью, все же влияние университетской и других реформ, усилия талантливейших российских ученых привели к величайшим открытиям, количественному увеличению научных центров и усовершенствованию их внутренней структуры. В устном выступлении исследователь сосредоточил внимание на высказывании своих позиций по вопросам, поднятым в ходе дискуссий. В частности, он не согласился с прозвучавшим замечанием в адрес президентской программы (упрек состоял в излишнем технократизме и отсутствии внимания к интеллигенции); предостерег от излишнего пафоса и взаимных обвинений во взаимоотношениях различных групп интеллигенции; заметил, приводя конкретные примеры, что жизненный путь отдельных представителей интеллигенции (даже очень известных и общепризнанных) в вопросах политических переориентаций не всегда соответствует критериям идеала. По этим замечаниям также можно судить, насколько широким был спектр обсуждаемых на конференции проблем.

Рассмотрение общих вопросов интеллигентоведения органично перерастало в выделение вклада юбиляра — профессора В. С. Меметова в становление и развитие данной отрасли знания. Характеристике этого вклада посвятили свои выступления **Э. Б. Ершова** (Москва), **М. И. Кондрашова** (Екатеринбург), **Ф. Х. Соколова** (Архангельск) и другие. Вновь были подчеркнуты

ты научная значимость публикаций Валерия Сергеевича, его организаторский талант, личные качества «знающего, разумного, понимающего» интеллигента. В частности, было отмечено, что работа ивановского исследовательского Центра приобретает поистине международное значение. Так, например, начато сравнительное исследование интеллигенции России и Скандинавии, а это, несомненно, привнесет в разработку проблематики новые факты и идеи. Вкладу В. С. Меметова в отечественную гуманитарную науку посвятили специальные публикации Г. А. Будник (Иваново), О. В. Золотарев (Сыктывкар), А. А. Соловьёв (Кострома) и другие.

Юбиляр же, не позволяя себе расслабиться, во второй день работы конференции руководил еще и докторским советом. Обязанности ведущего конференции, или, как модно теперь говорить, модератора, принял и с блеском исполнил Герман Аронович Матвеев. Если считать, что сила и работоспособность коллектива проверяется в отсутствие руководителя, то актив ивановского Центра выдержал эту проверку достойно.

Заслуженные дифирамбы органично переплелись со всё более крепнущими голосами молодежи. Прежде всего, следует отметить профессионализм, напористость и активность, с которыми успешно представлял Белоруссию **Д. А. Мартинович** (Минск). Его публикация «“О мелочах в большом вопросе”: оценки белорусской интеллигенцией статьи В. Кнорина в донесениях спецслужб» (речь идет о статье первого секретаря КП(б)Б по поводу «белорусизации», опубликованной весной 1928 г.), поздравление В. С. Меметова, участие в дискуссиях произвели самое выгодное впечатление.

Е. Ю. Игнатъева (Санкт-Петербург) подкупала вдумчивостью, уравновешенностью, глубокой внутренней культурой. Ее выступление на тему «Морально-политический облик и общественно-политические ожидания советской интеллигенции в конце Великой Отечественной войны — начале перехода к мирному строительству (1945 — первая половина 1946 г.)» явилось глубоко научным, выдержанным, как было отмечено, в духе учителя В. С. Волкова по содержанию и подлинно «ленинградским» по форме. Е. Ю. Игнатъева показала динамику изменения в изучаемый период «состава интеллигенции» — ее омоложение, про-

грессирующую феминизацию ряда сфер деятельности, преобладание «практиков» над «теоретиками». Характерными и объяснимыми чертами времени были патриотический, оптимистический подъем, вера в преимущества командной системы и советской идеологии. Негативно к утвердившейся системе власти была настроена лишь меньшая часть интеллигенции. Наиболее общей чертой общественных настроений интеллигенции, по мнению исследователя, стало ожидание смягчения идеологического диктата, амнистии политических заключенных, создания лучших условий для крестьянства, умеренной демократизации государственного строя, налаживания отношений с Западом. Единения власти и интеллигенции не получилось. Однако значительно выросли ее значимость, авторитет, амбиции и... гибкость.

Е. И. Васильева (Рыбинск) изучает интеллигенцию своего города первой трети XX века. Знание материала, увлеченность, здоровый местный патриотизм, практические выходы исследования обратили на себя внимание. Среди различных, интересных и полезных, форм работы, родившихся и развивавшихся в изучаемый период, исследователь выделила местное научное общество, кооперативные школы, школы самообразования, рабфаки. Особо было отмечено научное и этическое наследие академика А. Ухтомского, на основе которого в настоящее время создаются исследовательские центры, в том числе и за рубежом (например, в Японии). Значительный интерес представляет его концепция совести. Рассматривая развитие совести как физиологического органа, Ухтомский опирается на интуицию как двигатель и средство познания. Освоение наследия академика, исторического опыта народного образования позволит интеллигенции наших дней решить многие проблемы, в частности в области образования и воспитания подрастающих поколений.

О. Г. Герасимова (Москва) изучает роль художественной самодеятельности в формировании духовного облика студенчества (на примере МГУ 1950-х гг.). Исследователь считает, что художественное творчество — один из важных факторов, влияющих на формирование внутреннего мира складывающегося интеллигента. Кроме того, рассмотрение проблемы дает немало материала, позволяющего судить, что волновало советское студенчество в то время. Предпринята интересная попытка показать это на примере

нескольких постановок студентов биолого-почвенного факультета и театра МГУ, студенческой самодеятельности в целом.

С работой О. Г. Герасимовой перекликалось другое запомнившееся выступление. **А. В. Симонов** (Кострома) рассказал об оперно-вокальной студии в своем городе. Оказалось, что ее 37-летняя история изучается квалифицированно и чрезвычайно заинтересованно. Нельзя было без улыбки и восторга воспринять итоговое заявление молодого человека: «Пока я жив, я буду заниматься оперно-вокальным искусством и пропагандировать его!» Это ли не позиция интеллигента!

Выступления начинающих исследователей участники конференции встретили с большим вниманием и глубоким удовлетворением. Очевидно, что воспроизводство российской интеллигенции (и интеллигентоведов!) продолжается.

Во многом привычный ход конференции буквально взорвали своим присутствием и выступлениями представители Русской Православной Церкви. **Иеромонах Макарий** (Иваново) предложил рассмотреть взаимоотношения Церкви и интеллигенции, считая, что настало время единения. Противостояние этих двух основополагающих начал русской жизни, по мнению выступающего, временами и было, но оно несущественно. Не следует опасаться и пугала клерикализма, которое оратор связал лишь с римско-католической церковью. Разумеется, роль Православной Церкви в современном обществе усиливается, тем более, что со времен Петра I она находилась в несвойственных ей условиях. Но не нужно бояться этого усиления: отделенная, независимая Православная Церковь способна играть сегодня в обществе, по мнению иеромонаха Макария, роль разумной оппозиции, стать союзником и сотрудником интеллигенции светской (по цели, вектору движения, мотивации и даже методам — просвещение, культура). С этим Православная Церковь и стремится прийти в учебные заведения.

Выступление вызвало массу вопросов и самую бурную, неоднократно возобновлявшуюся дискуссию. Отвечая на вопросы, иеромонах Макарий уточнил, что речь идет не о Законе Божием, а о православной культуре, что преподавателями первоначально будут преимущественно люди светские, что посещение этих уроков не будет безусловно обязательным и т. д. К данной проблема-

тике обратился в сборнике материалов и **С. М. Усманов** (Иваново), вернувшийся к материалам конференции пятилетней давности и призвавший к вдумчивому вниманию к духовным проблемам развития России и всего современного мира. Некоторым аспектам истории церковной интеллигенции посвятили свои публикации Н. А. Виноградов (Санкт-Петербург), О. А. Волочко (Минск), Н. В. Елизарова (Омск), Ю. Ю. Иерусалимский (Ярославль), Т. А. Санакина (Архангельск).

Тему продолжил **священник Михаил (М. В. Бунтилов, Ковров)**. Выступая по заявленной теме «Интеллигентность и Образ Божий в человеке», он с блеском процитировал несколько, взятых наудачу из сборника материалов конференции, положений, претендующих на ученость, но на самом деле явно не научных. Сам же он утверждает, что если рассматривать человека как Образ Божий, то ум, интеллект — «лишь один из моментов, составляющих этот Образ в человеке». Также неотъемлемыми «атрибутами» человеческого естества являются Душа, дух, любовь. Без соответствующего уровня духовности мы получаем искажение Образа Божьего. Но поскольку образование подменяется лишь обучением, мы получаем «нечто вроде умственного бодибилдинга». Поэтому интеллигенции в высоком смысле этого слова просто неоткуда взяться. Первым интеллигентом, по мнению священника, можно считать Адама до грехопадения, а антиподом интеллигентности является юродство во Христе — осознанный отказ от проявлений в обществе своего интеллекта во имя духовного возрастания (терпение, смирение и т. п.).

Поиск некоего «третьего пути» предложили ученые из Саратова — Л. Я. Солодовниченко и О. В. Шимельфениг. **Л. Я. Солодовниченко** проинформировала о создании и деятельности в своем городе проблемного семинара «Беседы о реальности» на факультете философии и психологии Саратовского государственного университета, Регионального общественного «Фонда Научных и Культурных Инициатив Межконфессионального Сотрудничества» и возникшей в ходе семинара «Intellect game session» как новой формы коллективной интеллектуальной деятельности. Впрочем, подобный опыт бесед-дискуссий оставили участники Религиозно-философского общества в Петербурге еще в период Серебряного века.

О. В. Шимельфениг солидаризировался с мыслью философа М. Шахова, что наука, философия и религия содержат в основе недоказуемые предпосылки и граница между научным и религиозным знанием подвижна, относительна и связана с состоянием, способностями и возможностями субъекта познания. Любая картина мира, считают организаторы саратовского семинара, не может быть универсальной и по-разному воспринимается индивидуумами. Поэтому так важна диалоговая форма воспитания человека, его развития и размышлений о мире, тем более, что современные информационные технологии дают возможность неограниченно расширять круг собеседников. В устном выступлении ученый пошел еще дальше, опираясь на тезис И. Ильина, что неверующих людей нет: весь вопрос в том, кто и во что верит. Считая противопоставление науки и религии примитивным, приводя в пример ряд великих ученых, которые были людьми глубоко верующими, руководитель аналитической группы названного фонда предложил включить Бога в мирозданье и сформировать религиозно-научное мышление. Некоторые из краеугольных положений докладчика с небольшими натяжками можно трактовать следующим образом: без духовности, с царящим культом возделывания, Вселенная превращается в большой свинарник (А. Лосев); без игры сущность непостижима (Мир — божественная космическая игра, порождающая формы); религия, философия и наука — принципиально разные способы осмысления мира. Отсюда следует, что мораль должна быть осознанной; нужно смелее играть, в том числе по предложенным саратовцами правилам с соответствующей «маркировкой индивидов»; постижение мира и должно стать для человека религией.

С наиболее весомым светским выступлением по данным вопросам дискуссии традиционно предстал **И. В. Сибиряков** (Челябинск). Он предостерег от ненаучной легковесности и чрезмерного оптимизма в подходе к решению вопросов взаимоотношений науки и религии. История этих взаимоотношений полна конфликтов и драматизма. Ученый вводит третью составляющую данной конфликтной ситуации — власть, убедительно полагая, что многое в природе конфликта решает сам фактор наличия этой составляющей. Светская интеллигенция и Церковь объективно вынуждены бороться не только за влияние на «электорат», в ча-

стности на молодежь, они борются и за внимание власти. Сегодня ни о какой оппозиционности Православной Церкви власти не может быть и речи, и тяготение это взаимно. Школа перенасыщена социальными проблемами, учитель нищ и унижен, а Церковь процветает. В ее сторону разворачиваются писатели, художники, музыканты. Митрополит Кирилл способен сделать эти процессы необратимыми: это харизматическая личность, способная выйти на уровень любого светского лидера. Внецерковную интеллигенцию в этом плане ждут очередные нелегкие времена. Размышления исследователя на эту тему дополняет опубликованный им анализ рубрики «Интеллигенция» на страницах интернет-энциклопедии Википедия, вновь показывающий, сколь недостижим идеал и как много впереди работы.

Активное участие в конференции и ее дискуссиях приняли также **И. В. Купцова** (Москва), **А. В. Карасёва** (Иваново), **Н. Ю. Кривопалова** (Самара), **О. В. Разумовская** (Ковров), **А. В. Попов** (Владимир), **А. В. Силин** (Архангельск), **А. А. Соловьёв** (Кострома) и другие.

Большое количество участников конференции привело к тому, что для традиционной поездки во вновь поразивший красотами золотой осени Плёс было подано два микроавтобуса. Тут российские интеллигентоведы достаточно интересно разделились на «профессорско-либеральную» и «доцентско-демократическую» «партии», которые даже в Плесе двигались разными маршрутами. Последнюю группу поддерживали профессора М. И. Кондрашова, Ф. Х. Соколова и отец Михаил. Но на великолепном кремлевском холме над Волгой, в окружении памятников русской природы, истории и культуры произошло трогательное воссоединение всех направлений интеллигенции и российского интеллигентоведения.

В двадцатый раз!

АННОТАЦИИ

Соловьёв А. А. Путь веры и знания: антиномии «Вех»

Ключевые понятия: интеллигенция, «Вехи», Русская Православная Церковь, религия.

Статья посвящена 100-летию выхода в свет во многом пророческого сборника «Вехи» (1909), авторы которого призывали интеллигенцию к обретению единства на пути синтеза веры и знания, онтологической реальности бытия.

Колпакова С. П. Креативный труд в условиях социально-экономической модернизации России

Ключевые понятия: креативный труд, модернизация, интеллигенция, научно-техническая революция, модернизация образования, научно-технологический парк, человеческие ресурсы.

Автор статьи обращает внимание на роль творческого труда в формировании постиндустриального социального пространства. В работе подчеркивается, что креативный труд содействует формированию экономики социального партнерства и максимально раскрывает возможности человеческого капитала.

Яновский О. А. Тернистая дорога к марксизму, или российская интеллигенция в белорусских реалиях 1920-х годов

Ключевые понятия: интеллигенция, Белорусский государственный университет, «старая» профессура, марксизм, научная и преподавательская деятельность.

На основе архивного и иного документального материала рассматривается сложная общественно-политическая обстановка 1920—30-х гг. в советской Беларуси, в которой проходила научная и преподавательская деятельность первых профессоров и сотрудников Белорусского государственного университета, приехавших в Минск из России. Прослежены трагические судьбы некоторых университетских интеллигентов

(В. И. Пичеты, Д. П. Кончаловского, Д. А. Жаринова, М. Б. Гольмана), которые характерны для многих сотен историков и обществоведов того времени. Акцент сделан на анализ внутренних и внешних побудительных начал, вынуждавших «старую» профессуру зачастую по-своему постигать марксизм и всю идеологию советского строя, как и отвергать (открыто или скрытно) «единственно верное» учение.

Игумен Феодосий (Иванников). Евразийцы как представители русской интеллигенции первой половины XX века

Ключевые понятия: евразийство, евразийцы, евразийское движение, русская интеллигенция, идеократия.

В статье рассматриваются основные черты и характерные особенности Евразийского движения в среде русской эмиграции 20—30-х годов XX в. Дается анализ доктрины евразийства и ее эволюции. Автор рассматривает евразийцев как одно из наиболее интересных течений в первой половине XX в.

Золотарев О. В. Советское учительство в 1930-е годы

Ключевые понятия: повседневная жизнь, советское учительство, государственная политика по отношению к учительству, уровень жизни.

Представленная статья является продолжением темы, затронутой в статье «Советское учительство в 1920-е годы», опубликованной в № 3 журнала «Интеллигенция и мир» за 2009 год. Предпринята попытка анализа повседневной жизни советского учительства в 1930-е годы. Рассматриваются вопросы государственной политики по отношению к учительству, ее формы, методы и изменения, вскрываются причины этих перемен.

Чередникова А. Ю. Особенности взаимоотношений властей и лужицких общественных организаций (1918—1949 гг.)

Ключевые понятия: лужицкая интеллигенция, общественные организации, «Домовина», национальное самосознание, малый народ.

В центре внимания данных заметок находится деятельность некоторых лужицких общественных организаций, изучаются их взаимоотношения с властями Германии. Осуществляется попытка в динамике проследить причины и характер трансформации отдельных объединений из чисто общественных и культурно-просветительских в антифашистские, т.е. политические силы лужичан в Германии, а также определить степень участия советских оккупационных властей в данном процессе.

Делается предположение о том, что приспособленческая политика части лужицкой интеллигенции в итоге сыграла положительную роль в сохранении национальной идентичности и социально-культурном развитии малого славянского народа в рамках будущей ГДР.

Попов А. В. Генезис древнерусской военной интеллигенции

Ключевые понятия: генезис интеллигенции, военная интеллигенция, военные профессионалы, духовно-нравственные ценности.

На основании анализа деятельности Владимира I Святославовича и Владимира Мономаха доказывается, что такие качественные черты военного интеллигента, как сочетание личностного самосознания с чувством ответственности за судьбу всего народа, начинают формироваться еще в Древней Руси, и именно к этому периоду следует отнести начальный этап генезиса военной интеллигенции России.

Ревин И. А. Формирование сельской интеллигенции Области войска Донского выходцами из крестьянского сословия

Ключевые понятия: крестьянство, интеллигенция, народное образование, сословная дифференциация, Область войска Донского, пореформенный период.

Рассматривается проблема формирования сельской интеллигенции Области войска Донского в пореформенный период выходцами из крестьянского сословия. Автор выделяет критерии интеллигенции, на основе которых анализируется специфика деятельности, ментальность, качественные характеристики такой социальной группы, как сельская интеллигенция. Отдельное внимание уделяется мотивации крестьян в получении образования, стремлению повысить свой социальный статус и, как следствие, сменить сферу деятельности. Выводы подтверждаются архивными документами и материалами биографий известных деятелей русской культуры и искусства — выходцев из крестьянского сословия Области войска Донского.

Брагина Н. Н. Бюрократическое скерцо глазами музыканта (О перипетиях духовной жизни индивидуума на фоне картины мирового порядка в городе Градове, придуманном Андреем Платоновым: смешное и несмешное)

Ключевые понятия: сатира, структура, ускорение и торможение времени, полифоническая игра, абсурд, стилистический мезальянс.

В статье рассматривается сатирическая повесть А. Платонова «Город Градов» как аналог музыкального скерцо. Обнажаются игровые приемы построения текста, эквивалентные музыкальным. Образ бюрократа-философа Шмакова раскрывается в неразрывной связи с картиной города Градова, в свою очередь представляющегося символом нового мироустройства.

Порозов В. А. Двадцатая, юбилейная Международная интеллигентоведческая научно-теоретическая конференция в Иванове, 24—26 сентября 2009 г.

Ключевые понятия: интеллигенция, интеллигентоведение, научно-теоретические исследования, исследователи, наука, конференция.

В работе подводятся итоги ежегодной двадцатой международной научно-теоретической конференции «Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность», состоявшейся 24—26 сентября 2009 г. в Ивановском государственном университете. Автор знакомит читателя с наиболее интересными докладами, прозвучавшими на симпозиуме. Внимание обращается на выступления не только известных интеллигентоведов, но и молодых исследователей. Значимое место отводится дискуссии, развернувшейся в рамках конференции по проблемам взаимоотношений светской и духовной интеллигенции.

ANNOTATIONS

Solovyov A. A. The way of faith and knowledge: antinomies of «Landmarks»

Key-words: intelligentsia, «Landmarks», Russian Orthodox Church, religion.

The article deals with the 100-th anniversary of the appearance of prophetic collection «Landmarks» (1909), the authors of which appealed to the intelligentsia to achieve unity by synthesis of faith and knowledge, ontological reality of existence.

Kolpakova S. P. Creative labor in the conditions of social-economic modernization of Russia

Key-words: creative labor, modernization, intelligentsia, scientific-technical revolution, modernization of education, scientific-technological park, human resources.

The author shows the role of creative labor in the formation of post-industrial social space. The work states the fact that creative labor assists the formation of economy of social partnership and shows at maximum the potential of human capital.

Yanovsky O. A. The thorny way to Marxism or Russian intelligentsia in Belorussian reality of 1920-s

Key-words: intelligentsia, Belorussian state university, «old» professorship, Marxism, scientific and educational activity.

Basing on archive and other documents the author shows the difficult social-political situation in 1920—1930-s in Soviet Belarus where scientific and educational activity of the first professors and collaborators of Belorussian state university who came to Russia from Minsk took place. The work shows the tragic destiny of some university intelligentsia members (V. I. Picheta, D. P. Konchalovsky, D. A. Zharinov, M. B. Golman), which is typical for many hundreds of historians and specialists of social science of that time. The work points out the analysis of internal and external beginnings that forced the «old» professorship to achieve Marxism and the whole

ideology of the Soviet regime as well as deny (openly or closely) the «only true» learning.

Father Superior Feodosy (Ivannikov). Eurasians as representatives of Russian intelligentsia in the first half of the 20-th century

Key-words: Eurasianism, Eurasians, Eurasian movement, Russian intelligentsia, ideocracy.

The article shows the main features and peculiarities of Eurasian movement among Russian emigrants in the 1920—1930-s. The work gives the analysis of the doctrine of Eurasians and its evolution. Eurasians are shown as one of the most interesting movements in the beginning of the 20-th century.

Zolotaryov O. V. Soviet teachers in 1930-s

Key-words: everyday life, Soviet teachers, governmental policy towards teachers, level of life.

The given article continues the topic that was touched upon in the work «Soviet teachers in the 1920-s» published in the journal «Intelligentsia and the World», № 3, 2009. The article tries to analyze everyday life of Soviet teachers in 1930-s. The questions of governmental policy towards teachers, its forms and methods are discussed in the article. The changes of this policy are examined and the reasons of these changes are shown.

Cherednikova A. Yu. Peculiarities of interrelationship between authorities and social organizations of Luzhitsa in 1918—1949

Key-words: intelligentsia of Luzhitsa, social organizations, «Domovina», national self-consciousness, small nation.

The article shows the activity of some social organizations of Luzhitsa and studies their relationship with authorities of Germany. An attempt is made to watch dynamically the reasons and features of transformation of separate unions from purely social and cultural into antifascist ones, that is political forces of Luzhitsa citizens in Germany. The article tries to define the degree of participation of Soviet occupational authorities in the given process. The author suggests that the time-serving policy of the part of the citizens of Luzhitsa played the positive role in saving the national identity and socio-cultural development of the small Slavic nation in the borders of the future German Democratic Republic.

Popov A. V. Genesis of the Old Russian military intelligentsia

Key-words: genesis of intelligentsia, military intelligentsia, military professionals, moral values.

Based on the analysis of activity of Vladimir I Svyatoslavovich and Vladimir Monomakh the article proves that such features of a military intelligentsia member as combination of personal self-consciousness with the feeling of responsibility for the destiny of the whole nation begin to form in the Old Russia. The first stage of genesis of Russia's military intelligentsia should be considered in this period.

Revin I. A. Formation of rural intelligentsia of a region of Donskoye Host held by peasants

Key-words: peasantry, intelligentsia, national education, estate differentiation, region of Donskoye Host, reforming period.

The article deals with the problem of rural intelligentsia formation of Donskoye Host by peasants during the reforming period. The author states the criteria of intelligentsia on basis of which he analyses the specific features of activity, mentality, qualitative characteristics of such social group as rural intelligentsia. Special attention is given to peasants' motivation in getting education, in attempts to increase peasants' social status and consequently to change their sphere of activity. The author's conclusions are proved by archive documents and biographies of honored artists that come from peasantry of Donskoye Host.

Bragina N. N. Bureaucratic scherzo by the eyes of a musician (About the peripeteias of spiritual life of an individual in the background of a world's order picture in the town of Gradov, composed by Andrei Platonov: funny and not funny)

Key-words: satire, structure, acceleration and braking of time, polyphonic play, absurd, stylistic mezaliance.

The article analyses the satiric story by A. Platonov «The Town of Gradov» as an analogue to musical scherzo. The playing principles of text structure that is similar to musical ones are shown in the article. The image of bureaucrat-philosopher Shmakov is evident in the close connection with the picture of the town Gradov that is represented as a symbol of a new world creation.

Porozov V. A. The 20-th anniversary international scientific-theoretical conference on intelligentsia studies in Ivanovo, September 24—26, 2009

Key-words: intelligentsia, intelligentsia studies, scientific-theoretical research, researchers, science, conference.

The work sums up the results of the annual 20th international scientific-theoretical conference «Intelligentsia: genesis, formation, coming-to-be, development and activity», that was held on September, 24—26, 2009 in Ivanovo State University. The author shows the most interesting reports which were discussed during the symposium. Much attention is paid not only to the well-known specialists in intelligentsia studies but also at young researchers as well. The article also tells us about the discussion that was held during the conference on the problems of interrelationship between social and spiritual intelligentsia.

Информация для авторов

Редколлегия междисциплинарного журнала социально-гуманитарных наук «Интеллигенция и мир» приглашает к сотрудничеству как ведущих специалистов, так и начинающих исследователей, работающих в различных сферах гуманитарного знания. Журнал уже получил регистрацию в Комитете по печати РФ. С 2010 года наш журнал включен в список ВАК. Мы будем рады видеть Ваши публикации на страницах журнала «Интеллигенция и мир».

Предполагается публиковать статьи по следующим **актуальным проблемам** современной науки:

- **Актуальные проблемы современного интеллигентоведения;**
- **Генезис, становление, развитие и деятельность интеллигенции;**
- **Роль интеллигенции в развитии государственности и культуры России и зарубежных стран;**
- **Интеллигенция и общество в современных условиях;**
- **Роль личности в мировой и отечественной культуре и истории;**
- **Международные отношения и личность;**
- **Роль религии в развитии мировой культуры;**
- **Учебно-методические проблемы преподавания интеллигентоведения и других дисциплин социально-гуманитарного цикла;**
- **Рецензии на научные издания и диссертации, хроника научной жизни;**
- **Из архивных фондов: публикация исторических источников.**

Редколлегия также рассмотрит и другие Ваши предложения.

Требования к оформлению статей

1. В журнал принимаются материалы в электронном виде на диске стандартного формата с приложением одного экземпляра распечатки на белой бумаге.

Максимальный размер статьи — 1,0 авт. л. (20 страниц текста через 1,5 интервала, 30 строк на странице формата А4, не более 65 знаков в строке, выполненного в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman или Times New Roman Cyr, кегль 14), сообщения — 0,5 авт. л. (10 страниц).

2. Материал для журнала должен быть оформлен в следующей последовательности: **ББК** (в библиографическом отделе библиотеки ИвГУ); на русском и английском языках: **инициалы и фамилия автора, название материала**, для научных статей — **аннотация** объемом 10—15 строк и **ключевые понятия; текст статьи** (сообщения).

3. Библиографические источники должны быть пронумерованы в алфавитном порядке, ссылки даются в тексте статьи в скобках в строгом соответствии с пристатейным списком литературы. Библиографическое описание литературных источников к статье оформляется в соответствии с ГОСТом 7.1-84.

4. Фотографии, прилагаемые к статье, должны быть черно-белыми, контрастными, рисунки — четкими.

5. В конце представленных материалов следует указать полный почтовый адрес автора, его телефон, фамилию, имя, отчество, ученую степень, звание, должность, полное название кафедры (для внешних авторов — учреждения). Материал должен быть подписан всеми авторами.

6. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

7. Материалы, представляемые к публикации в журнале, должны пройти научную экспертизу и сопровождаться положительной рецензией.

8. Редакция оставляет за собой право осуществлять литературную правку, корректирование и сокращение текстов статей.

9. Рукописи аспирантов публикуются бесплатно.

Уважаемые коллеги!

В издательстве Ивановского госуниверситета вышли в свет коллективная монография и сборник научных и учебно-методических материалов, подготовленные Межвузовским Центром гуманитарного образования по политологии, политической культуре и мировой политике.

Издания адресованы научным работникам и преподавателям высшей школы, а также всем, интересующимся проблемами интеллигенции.

ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В издании анализируются дискуссионные проблемы интеллигентоведения и теоретико-методологические аспекты феномена интеллигенции с древнейших времен по настоящее время. Коллектив авторов с позиций истории, философии, филологии, политологии и других наук рассматривает интеллигенцию в рамках комплексного междисциплинарного подхода.

**ИНТЕЛЛИГЕНТОВЕДЕНИЕ
В СИСТЕМЕ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК:
ИССЛЕДОВАНИЯ И УЧЕБНО-
МЕТОДИЧЕСКИЕ РАЗРАБОТКИ**

Сборник посвящен проблемам интеллигентоведения в их историческом, философском, политологическом, культурологическом и методическом аспектах. Интеллигентоведение рассматривается как самостоятельная отрасль научного знания, изучающая генезис, формирование, становление, развитие и деятельность интеллигенции.

Заявки на приобретение

Вы можете высылать по адресу:

153025 г. Иваново, ул. Ермака, 39
Ивановский государственный университет,
кафедра истории и культуры России.

E-mail: vs_memetov@mail.ru.

Стоимость одного экземпляра составляет 150 руб.
Книги будут Вам высланы наложенным платежом
с учетом стоимости упаковки и пересылки.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И МИР

**Российский междисциплинарный журнал
социально-гуманитарных наук**

2010 № 1

Подписано в печать 25.03.2010 г.

Формат 60 × 84¹/₁₆. Бумага писчая. Печать плоская.

Усл. печ. л. 8,37. Уч.-изд. л. 7,1. Тираж 500 экз.

Издательство «Ивановский государственный университет»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39

☎ (4932) 93-43-41 E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

Типография ГОУ СПО «Ивановский энергетический колледж»

✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 41

☎ (4932) 32-50-89 Адрес в Интернете www.tip1.ru